
Богатыри
и князья
Русской земли
Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ

3136 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ +

Шифр Ш3(2=Р)Н17 Инв. № 2480052

Автор Надеждин Н.Я.

Название Богатыри и витязи русской земли.

Место, год издания Спб, 1911

Кол-во стр. [2], III, 196, II, [2].

-"- отд. листов

-"- иллюстраций 16 л. ил.

-"- карт

-"- схем

Том ______ часть ______ вып. ______

Конволют

Примечание:

27.06.89 г

1992

21.09 – 643211

2004.

8.12 – 322486

9.XII – 1 –

Богатыри и витязи Русской земли

ПО БЫЛИНАМЪ, СКАЗАНІЯМЪ И ПѢСНЯМЪ

СОСТАВИЛЪ

Н. А. НАДЕЖДИНЪ

Съ акварелями, отдѣльными картин. и рисунк. въ текстѣ худ. Э. К. Соколовскаго

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гост. Дворъ, 18 и Невск., 13

МОСКВА
Кузнецк. М., 12 и Мохов., 22

1911

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ. Вас. Остр. 16 линія соб. домъ.
1911

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ко временамъ давно минувшимъ, въ совсѣмъ особый міръ,—міръ витязей и богатырей, неслыханныхъ геройскихъ подвиговъ, силъ могучихъ, не знающихъ удержу, переносятъ насъ старинныя пѣсни, распѣваемыя народомъ, такъ-называемыя былины.

Народъ самъ въ незапамятныя времена сложилъ эти удивительныя пѣсни-сказанія про русскихъ богатырей и витязей сѣдой, отдаленной старины. И переходили эти сказанія изъ устъ въ уста, отъ стариковъ къ дѣтямъ, безыскусственно передавая каждому новому поколѣнію древнія «были». «Были» — потому, что народъ вѣритъ въ существованіе богатырей въ прошломъ, вѣритъ, что все разсказываемое дѣйствительно было. Въ историческихъ записяхъ и лѣтописяхъ сохранилось многое, указывающее, что нѣкоторыя событія, перешедшія въ былины, дѣйствительно совершились, только народъ передѣлалъ по-своему эти сказанія, разукрасилъ ихъ и преувеличилъ.

Былины разсказываютъ намъ о диковинной «старинушкѣ», когда народъ еще не зналъ предѣла своей «силушкѣ» и еще не умѣлъ употребить ее на пользу родины. Но проходило время: народъ, какъ ребенокъ, выросталъ и учился мыслить; устраивалъ свою жизнь, пріобрѣталъ друзей и враговъ, и силушка нашла себѣ исходъ въ служеніи на пользу близкимъ, на пользу родинѣ; и народъ сталъ пѣть уже о другихъ герояхъ, стоявшихъ на стражѣ Руси, на заставѣ.

Былина — это самъ народъ со всѣми его темными и свѣтлыми сторонами; былина — это сама жизнь Руси, и жизнь эта рисуется въ пѣсняхъ со всѣхъ сторонъ, со всѣми подробностями обстановки домашней, военной и придворной. И это придаетъ былинѣ особенную цѣнность: она воскрешаетъ передъ нами древне-русскій укладъ жизни съ самыми мелочными подробностями.

Каждый народъ имѣетъ свою поэзію, подобную нашимъ былинамъ, свой, какъ говорятъ, «эпосъ», рисующій жизнь того или другого народа, и наши былины принадлежатъ къ числу самыхъ поэтическихъ и прекрасныхъ эпическихъ пѣсенъ.

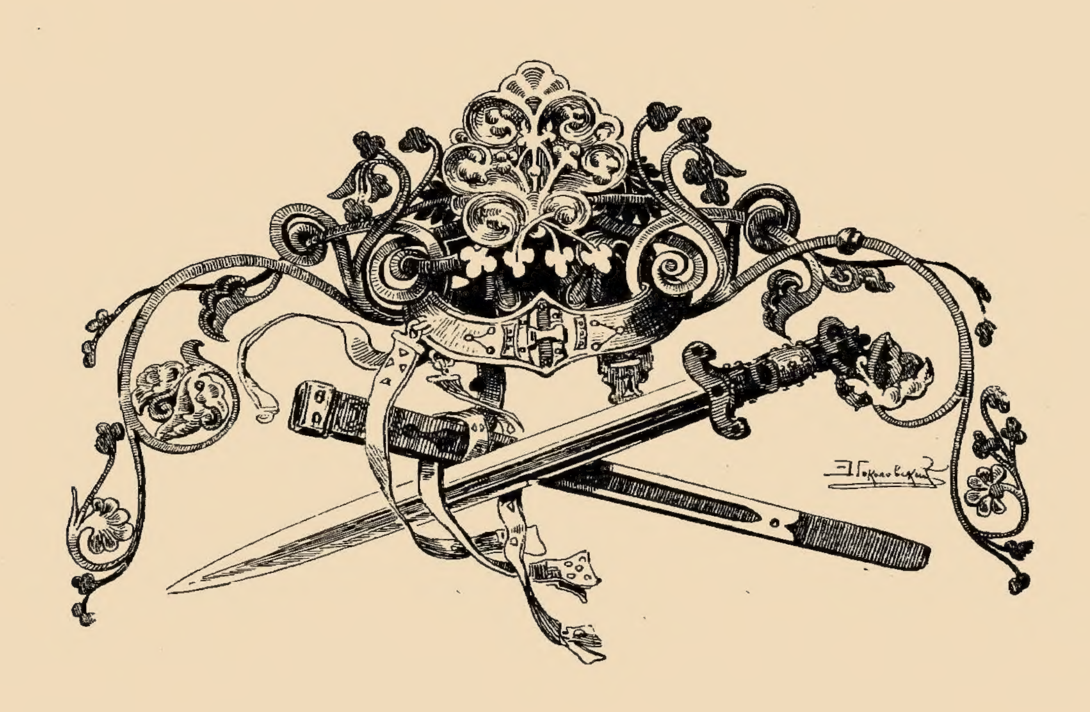
Долгое время народныя пѣсни-сказанія, извѣстныя подъ названіемъ былинъ, не останавливали на себѣ вниманія и оставались не записанными, пока ученые Рыбниковъ и Гильфердингъ (и еще многіе другіе) не заинтересовались ими. Когда былины собрали и напечатали, всѣ съ удивленіемъ узнали о новомъ богатствѣ русской поэзіи, о новыхъ красотахъ, которыя скрывали въ себѣ эти «сказки», какими ихъ раньше считали. И за этими «сказками», помимо ихъ глубокой поэзіи, признали громадное педагогическое значеніе, признали, что былины учатъ насъ любить родину и создавшій ихъ народъ, сила, доблесть, недюжинный умъ и добрыя качества котораго открываются въ созданныхъ имъ легендахъ.

Но въ подлинномъ своемъ видѣ, въ томъ видѣ, какъ ихъ «сказывалъ» народъ, былины слишкомъ объемисты и неудобны для чтенія мало подготовленному читателю. Тутъ нуженъ доступный для общаго пониманія пересказъ, но такой, который сохранилъ бы всѣ основныя формы былины, духъ и образы оригиналовъ, устраняя все неподходящее, противорѣчивое, или слишкомъ часто повторяющееся въ ущербъ ясности содержанія.

Удовлетворить этому требованію и имѣетъ цѣлью настоящее изданіе, въ которомъ собраны всѣ наиболѣе выдающіяся былины о русскихъ богатыряхъ и витязяхъ.

То, что дано могучей фантазіей народа, дополнено въ настоя-

щемъ изданіи рисунками художника, всецѣло проникшагося героическимъ духомъ былинъ и пытавшагося соотвѣтственно этому воспроизвести дивные эпизоды богатырскихъ дѣяній и воплотить величавые образы могучихъ русскихъ былинныхъ богатырей и витязей.

I.

Вольга Святославичъ.

Закатилось красное солнышко за синія моря, за высокія горы, вышелъ на небо свѣтлый мѣсяцъ и вывелъ за собою веселый хороводъ ясныхъ частыхъ звѣздочекъ... Въ эту ночь родился въ Кіевѣ могучій богатырь, молодой Вольга Святославичъ.

Въ часъ его появленія на свѣтъ земля задрожала и синее море взволновалось; звѣри всѣ поразбѣжались: олени и туры забрались въ свои норы, лисицы и зайцы скрылись въ лѣсныя чащи, волки, медвѣди забились по ельникамъ, птицы поднялись высоко въ небеса, рыба ушла въ морскія глубины: почуяли всѣ, что гроза пришла на нихъ: родился могучій богатырь.

Растетъ Вольга не по днямъ, а по часамъ, говоритъ громко, словно громъ гремитъ; говоритъ молодой своей матушкѣ Марѳѣ Всеславьевнѣ такія рѣчи:

— Государыня-матушка! не пеленай меня въ дорогія пеленки, не надѣвай на меня пояса шелковаго—пеленай меня въ булатныя латы крѣпкія, золотой шлемъ надѣнь мнѣ на буйную голову, въ руки дай палку свинцовую тяжелую, грузную, вѣсомъ въ триста пудовъ!

Подросъ могучій Вольга; семи лѣтъ отдала его мать учиться; пошла ему впрокъ наука: выучился онъ всякимъ наукамъ и хитростямъ, да мало ему этого ученья показалось. Уходилъ Вольга изъ дома въ горы высокія, въ лѣса темные, къ старымъ волхвамъ-мудрецамъ и научился у нихъ Вольга разнымъ премудростямъ: научился Вольга обертываться яснымъ соколомъ, да сѣрымъ волкомъ, да гнѣдымъ туромъ съ золотыми рогами.

Въ двѣнадцать лѣтъ сталъ Вольга прибирать себѣ дружинушку: три года приходили къ нему добрые молодцы, приходили съ полудня и съ сѣвера, и съ востока и запада: набралось дружины семь тысячъ, все храбрые да сильные молодцы.

И поѣхалъ Вольга съ дружиною въ чистое поле добывать себѣ славы и богачества.

— Храбрая моя дружинушка! — говоритъ Вольга,— вейте-ка вы веревочки шелковыя, становите силки по сырой землѣ, ловите куницъ и лисицъ, дикихъ звѣрей и черныхъ соболей.

Послушалась Вольги дружина: вили веревки, ставили силки; три дня и три ночи провели за работой добрые молодцы: только не ловится никакой звѣрь, какъ нарочно,—вернулась къ Вольгѣ дружина съ пустыми руками.

Оборотился тогда Вольга львомъ могучимъ, побѣжалъ въ лѣса, набилъ всякаго звѣря, накормилъ по-царски свою дружинушку, разодѣлъ въ шубы чернаго соболя.

Во второй разъ посылаетъ Вольга добрыхъ молодцевъ:

— Храбрая моя дружинушка! вейте-ка вы шелковыя веревочки, наставьте силковъ на вѣтвяхъ деревьевъ: наловите гусей, лебедей, ясныхъ соколовъ, мелкой птички!

Три дня и три ночи провела на охотѣ дружинушка Вольги: ни одной птички въ силкахъ не запуталось; пришли къ Вольгѣ съ пустыми руками.

Обернулся Вольга нагуй-птицей, взвился стрѣлой подъ небеса; наловилъ, набилъ всякой птицы, принесъ своей дружинушкѣ.

Въ третій разъ говоритъ Вольга:

— Храбрая моя дружинушка! Возьмите-ка вы стальные топорики, постройте крѣпкое судно дубовое, забросьте въ море невода шелковые, наловите всякой рыбины: семги и бѣлужинки, и щукъ и плотичекъ маленькихъ, и осетровъ дорогихъ.

Три дня и три ночи пробыли витязи на морѣ; не поймали и одной маленькой рыбки! Не знаютъ, какъ Вольгѣ и на глаза показаться. Видитъ Вольга, плохо дѣло, придется самому отправляться за добычей. Обернулся тутъ Вольга рыбой-щукой, опустился на морское дно глубокое, наловилъ всякой рыбы; накормилъ свою дружинушку яствами сахарными, да все перемѣнными. Живутъ они себѣ, поживаютъ, никакой заботы не знаютъ, не вѣдаютъ.

Пошли однажды по Кіеву слухи, что собирается индѣйскій царь войною на славный, стольный городъ; грозитъ взять Кіевъ, разорить, Божьи церкви огню предать.

Разуменъ и догадливъ былъ добрый молодецъ Вольга; собралъ онъ свою храбрую дружинушку, пошелъ въ походъ къ Индѣйскому царству. Шли день, другой; говоритъ Вольга дружинѣ:

— Удалые, добрые молодцы, собралось васъ здѣсь немного, немало семь тысячъ; нѣтъ-ли между вами такого человѣка, который обернулся бы гнѣдымъ туромъ да сбѣгалъ бы сейчасъ въ Индѣйское царство, поразвѣдалъ, что замышляетъ царь Салтыкъ Ставрульевичъ?

Низко кланяется Вольгѣ дружинушка, словно травка вѣтромъ къ землѣ пригибается, говоритъ:

— Нѣтъ у насъ другого такого человѣка, кромѣ тебя, Вольга Святославичъ.

Обернулся тутъ Вольга гнѣдымъ туромъ съ золотыми рогами и побѣжалъ къ Индѣйскому царству: первый прыжокъ сдѣлалъ—за версту ушелъ, а со вторымъ и совсѣмъ изъ вида скрылся. Обернулся Вольга потомъ яснымъ соколомъ, прилетѣлъ въ Индѣйское царство, сѣлъ на косящатое окошечко царскихъ палатъ бѣлокаменныхъ и слышитъ, какъ жена царя Салтыка, Елена Азвяковна, говоритъ своему мужу:

— Идешь ты, славный царь, войной на святую Русь, а не знаешь, что взошелъ на небо свѣтлый мѣсяцъ, родился въ Кіевѣ могучій богатырь, сильный врагъ твой, Вольга Святославичъ!

Разгнѣвался тутъ на жену свою Салтыкъ Ставрульевичъ за то, что она его отговариваетъ на Русь идти, чужого богатыря хвалитъ; схватилъ царицу да какъ ударитъ ее сразмаху о каменный полъ!

Полетѣлъ Вольга прочь отъ окошка; обернулся звѣремъ-горностаемъ, пробрался въ подвалы, погреба, въ высокіе терема Индѣйскаго царства, перекусилъ тетивы у тугихъ луковъ, отломалъ желѣза у каленыхъ стрѣлъ и закопалъ въ землю, чтобы не съ чѣмъ было воевать Салтыку. И снова Вольга обернулся яснымъ соколомъ, взвился высоко подъ небеса, полетѣлъ въ чистое поле, гдѣ оставилъ храбрую свою дружинушку. Видитъ Вольга —спитъ-почиваетъ дружинушка. Разбудилъ онъ добрыхъ молодцевъ:

— Вставайте, дружинушка моя храбрая, не время теперь спать-высыпаться: пора идти въ Индѣйское царство!

Подошли они къ каменной крѣпкой стѣнѣ индѣйскаго стольнаго города: высоки стѣны и крѣпки, желѣзныя ворота глухо-на-глухо заперты, мѣдными крюками-засо-

вами заложены. День и ночь ходятъ вокругъ города царскіе караулы. На воротахъ рѣзная рѣшетка тонкая мудрой работы: только мурашекъ-крошка и можетъ пробраться сквозь узоры рѣшетки: такіе они тоненькіе да узенькіе.

Закручинилась дружина Вольги:

— Напрасно мы тутъ свои головы сложимъ: какъ

Видитъ Вольга—спитъ-почиваетъ дружинушка.

пробраться сквозь эти мудреныя стѣны въ стольный индѣйскій городъ!

Слышитъ Вольга жалобу удалыхъ добрыхъ молодцевъ, говоритъ:

— Этому горю можно помочь!

Обернулся Вольга мурашкомъ и дружинушку свою обернулъ мурашками и пробралисъ они за городскія стѣны въ славное Индѣйское царство. Тутъ обернулись они снова добрыми молодцами на коняхъ, вооружились

кинжалами да копьями. Отдалъ имъ Вольга такой приказъ:

— Ходите вы по Индѣйскому царству, рубите стараго и малаго, не оставляйте въ живыхъ ни одного злодѣя-татарина; оставьте только въ живыхъ семь тысячъ красныхъ дѣвушекъ!

А самъ Вольга пошелъ въ царскія палаты къ индѣйскому царю. Сидитъ царь Салтыкъ Ставрульевичъ въ своемъ крѣпкомъ дворцѣ: заперты желѣзныя двери тяжелыми замками булатными. Толкнулъ Вольга ногой двери и слетѣли крѣпкіе засовы: отворять не понадобилось. Увидалъ Вольга царя Салтыка да и говоритъ:

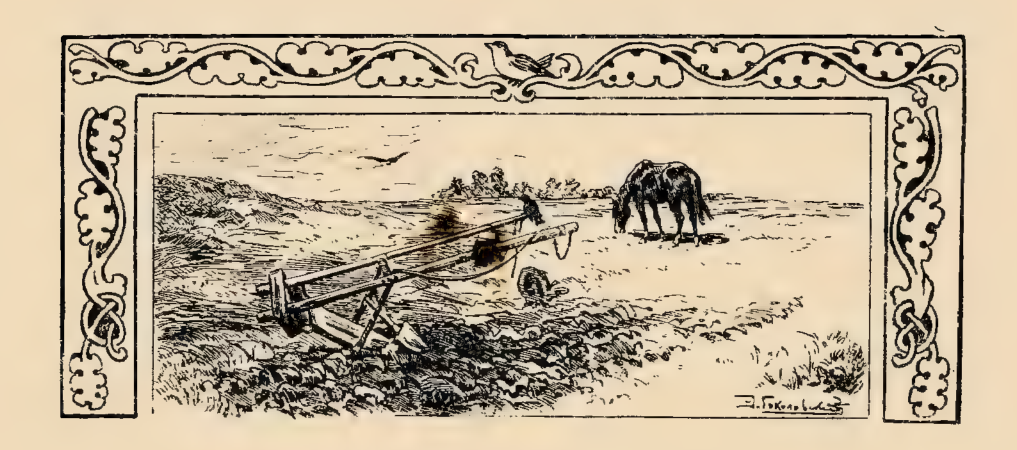
— Васъ не бьютъ, не казнятъ!—схватилъ его за бѣлыя руки, ударилъ о кирпичный полъ да и положилъ на мѣстѣ.

И сталъ Вольга самъ царемъ-государемъ въ Индѣйскомъ царствѣ, взялъ за себя замужъ прекрасную царицу Елену Азвяковну, а дружинушка его переженилась на душенькахъ красныхъ-дѣвушкахъ.

Щедро наградилъ Вольга своихъ добрыхъ молодцевъ: одарилъ серебромъ, золотомъ; каждому далъ табунъ коней во сто тысячъ.

Славитъ храбрая дружинушка своего удалого князя и по всей Руси идетъ громкая похвала дѣламъ и подвигамъ славнаго богатыря Вольги Святославича и его удалыхъ, добрыхъ молодцевъ.

II.

Вольга Святославичъ и Микулушка Селяниновичъ.

Пожаловалъ Вольгѣ Святославичу ласковый князь Владиміръ стольно-кіевскій три города съ крестьянами: Гурчевецъ, Орѣховецъ и Крестьяновецъ, и поѣхалъ Вольга съ храброй своей дружинушкой въ новые города свои за данью.

Выѣхалъ Вольга съ дружинушкой въ чистое поле, и видятъ они въ полѣ пахаря-оратая. Пашетъ оратай, добрую свою лошадку понукиваетъ; соха у оратая поскрипываетъ, задѣваютъ сошники о камушки.

Поѣхалъ Вольга пахарю навстрѣчу: ѣдетъ день, ѣдетъ другой—не настичь оратая; только на третій къ полудню, наконецъ, встрѣтились они. Пашетъ себѣ оратай: уѣдетъ въ край борозды—не видать его съ другого края; коренья, каменья вывертываетъ, въ борозду складываетъ. Лошадка у оратая соловая—небольшая, соха кленовая, гужи шелковые.

— Богъ помощь, оратаюшка, тебѣ пахать да крестьянствовати!—говоритъ Вольга.

— Спасибо на добромъ словѣ!—отвѣчаетъ оратай,—

Божья помощь мнѣ надобна, чтобы пахать да крестьянствовать. А ты куда путь держишь, добрый молодецъ, со своей храброй дружинушкой?

— Ѣду въ свои города Гурчевецъ, Орѣховецъ да Крестьяновецъ пособрать дани!

— Добрый молодецъ, славный богатырь Вольга Святославичъ! Былъ я только-что въ городахъ твоихъ; немного я вывезъ оттуда: лишь два мѣшка соли по сорока пудовъ. Жители въ нихъ разбоемъ промышляютъ: обираютъ проѣзжихъ да прохожихъ. Была со мной плеть съ желѣзнымъ наконечникомъ; заплатилъ я имъ дани хорошей: кто стоймя стоялъ, тотъ сидя сидитъ; кто сидя сидѣлъ, тотъ лежа лежитъ!

Позвалъ Вольга оратаюшку съ собой въ свои города. Согласился оратай, отпрягъ свою лошадку изъ сохи, сѣлъ на нее и поѣхали они дальше.

По дорогѣ оратай говоритъ Вольгѣ:

— Оставилъ я соху въ бороздѣ; придутъ, пожалуй, мужики-прохожіе, выдернутъ соху изъ земли и увезутъ съ собою; нечѣмъ мнѣ будетъ обрабатывать поле. Пошли ты свою храбрую дружинушку; пусть выдернутъ изъ земли мою сошку, отряхнутъ да бросятъ за ракитовъ кустъ!

Послалъ Вольга за сошкой пятерыхъ добрыхъ молодцевъ; вертятъ они сошку за оглобли, а не могутъ изъ земли выдернуть, бросить за ракитовъ кустъ.

Послалъ тогда Вольга десять человѣкъ дружинушки, чтобъ достали они сошку; вертятъ молодцы сошку за оглобли; нѣтъ силъ у нихъ изъ земли сошку вынуть.

Послалъ Вольга на помогу всю свою храбрую дружинушку; вся дружинушка не можетъ съ сошкой справиться.

Говоритъ Вольгѣ оратай:

— Даромъ у тебя дружинушка хлѣбъ ѣстъ; больно мало силы у добрыхъ молодцевъ!

И поѣхалъ самъ оратай къ своей сошкѣ. Взялъ онъ сошку одной рукой, изъ земли выдернулъ, встряхнулъ, бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Сѣли на коней, поѣхали дальше: оратая лошадка рысью идетъ, а Вольги конь вскачь едва за ней поспѣваетъ, а какъ прибавила кобылка соловая шагу, и совсѣмъ отсталъ конь Вольги, отъ усталости спотыкается.

Сталъ Вольга на коня покрикивать; проситъ:

— Подожди меня, оратаюшка.

Придержалъ оратай свою лошадку; Вольга и говоритъ:

— Что за добрая у тебя лошадка, оратаюшка! Кабы-бы была она не кобылкой, а конемъ — пятьсотъ рублей за нее дать можно.

— Какъ-бы не такъ!— отвѣчаетъ оратай,—взялъ я эту лошадку маленькимъ жеребчикомъ—тогда за нее пятьсотъ рублей заплатилъ; а если-бъ была она конькомъ—и цѣны-бы ей не было!

Пашетъ себѣ оратай...

Сталъ спрашивать Вольга, какъ зовутъ оратая по имени, величаютъ по отечеству?

Говоритъ оратай:

— Пройдетъ лѣто, напашу я ржи, въ скирды сложу, домой свезу, вымолочу; пива наварю, гостей назову; станутъ мужички зазывать меня, величать: здравствуй, молодой Микулушка Селяниновичъ!

Пріѣхали Вольга съ Микулушкой въ Орѣховецъ, Гур-

чевецъ да Крестьяновецъ. Какъ увидѣли жители богатырей, намостили мосты гнилые черезъ рѣки; поѣхала дружинушка Вольги — мосты подъ ней развалились; добрые молодцы въ воду попадали.

Ударили тутъ Вольга съ Микулушкой коней своихъ. Взвились кони, какъ стрѣлы, черезъ рѣку вихремъ перелетѣли. Расправились богатыри съ измѣнниками посвоему: не будутъ другой разъ въ споръ вступать съ добрыми молодцами могучими!

А на возвратномъ пути заѣхалъ Вольга съ дружиною къ Микулушкѣ на богатый пиръ.

Ласково приняли молодого богатыря красавицы, дочери Микулы Селяниновича: напоили, накормили до-сыта, ласковымъ словомъ проводили и встрѣтили; гусляры-пѣвцы на пиру богатырскіе подвиги въ пѣсняхъ славили. И пировали, гуляли добрые молодцы три дня и три ночи въ гостяхъ у Микулушки.

III.

Святогоръ.

Силенъ и могучъ богатырь Святогоръ; не только нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, который-бы съ нимъ на бой вышелъ, самъ Святогоръ не можетъ совладать со своей силушкой; тяжело ему носить ее въ себѣ, чувствуетъ, какъ силушка по жиламъ его бьется, переливается. Выросъ Святогоръ выше лѣсу стоячаго, выпрямится—достаетъ до облака ходячаго; земля колеблется подъ его богатырскими шагами, пойдетъ по берегу—моря изъ береговъ выливаются. Только и держатъ еще на себѣ богатыря Святыхъ горъ утесы каменные; они одни какъ-никакъ выносятъ на себѣ его мощь богатырскую.

Выѣхалъ однажды Святогоръ въ раздолье—чистое, поле и видитъ—идетъ впереди него мужичокъ прохожій небольшой, невидный, идетъ—не торопится, на плечахъ несетъ сумочку переметную.

Ѣдетъ Святогоръ часъ, другой; шибко конь богатырскій поскакиваетъ, бѣжитъ то вскачь, то рысью, а все не можетъ догнать прохожаго.

— Постой немножко,—кричитъ Святогоръ мужичку вдогонку, — что за диво: ѣду, ѣду, а догнать тебя не могу!

Снялъ прохожій съ плечъ сумочку переметную, положилъ ее на землю и пріостановился.

Подъѣхалъ Святогоръ, спрашиваетъ:

— А что лежитъ у тебя въ сумочкѣ?

— Подними, самъ узнаешь,—отвѣчаетъ прохожій.

Сталъ Святогоръ поднимать сумочку—а сумочка не шевельнется, съ земли не тронется, сколько ни старается надъ ней богатырь.

— Экое чудо!—говоритъ Святогоръ,—сколько лѣтъ я скитался по свѣту, а не видалъ ни разу, чтобы нельзя было поднять, съ мѣста стронуть маленькой сумочки переметной.

Слѣзъ Святогоръ съ коня, схватилъ сумочку обѣими руками, собралъ всю свою диковинную силушку, приподнялъ сумочку выше колѣнъ и чувствуетъ старый богатырь, что ушелъ онъ по колѣна въ землю, а по лицу не потъ струится отъ натуги—кровь потекла богатырская.

Говоритъ Святогоръ прохожему:

— Добрый человѣкъ, скажи, не утай, что у тебя въ сумочкѣ запрятано. Тяжко мнѣ отъ моей силушки, одной рукой изъ земли дубы съ корнями выворачиваю, а тутъ не могу поднять такой маленькой сумочки.

Отвѣчалъ прохожій:

— Въ сумкѣ моей вся тяга земная спрятана; не подъ силу поднять всю земную тягу даже и тебѣ, старый Святогоръ.

— А какъ звать тебя, добрый молодецъ?

— Зовутъ меня Микулушка Селяниновичъ.

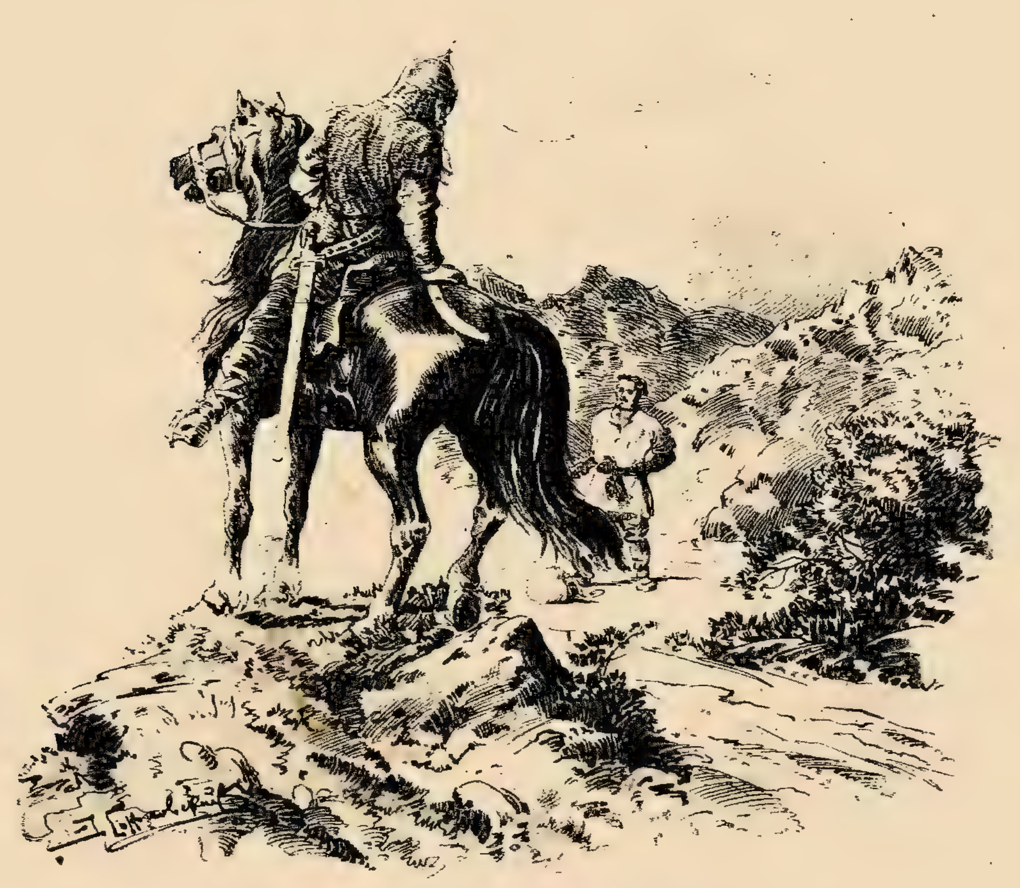
И сталъ Святогоръ спрашивать у Микулушки:

— Скажи мнѣ, молодой Микулушка Селяниновичъ, какъ мнѣ разузнать о судьбѣ своей?

Э. Соколовскій

— Поѣзжай-ка ты, богатырь, все впередъ до распутья, а потомъ возьми влѣво къ сѣвернымъ горамъ. Тамъ у горы стоитъ подъ деревомъ кузница, увидишь въ ней кузнеца: онъ тебѣ разскажетъ всю правду о судьбѣ твоей.

Снялъ прохожій съ плечъ сумочку переметную...

Поѣхалъ Святогоръ дорогой прямоѣзжею; длился путь его три дня и три ночи; словно вѣтеръ несъ богатыря добрый конь; рѣки, моря перепрыгивалъ, широкія долины промежъ ногъ пускалъ.

На третій день пути увидалъ Святогоръ кузницу и кузнеца. Куетъ кузнецъ два тонкихъ волоса; огромные мѣхи раздуваетъ.

Сталъ Святогоръ спрашивать кузнеца:

— Что куешь, добрый человѣкъ?

Отвѣчаетъ кузнецъ:

— Я кую судьбу: кому на комъ жениться. Есть и для тебя суженая, живетъ она въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ городѣ; только вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ лежитъ больная красная дѣвица, не встаетъ съ постели.

Не понравилось Святогору это предсказаніе.

„Поѣду я въ Поморское царство,—думаетъ себѣ богатырь,—да убью свою суженую; тогда не надо будетъ и жениться“.

Задумано—сдѣлано. Нашелъ Святогоръ свою суженую; лежитъ красная дѣвица въ бѣдной избенкѣ, всѣми покинута; вся корой обросла безобразной, двинуться не въ силахъ.

Испугался богатырь такой невѣсты. Положилъ на столъ пятьсотъ рублей, выхватилъ свой острый мечъ и вонзилъ его разъ-другой красной дѣвицѣ въ грудь, а самъ бѣжать скорѣе. Вскочилъ на коня, поскакалъ, назадъ оглянуться не хочетъ.

А дѣвица очнулась отъ богатырскаго удара, посмотрѣла на себя, подивилась; сошла съ нея кора и стала она красавицей невиданной, неслыханной; очи у ней какъ у сокола, брови соболиныя, сама бѣла какъ снѣгъ, на щекахъ румянецъ, словно заря алая.

Нашла она на столѣ пятьсотъ рублей; обрадовалась, накупила товаровъ, завела торговлю, золотой казной разжилась; пустилась на кораблѣ по морю синему, судьбы искать въ странахъ заморскихъ. Прошелъ о ней слухъ по всей землѣ: куда ни пріѣдетъ, весь народъ сбѣгается

смотрѣть на красоту ея неописанную. Пріѣхала она къ Святымъ горамъ, самъ Святогоръ вышелъ на нее полюбоваться.

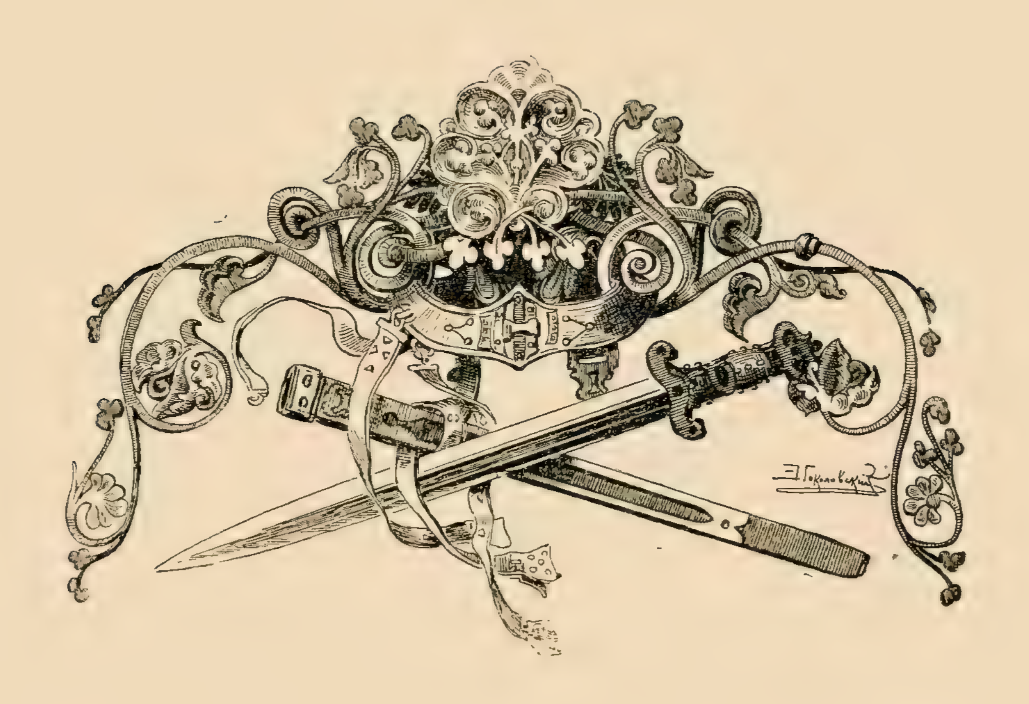
„Вотъ такую красавицу взялъ-бы я за себя замужъ!“—думаетъ богатырь.

И дѣвицѣ Святогоръ полюбился. Сосватались они тутъ да и поженились. Разсказала однажды Святогору жена молодая о своей прежней жизни: какъ она больная лежала, какъ выздоровѣла, какъ заѣзжій богатырь денегъ ей оставилъ.

— Да вѣдь тотъ богатырь и былъ я самъ!—сказалъ Святогоръ.

Подивились тутъ оба на судьбу свою, порадовались, что Богъ ихъ свелъ; стали жить, поживать да добра наживать.

IV.

Встрѣча Святогора съ Ильею Муромцемъ.

Захотѣлось славному казаку Ильѣ Муромцу повидать стараго Святогора. Поѣхалъ Илья къ Святымъ горамъ. Скитался долго по утесамъ добрый молодецъ, усталъ, а все Святогора не видно.

Прилегъ Илья отдохнуть немножко и заснулъ ни много, ни мало на двѣнадцать дней.

Слышитъ Илья сквозь сонъ—храпитъ его конь богатырскій, говоритъ ему человѣческимъ голосомъ:

— Спишь ты, отдыхаешь, свѣтъ Илья Ивановичъ, надъ собой бѣды близкой не чуешь: наѣзжаетъ на насъ Святогоръ-богатырь; полѣзай-ка скорѣе на сырой дубъ, а меня отпусти въ чистое поле.

Взобрался Илья на дубъ, смотритъ: приближается богатырь ростомъ выше лѣса стоячаго, головой достаетъ

до облака ходячаго; за плечами у него огромный ларь хрустальный.

Слѣзъ Святогоръ съ коня, открылъ ларь золотымъ ключомъ, вышла изъ ларя жена его, красавица, стала столъ убирать, яствами сахарными устанавливать.

Увидала Святогорова жена Илью Муромца на дубу высокомъ, испугалась, какъ-бы не разгнѣвался на него Святогоръ, не убилъ-бы во гнѣвѣ добраго молодца, и спрятала жена богатыря Илью въ карманъ Святогора еще и съ конемъ вмѣстѣ.

И день и два носитъ Святогоръ Илью у себя въ карманѣ, самъ про то не зная, не вѣдая, да стало не въ мочь коню Святогора такую тягость на себѣ поднимать: ходитъ конь—спотыкается, припадаетъ на рѣзвыя ноженьки.

Гнѣвается Святогоръ на коня.

— Ахъ ты, травяной мѣшокъ! что ходишь лѣниво, на каждомъ шагу спотыкаешься?

— Какъ-же мнѣ не спотыкаться?—говоритъ конь,—возилъ я бывало тебя, богатырь, да жену твою богатырскую, а теперь уже третій день, какъ ношу двухъ могучихъ богатырей да еще коня Ильева.

Почувствовалъ Святогоръ, что въ карманѣ у него что-то шевелится, сунулъ туда руку, досталъ изъ кармана Илью Муромца вмѣстѣ съ конемъ.

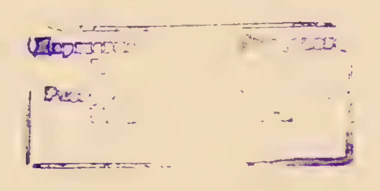
— Кто ты такой, добрый молодецъ, откуда родомъ?—спрашиваетъ Святогоръ.

— Зовутъ меня Ильею Муромцемъ, а родомъ я изъ села Карачарова.

Говоритъ Святогоръ Ильѣ:

— Будь-же ты мнѣ меньшимъ братомъ, а я научу тебя всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ.

И поѣхали богатыри въ путь-дорогу вмѣстѣ по горамъ и скаламъ; ѣздили долго-ли, коротко-ли — наѣхали

на дивное диво: стоитъ на горѣ огромный гробъ каменный, а около него лежитъ каменная крышка.

Говоритъ Святогоръ Ильѣ:

— Полѣзай-ка ты, старый казакъ, Илья Муромецъ, въ этотъ гробъ каменный: посмотримъ, придется-ли онъ тебѣ по мѣркѣ.

Легъ Илья въ гробъ—гробъ ему не по мѣркѣ: и широкъ, и длиненъ.

А какъ вышелъ Илья изъ гроба да легъ Святогоръ на его мѣсто—пришлась гробница Святогору по мѣркѣ, словно нарочно для него сдѣлана.

— Меньшій братъ! — проситъ Святогоръ, — накрой меня теперь крышкой!

— Нѣтъ, старшій братъ, не хочу тебя хоронить заживо. Это ты шутки надумалъ нехорошія!

Но Святогоръ взялъ самъ крышку и надвинулъ ее на гробъ — случилось невиданное чудо: срослись края крышки съ гробомъ; хочетъ Святогоръ подняться—не тутъ-то было, не хватаетъ силушки поднять камень, что давитъ грудь его богатырскую.

— Душно мнѣ, тяжко, братъ меньшой! помоги мнѣ изъ гроба на Божій свѣтъ выйти!

Взялъ Илья богатырскій мечъ Святогора, только не въ силу старому казаку размахнуться имъ, по каменной крышкѣ ударить.

— Нагнись ко мнѣ,—говоритъ Святогоръ,—я дохну на тебя духомъ своимъ богатырскимъ!

Дохнулъ на Илью Святогоръ и почувствовалъ Илья, какъ сразу въ немъ силушки прибавилось. Размахнулся онъ Святогоровымъ мечомъ и ударилъ по гробовой крышкѣ.

Зазвенѣлъ мечъ о камень, погнулся, а на мѣстѣ, гдѣ имъ Илья ударилъ, поперекъ всего гроба полоса желѣзная выросла.

Ударилъ Илья еще разъ — другая полоса желѣзная по крышкѣ протянулася.

Стонетъ, задыхается Святогоръ.

Размахнулся онъ святогоровымъ мечемъ...

— Нагнись еще, меньшій братъ, дохну на тебя еще своимъ духомъ богатырскимъ, передамъ тебѣ всю свою великую силушку: можетъ быть, тогда освободишь меня.

— Будетъ съ меня и этой силы,—отвѣчалъ Илья,—передашь ты мнѣ всю свою диковинную силушку — и меня тогда, какъ тебя, мать земля носить не станетъ.

Тогда Святогоръ промолвилъ:

— Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что меня сейчасъ не послушалъ: дохнулъ-бы я на тебя мертвымъ духомъ. Тутъ-бы тебѣ и конецъ былъ. Прощай-же — видно мнѣ судьба здѣсь смерть принять. Владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а коня моего привяжи здѣсь ко гробу; никому не совладать съ нимъ—никого не будетъ носить онъ послѣ меня.

Распрощался Илья со старшимъ своимъ братомъ названнымъ; три раза въ землю дивному гробу поклонился, пролилъ слезу горючую, призадумался, да и поѣхалъ тихонечко въ путь-дороженьку дальнюю.

V.

Дунай Ивановичъ.

Пируетъ ласковый князь Владиміръ-Солнышко въ стольномъ своемъ славномъ городѣ Кіевѣ. Гостей видимо-невидимо сидитъ за столами бѣлодубовыми: тутъ и князья-бояре и богатыри могучіе; тутъ и купцы торговые, и мужики деревенскіе. Длится пиръ и день и два: вино и медъ рѣкой льются; нѣтъ конца перемѣнамъ яствъ сахарныхъ.

Посмотрѣлъ Солнышко на веселыхъ гостей своихъ, пригорюнился, призадумался да и говоритъ:

— Всѣ-то здѣсь у меня на пиру добрые молодцы

женатые, у меня одного нѣтъ жены, а у васъ княгинюшки. Не съ кѣмъ жить мнѣ, не съ кѣмъ совѣтъ держать. Кто изъ васъ не знаетъ-ли для меня невѣсты? Чтобы лицомъ была пригожая и рѣчи умѣла вести разумныя: была-бы мнѣ доброй женой, а вамъ княгинюшкой ласковой.

Молчатъ всѣ гости въ отвѣтъ на рѣчь князя; младшій за старшаго прячется. Одинъ только добрый молодецъ, богатырь Дунай Ивановичъ, вышелъ изъ-за стола, поклонъ князю низкій отдалъ и промолвилъ:

— Князь Солнышко! знаю я для тебя невѣсту: въ литовскомъ царствѣ у короля есть двѣ дочери красавицы: старшая Настасья-королевична все по полю чистому ѣздитъ, ищетъ подвиговъ богатырскихъ; младшая Евпраксія живетъ дома, сидитъ въ теремѣ высокомъ, тридесятью замками заперта, чтобы солнышко не пекло ея лица бѣлаго, чтобы добрые люди красоты ея несравненной не сглазили. Во всемъ свѣтѣ не сыскать другой такой красавицы и разумницы, какъ Евпраксія-королевична: будетъ она тебѣ, князь, хорошей женой, а намъ княгиней ласковой.

Понравились Владиміру рѣчи Дуная.

— Возьми ты у меня, Дунаюшка,—сказалъ онъ,—сорокъ тысячъ воиновъ, возьми и казны золотой, сколько надобно, и поѣзжай скорѣе въ Литву сватать за меня прекрасную Евпраксію: если не отдадутъ ее тебѣ добромъ, добудь силою, только привези мнѣ мою суженую, а я тебя награжу всѣмъ, чего самъ пожелаешь: и городами съ пригородами, и селами съ приселками, и серебромъ, и золотомъ, и скатнымъ жемчугомъ.

И поднесъ князь богатырю чару зелена вина въ полтора ведра.

Взялъ Дунай чару одной рукой, выпилъ ее единымъ духомъ—не поморщился; взыграло въ немъ сердце богатырское; говоритъ Дунай князю:

— Солнышко Владиміръ! не надо мнѣ ни казны, ни воиновъ. Отпусти только со мной въ Литву моего люби-

Выѣхали два богатыря изъ стольнаго Кіева...

маго товарища, Добрыню Никитича, да дай намъ двухъ коней не ѣзжанныхъ, да двѣ плетки не хлестанныя, да два новыхъ сѣделышка черкасскихъ!

И на утро выѣхали два богатыря изъ стольнаго Кіева: видѣли, какъ они на коней садились, только не видѣли, какъ они въ путь-дорогу ѣхали: вспорхнули добрые молодцы, словно два сокола—только ихъ и видѣли.

Ѣдутъ не день, не два — ѣдутъ недѣлю-другую и пріѣхали въ Литву храбрую, прямо на дворъ королевскій. Говоритъ Дунай Добрынѣ:

— Останься пока, Добрынюшка, около коней во дворѣ королевскомъ и самъ поглядывай на окна палатъ бѣлокаменныхъ: если что понадобится да позову тебя—поспѣши мнѣ на помогу.

Разстались богатыри. Идетъ Дунай во дворецъ къ королю литовскому. Знаетъ добрый молодецъ обычаи заморскіе: крестомъ себя не осѣняетъ, Богу не молится—кланяется королю въ поясъ.

Узналъ король Дуная, обрадовался.

— Здравствуй, Дунаюшка, куда путь держишь? Еще послужить мнѣ не хочешь-ли? Былъ ты мнѣ вѣрнымъ слугою: годъ прожилъ конюхомъ, а другой годъ чашникомъ, а третій стольникомъ; за твои службы усердныя посажу я тебя за большой столъ на большое мѣсто, ѣшь, пей досыта.

— Батюшка король!—отвѣчаетъ Дунай.—Пріѣхалъ я съ добрымъ дѣломъ: послалъ меня ласковый Владиміръ князь сватать за него дочь твою, прекрасную Евпраксію-королевичну. Прислалъ тебѣ Солнышко на этомъ и грамоту свою государскую.

Нахмурился король, разгнѣвался:

— Не за свое ты дѣло взялся, Дунай Ивановичъ. Гдѣ-же это видано, чтобы младшую дочь раньше старшей присватывать, замужъ выдавать!

И позвалъ король своихъ татаръ:

— Возьмите-ка вы Дуная за бѣлыя руки да заприте его въ погреба глубокіе, закройте рѣшетками желѣз-

ными, задвиньте досками дубовыми, сырой землей сверху засыпьте. Пусть погоститъ у насъ въ глубокомъ погребѣ, на досугѣ думу раздумаетъ.

Вскочилъ тутъ Дунай изъ-за стола на рѣзвыя ноги: какъ уперся руками въ столы бѣлодубовые — всѣ столы закачались, посуда поразсыпалась, напитки поразливались, всѣ татары перепугались. Перескочилъ тутъ Дунай черезъ золотой стулъ, схватилъ татарина за ноги, сталъ имъ направо, налѣво помахивать, другихъ татаръ побивать. Самъ король со страху бѣгаетъ по палатѣ, шубой отъ Дуная прикрывается, уговариваетъ добраго молодца:

— Уймись, свѣтъ Дунаюшка, не гнѣвайся, попомни мою прежнюю хлѣбъ-соль королевскую, не губи моего народа, слугъ вѣрныхъ. Садись лучше со мной за дубовый столъ; отдамъ за князя Владиміра дочь свою Евпраксію; дамъ ей въ приданое и коней добрыхъ, и казны, сколько надобно.

— Не умѣлъ ты меня, добра молодца-свата честью встрѣтить, такъ я безъ тебя управлюсь; самъ возьму, что мнѣ понравится!

Пошелъ Дунаюшка по палатамъ королевскимъ: въ дверь плечомъ упрется—и ключей не надо: сами двери настежь отворяются; и добрался Дунай до высокаго золотого терема, гдѣ сидѣла за тридцатью дверьми, тридцатью замками запертыми, прекрасная королевична Евпраксія.

Спрашиваетъ Дунай Евпраксію:

— Пойдешь-ли, красная дѣвица, замужъ за нашего князя—Владиміра-Солнышка?

Отвѣчаетъ королевична:

— Три года я о томъ Бога молила, чтобы мнѣ за вашего князя замужъ выйти!

Взялъ тогда Дунай королевичну за бѣлыя руки, прихватилъ съ собой и слугъ королевскихъ, и золотой казны—

выходитъ на дворъ палатъ бѣлокаменныхъ, а на дворѣ Добрынюшка какъ услыхалъ, что обижаютъ Дуная, принялся съ татарами расправляться: уложилъ народу семь тысячъ и псовъ пятьсотъ штукъ безъ малаго.

Увидавъ Дуная съ Евпраксіей, унялся тутъ Добрыня, положилъ гнѣвъ на милость. Сѣли богатыри на коней и выѣхали въ раздолье чистое поле вмѣстѣ съ невѣстой княжеской.

Говоритъ по дорогѣ Евпраксія прекрасная:

— Слушай, тихій Дунаюшка Ивановичъ, есть у меня сестрица молодая, Настасья-королевична: ѣздитъ она въ чистомъ полѣ, богатырствуетъ; носитъ доспѣхи булатные, стрѣлы каленыя пускаетъ; силушку далъ ей Богъ великую. Смотри, не дѣлай ей зла, если съ ней въ полѣ встрѣтишься.

Ѣдутъ богатыри день, другой, застигла ихъ въ пути ноченька темная; поставили они палатку бѣлую полотняную, въ ногахъ привязали добрыхъ коней, въ головахъ воткнули острыя копья, въ правую руку взяли саблю, а въ лѣвую кинжалъ булатный и легли спать. Спятъ крѣпко, отдыхаютъ, однако слышатъ сквозь сонъ, какъ какой-то татаринъ ѣздитъ по чистому полю.

Встали раненько утромъ, росой умылись, Богу помолились, въ путь пустились; слышатъ—ѣдетъ за ними татаринъ въ погоню.

Говоритъ Дунай Добрынюшкѣ:

— Вези-ка ты, Добрынюшка, Евпраксію-королевичну въ Кіевъ къ Владиміру съ великою почестью, а я хочу съ богатыремъ силой помѣряться!

Такъ и сдѣлали.

Повернулъ Дунаюшка коня за татариномъ во слѣдъ.

Ѣхалъ долго-ли, коротко-ли, догналъ татарина; не затѣялъ Дунай сразу битвы, сталъ съ богатыремъ разговаривать.

— Зарычи-ка ты, татаринъ, по-звѣриному, засвисти по-змѣиному!

Засвисталъ, зарычалъ татаринъ: въ чистомъ полѣ камушки разсыпались отъ его крику молодецкаго, травушка полегла, повяла, цвѣточки съ корнями повыдернулись, самъ Дунай съ коня свалился.

Вскочилъ Дунай, бросился на татарина; завязалась между ними борьба великая: скоро повалилъ Дунай татарина на землю, сталъ Дунай богатыря разспрашивать:

— Скажи, добрый молодецъ, не утай, какъ звать тебя по имени, какого ты роду-племени?

Отвѣчаетъ татаринъ:

— Если-бъ я тебя съ коня сшибъ—не сталъ-бы я тебя объ имени твоемъ разспрашивать, а распоролъ-бы булатнымъ кинжаломъ твою грудь бѣлую.

Уже поднимаетъ Дунай свой кинжалъ булатный, да вдругъ сердце въ немъ встрепенулось, руки въ плечахъ застоялись, не поднимаются руки на татарина.

Говоритъ ему татаринъ:

— Какъ это не узналъ ты меня, тихій Дунаюшка: развѣ мы прежде по одной дорожкѣ не ѣзживали, за однимъ столомъ не сиживали?

Узналъ тутъ Дунай Настасью-королевичну, обрадовался.

— Поѣдемъ-же со мной, красная дѣвица, въ стольный Кіевъ; въ церкви Божіей повѣнчаемся—будешь мнѣ женою!

Сѣли они на коней и поѣхали въ Кіевъ: поспѣли къ тому времени, какъ въ соборной церкви вѣнчали прекрасную Евпраксію съ княземъ Владиміромъ. Тутъ-же повѣнчали и Настасью-королевичну съ Дунаемъ-богаты-

ремъ, и затѣялся великій пиръ въ палатахъ великокняжескихъ.

Пируютъ день, другой; развеселились гости; самъ Дунай на радостяхъ расхвастался:

— На всемъ свѣтѣ не найдется второго такого богатыря, какъ Дунай Ивановичъ: князя Солнышка женилъ, самому себѣ по сердцу жену нашелъ.

— Не хвастайся, свѣтъ Дунай Ивановичъ,—говоритъ ему молодая жена,—есть и получше тебя богатыри: никто не поспоритъ красотой съ Чурилой Пленковичемъ, смѣлостью съ Алешей Поповичемъ, вѣжествомъ съ Добрыней Никитичемъ. Есть и мнѣ чѣмъ похвастаться, даромъ что я женщина: никто не поспоритъ со мной умѣньемъ стрѣлять изъ лука. Выйдемъ-ка въ чистое поле; положу я свое колечко серебряное тебѣ на голову, за колечкомъ поставлю острый ножъ; какъ пущу я изъ лука стрѣлочку каленую, пройдетъ стрѣла черезъ колечко по острію ножа, расколется на двѣ равныя половинки; на глазъ будутъ половинки равны, на вѣсъ вѣрны.

— Посмотримъ,—говоритъ Дунай,—не даромъ ли ты хвастаешься!

И пошли они въ поле; стала Настасья стрѣлы пускать; каждая стрѣла сквозь колечко проходитъ, на острiѣ ножа на двѣ равныя половинки раскалывается.

Захотѣлось и Дунаю попробовать свое умѣнье, да не тутъ-то было. Сталъ стрѣлять; первый разъ стрѣлялъ—не дострѣлилъ, а второй разъ—перестрѣлилъ.

Разсердился Дунай на жену; стыдно ему стало, что она, женщина, лучше его стрѣлять умѣетъ, и говоритъ ей грозно:

— Становись-ка въ третій разъ передо мной—теперь уже выстрѣлю я, какъ слѣдуетъ—не промахнусь.

Видитъ Настасья—недоброе мужъ замышляетъ; упала передъ нимъ на колѣни, проситъ, молитъ:

Пустилъ стрѣлу Настасьѣ прямо въ темячко...

— Прости мнѣ, Дунаюшка, похвальбу мою неразумную, побей меня, накажи — только не казни лютой смертью!

Не слушаетъ Дунай, крѣпкій лукъ натягиваетъ, и пустилъ стрѣлу Настасьѣ прямо въ темячко и не охнула бѣдная, какъ снопъ на землю повалилась.

Спохватился тутъ Дунай: жалко ему стало молодой жены своей.

— Погубилъ я душу невинную; пусть-же тамъ, гдѣ пала головушка бѣлой лебеди, и соколъ ясный голову свою сложитъ!

Взялъ Дунай свой острый мечъ и пронзилъ имъ свою грудь бѣлую.

И потекла Дунай-рѣка отъ крови его богатырской, а отъ крови Настасьи другая потекла быстрая рѣченька: одна рѣка въ другую вливается, на быстрые ручейки распадаются, по землѣ свѣтлыми струйками разливаются.

VI.

Илья Муромецъ.

Подъ старымъ городомъ Муромомъ, среди лѣсовъ дремучихъ да болотъ и топей непроходимыхъ, жилъ въ богатомъ селѣ Карачаровѣ исправный крестьянинъ Иванъ Тимофѣевичъ съ женою своей Евфросиньею Яковлевной.

Подъ старость уже послалъ имъ Господь Богъ сынка, котораго они назвали Ильею. Всѣмъ бы взялъ Илюша: былъ онъ и здоровъ, и крѣпокъ, и разумомъ вышелъ — одно горе—не владѣлъ онъ ни руками, ни ногами, сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ.

Сидитъ однажды Илья въ избѣ одинъ одинешенекъ; пора была лѣтняя, страдная; всѣ ушли работать на дальнее поле; сидитъ Илья, объ своей участи горькой раздумываетъ и слышитъ, подходятъ подъ окна его избы двое каликъ перехожихъ. Стучатся калики въ окно:

— Отвори-ка намъ дверь, Илья Муромецъ, пусти къ себѣ въ домъ каликъ перехожихъ отдохнуть по пути.

Отвѣчаетъ Илья:

— Не могу я, Божьи люди, съ мѣста сдвинуться, воротъ отворить: сижу я сиднемъ вотъ уже тридцать лѣтъ; не владѣю ни руками, ни ногами.

Но повторяютъ калики свою просьбу и во второй, и въ третій разъ. Шевельнулся Илья на печи: что за диво! чувствуетъ, что можетъ встать; рѣзвыя ноженьки его держатъ, руками онъ владѣетъ. Вскочилъ Илья живо съ печи, отворяетъ каликамъ ворота, въ домъ ихъ къ себѣ ведетъ.

Говорятъ ему калики:

— Принеси намъ испить!

— Добрые люди, — отвѣчаетъ Илья,—вѣдь я безъ рукъ, безъ ногъ!

— Иди себѣ, иди, Илья Ивановичъ! насъ не обманывай!

Пошелъ Илья въ погребъ; налилъ чару зелена вина въ полтора ведра, приноситъ каликамъ. Дали калики Ильѣ испить того вина, спрашиваютъ Илью:

— Много-ли въ себѣ чувствуешь силушки?

— Кабы былъ отъ земли столбъ до неба, а въ столбѣ кольцо золотое,—говоритъ Илья,—взялъ бы я за это кольцо, всю-бы землю разомъ перевернулъ.

Переглянулись калики:

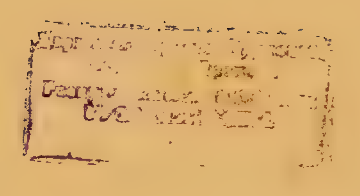
— А ну, Илья, принеси намъ еще чашу бражки.

Пошелъ Илья въ погребъ; идетъ, по дорогѣ за дубъ хватится—дубъ съ корнемъ изъ земли вырветъ, ноги у него по колѣна въ землѣ вязнутъ. Принесъ онъ браги; дали ему еще выпить калики.

— Сколько теперь, Илья, чувствуешь въ себѣ силушки?

— Божьи люди, теперь во мнѣ силушки половинушка!

Э. Соколовскій

— Довольно съ тебя и этой силушки,—говорятъ калики,—будешь ты, Илья, великимъ богатыремъ и смерть тебѣ въ бою не написана; смѣло можешь выходить въ бой со всякимъ богатыремъ, не бейся только со Святогоромъ богатыремъ—его и сама земля черезъ силу носитъ, не бейся съ Самсономъ великимъ—его стерегутъ

— А ну, Илья, принеси намъ еще чашу бражки.

ангелы Божьи, не затѣвай борьбы съ родомъ Микулы Селяниновича—его любитъ мать-земля сырая; не трогай Вольгу Святославича—этотъ, если силой не возьметъ, одолѣетъ тебя хитростью-мудростью.

— Слушай еще, какъ достать себѣ коня богатырскаго: пойди ты въ чистое поле, купи перваго жеребчика,

какого встрѣтишь, поставь его у себя въ конюшнѣ на три мѣсяца, откорми пшеницей бѣлояровой. Черезъ три мѣсяца, выводи коня по саду въ три ночи, вываляй въ трехъ росахъ утреннихъ, подведи къ высокому тыну; какъ научится конь тынъ высокій перескакивать по ту и по другую сторону — поѣзжай на немъ, куда хочешь.

Тутъ простились калики съ Ильею и скрылись изъ глазъ. Заснулъ Илья по ихъ уходѣ крѣпкимъ сномъ богатырскимъ; спалъ ни много, ни мало, цѣлыхъ двѣнадцать дней.

Пришли домой съ работы родители и сестры Ильевы, увидѣли, что Илья руками, ногами владѣетъ, изумились, глазамъ своимъ не вѣрятъ, плачутъ отъ радости.

Спрашиваетъ Илья у родителей:

— Родители мои милые, гдѣ вы крестьянскую работу работали?

— Работали мы, Ильюша, лугъ-пожню за три версты отъ дома.

— Сведите меня на ту пожню, укажите мнѣ мою работу!

Сталъ Илья лѣсъ расчищать; старыя деревья съ корнемъ повыворотилъ, повалилъ, надломилъ дубы крѣпкіе, распахалъ поле великое, запрудилъ корнями рѣчку быструю; столько одинъ въ три часа наработалъ, сколько отецъ, мать съ работниками въ три дня не сдѣлали.

Купилъ себѣ межъ тѣмъ Илья жеребчика у мужика-прохожаго, какъ ему калики совѣтовали, далъ за него цѣну неслыханную, пятьсотъ рублей съ полтиною, выкормилъ, выростилъ, въ росахъ валялъ; сталъ жеребчикъ конемъ на диво, Ильѣ вѣрнымъ другомъ-товарищемъ.

Пошелъ Илья къ родителю просить благословенія на путь-дорогу, на великіе подвиги.

Не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ—то Илья къ отцу рѣчь держитъ; не сырой дубъ къ землѣ клонится, не листочки его разстилаются—то Илья отцу земно кланяется, проситъ себѣ благословенья:

— Родимый ты мой батюшка! дай мнѣ своего благословенья въ славный стольный Кіевъ-градъ поѣхать, Кіевскимъ чудотворцамъ поклониться, послужить вѣрой-правдой Солнышку Владиміру, постоять за вѣру христіанскую.

Отвѣчаетъ старый крестьянинъ, Иванъ Тимофѣевичъ:

— Поѣзжай съ Богомъ; на добрыя дѣла даю тебѣ свое благословеніе родительское; только на худыя дѣла нѣтъ тебѣ моего благословенія; не проливай напрасно крови христіанской, не дѣлай зла даже и татарину, за сирыхъ, бѣдныхъ заступайся.

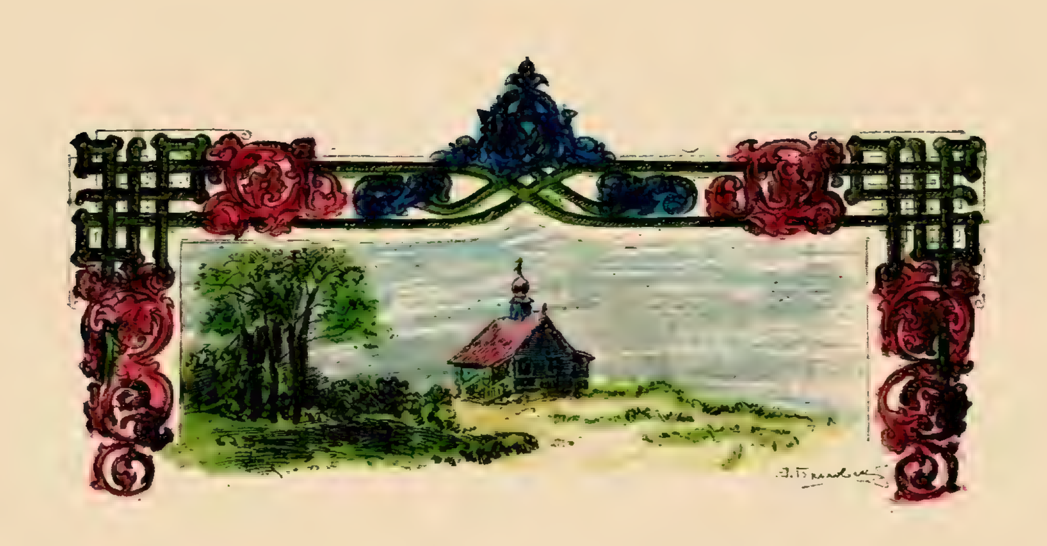
Поклонился Илья отцу съ матерью до земли, пошелъ снаряжаться въ путь-дороженьку: выковалъ себѣ изъ трехъ желѣзныхъ полосъ три стрѣлы могучія; сталъ Илья и мечъ себѣ разыскивать—только не нашлось по немъ меча: возьметъ Илья мечъ за рукоять, тутъ рукоять у него въ рукѣ и останется. Сковалъ тогда себѣ Илья копьё булатное, добраго коня-осѣдлалъ; положилъ войлочки на войлочки, потнички на потнички, поверхъ всего надѣлъ на коня сѣдло черкасское съ двѣнадцатью шелковыми подпругами, а тринадцатая была всѣхъ крѣпче, изъ желѣза выкована.

Пошелъ Илья къ горѣ силу пробовать; уперся въ гору—гора свалилась въ рѣку, вода въ новое русло повернула, и донынѣ обвалъ тотъ старики молодымъ показываютъ.

Зашилъ Илья въ ладонку горсть земли родимой, на-

дѣлъ ее на шею, пустилъ корочку хлѣбца по Окѣ-матушкѣ за то, что тридцать лѣтъ кормила его Ока, поила; отстоялъ службу Божію; сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ въ чужедальнюю сторонушку.

VII.

Илья Муромецъ подъ Черниговомъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ по чистому полю, къ Кіеву городу торопится: ударилъ онъ коня по крутымъ бедрамъ; разсердился ретивый конь, скачетъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго, на рѣкахъ броду не спрашиваетъ, съ берега на берегъ перепрыгиваетъ: первый скокъ скочилъ—на пятнадцать верстъ впередъ ушелъ, въ другой разъ скочилъ—колодезь скачкомъ пробилъ; у колодезя срубилъ Илья сырой дубъ, поставилъ часовеньку, написалъ на ней свое имя. Въ третій скокъ принесъ Илью конь къ городу Чернигову.

Подъ Черниговомъ стоитъ сила несмѣтная: три татарскихъ царевича, съ каждымъ сорокъ тысячъ воиновъ; отъ пыли, да пару лошадинаго не видать днемъ краснаго солнышка, не видать вечеромъ яснаго мѣсяца; изъ города жителямъ нѣтъ ни входа, ни выхода.

Разгорается въ Ильѣ сердце богатырское, жарче Илья распаляется; сталъ добрый молодецъ думу думать:

„Какъ быть? не побью татаръ—исполню завѣтъ отцовскій; побью—жителей освобожу Черниговскихъ.“

И рѣшилъ Илья помочь народу христіанскому—освободить Черниговъ отъ злыхъ полчищъ татарскихъ.

Взялъ Илья въ руки саблю острую; гдѣ размахнется—лягутъ цѣлой улицей татары побитые, повернется—набьетъ татаръ цѣлой площадью, тѣхъ конемъ потопчетъ, тѣхъ стременами помнетъ. Пробился Илья къ тремъ царевичамъ, пріостановился, да и говоритъ:

— Что мнѣ теперь съ вами дѣлать, цари-царевичи? Въ плѣнъ васъ взять—нельзя мнѣ васъ съ собой возить; мнѣ еще лежитъ дорога дальняя; голову съ васъ снять—жаль царскій родъ губить. Поѣзжайте-ка вы къ себѣ домой, разскажите своимъ людямъ, что русская земля не опустѣла, что есть въ ней славные, могучіе богатыри!

А въ Черниговѣ тѣмъ временемъ всѣ къ смерти готовятся, на страшный бой послѣдній выходить собираются, въ Божьихъ церквахъ причащаются. Видятъ: Илья въ городъ въѣзжаетъ, глазамъ не вѣрятъ.

— Какъ это ты, добрый молодецъ, въ городъ пробрался мимо несмѣтной татарской рати?

Отвѣчаетъ Илья:

— Не поздно-ли, добрые люди, вы на бой выходить собрались? Взойдите-ка на стѣну, взгляните въ чистое поле.

Пришли на стѣну жители Черниговскіе: что за диво дивное? Лежитъ побита вся татарская рать несмѣтная.

Побѣжали назадъ къ Ильѣ, низко кланяются богатырю могучему, хлѣбомъ-солью чествуютъ; зоветъ его къ себѣ воевода Черниговскій откушать, и воеводство свое ему отдаетъ, спрашиваетъ о родѣ-племени, объ имени-отчествѣ.

Говоритъ Илья:

— Родомъ я изъ города Мурома, изъ села Карачарова, крестьянскій сынъ, Илья Ивановичъ. Некогда мнѣ надъ вами воеводствовать; спѣшу въ стольный градъ

Низко кланяются богатырю могучему...

Кіевъ къ Владиміру князю; покажите мнѣ туда дорогу прямоѣзжую.

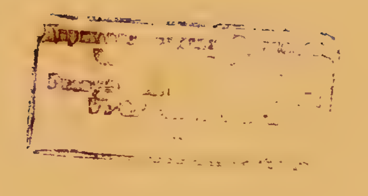
Отвѣчаютъ черниговцы:

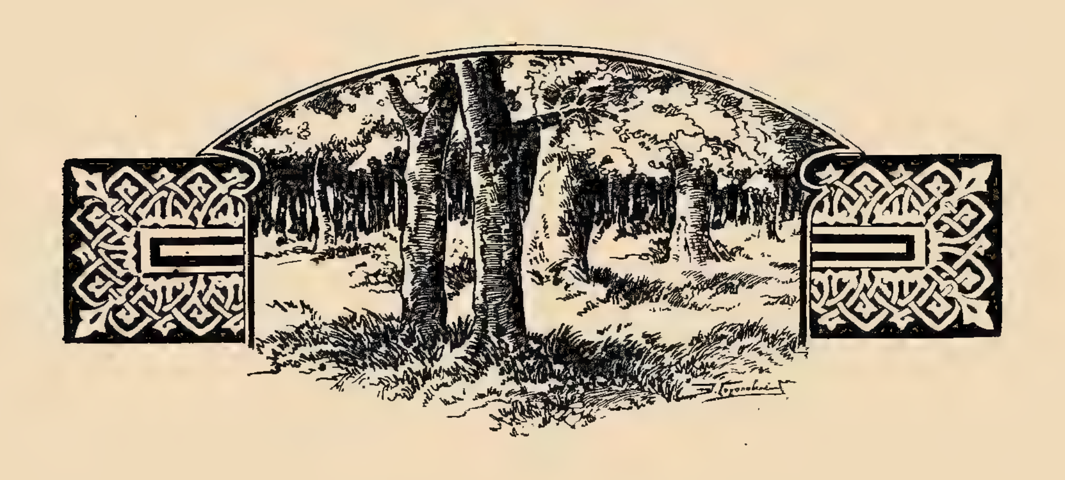
— Нельзя тебѣ, добрый молодецъ, ѣхать дорогой прямоѣзжею; залегла ее рѣка Смородина бурливая, болота, топи глубокія, и свилъ себѣ въ тѣхъ краяхъ гнѣздо Соловей-разбойникъ; зашипитъ по змѣиному, заревет по звѣриному—потеряешь напрасно буйную головушку; нѣтъ тамъ никому ни прохода, ни проѣзда.

— Стыдно мнѣ, богатырю, бояться реву звѣринаго, шипу змѣинаго, стыдно мнѣ по окольнымъ дорожкамъ прятаться; ужь ѣхать-такъ ѣхать прямо!—говоритъ Илья черниговцамъ, и повернулъ коня прямо къ рѣкѣ Смородинѣ, въ Брынскіе лѣса густые.

VIII.

Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ.

Пріѣхалъ Илья Муромецъ въ темные лѣса Брынскіе, видитъ передъ собою дивное диво: стоятъ рядомъ девять дубовъ могучихъ, вершиной въ облако небесное упираются; пусто все кругомъ; глушь, топь непроходимая; бѣжитъ изъ этихъ страшныхъ мѣстъ всякая тварь живая, отъ злодѣя Соловья-разбойника, что въ дубахъ развѣсистыхъ залегъ, отъ людского глаза прячется.

Услышалъ Соловей топотъ коня богатырскаго, засвисталъ по-соловьиному, зашипѣлъ по-змѣиному, зарявкалъ по-звѣриному; конь подъ Ильею со страху на колѣни палъ.

Разсердился Илья Муромецъ на своего бурушку.

— Ахъ ты, травяной мѣшокъ! только и годенъ ты волкамъ на съѣденье! чего боишься? неужели не слыхалъ никогда реву звѣринаго, шипу змѣинаго?

Натянулъ Илья свой тугой лукъ; взвилась каленая стрѣла, угодила Соловью прямо въ правый глазъ, свалился Соловей съ дуба.

Подобралъ тутъ Илья разбойника, привязалъ къ лукѣ коня и поѣхалъ съ нимъ въ гнѣздо Соловьиное. Состроилъ собѣ Соловей палаты на диво изъ добра награбленнаго. Дворъ у Соловья на семи верстахъ, обнесенъ весь желѣзнымъ тыномъ, на каждой тычинкѣ по маковкѣ, на каждой маковкѣ по головѣ богатырской воткнуто. Стоятъ за оградой три терема златоверхіе, сады ихъ окружаютъ тѣнистые, зеленые, цвѣтами алыми расцвѣченные. Подъ каждымъ теремомъ вырыты подвалы глубокіе; много лежало въ нихъ серебра, золота, камней драгоцѣнныхъ, скатнаго жемчуга горами наложено.

Вышла Соловьева жена на широкій дворъ, смотритъ въ трубку подзорную, видитъ недоброе дѣло: ѣдетъ чужой богатырь, везетъ съ собой ея мужа къ сѣдлу привязаннаго.

Бросилась она съ чердака въ теремъ, разбудила девять сыновей своихъ.

— Встаньте, проснитесь, ясные мои соколы! пойдите въ глубокіе подвалы, отомкните кованые ларцы: ѣдетъ чужой человѣкъ, везетъ отца вашего ремнями къ сѣдлу привязаннаго; просите, молите чужого богатыря, чтобъ отпустилъ на волю отца вашего; приготовьте подарки богатые: серебра, золота, скатнаго жемчуга.

Не стали слушать матери удалые сыновья разбойника: надумали они недобрую думушку:

— Обернемся черными воронами, заклюемъ Илью Муромца, отца на свободу выпустимъ!

Вышла старшая дочь Соловьева, Полька, къ воротамъ, ухватила подворотню въ девяносто пудъ, у воротъ ждетъ, притаилась. Сталъ Илья въѣзжать во дворъ— замахнулась на него Полька подворотней, что было силы; отвелъ Илья ея руку легонечко, попала подворотня въ самую богатыршу, тутъ Полькѣ и смерть пришла.

Видятъ жена и дѣти Соловьевы, что не въ силахъ

они съ Ильей бороться; принесли ему богатый выкупъ, просятъ, молятъ, чтобы отпустилъ разбойника на волю.

Взвилась каленая стрѣла, угодила Соловью прямо въ правый глазъ...

Не послушалъ Илья просьбъ ихъ, повезъ Соловья въ Кіевъ. Бѣжитъ конь Ильи быстрѣе сокола: вотъ они уже и на Днѣпрѣ рѣкѣ, а перевозчицей была тутъ

старшая дочь Соловья, Катюша. Проситъ ее разбойникъ:

— Дочь моя любимая, Катюшенька, не перевози ты богатыря на другую сторону: проси раньше, чтобъ отпустилъ онъ на волю твоего отца-старика—тогда перевезешь Илью на другой берегъ.

Слѣзъ тутъ Илья со своего бурушки; въ лѣвую руку взялъ шелковый поводъ, а правой рветъ съ корнемъ дубы крѣпкіе; намостилъ изъ дубовъ мостъ прочный черезъ Днѣпръ, самъ перешелъ и коня перевелъ.

Вынулъ тогда Илья изъ кармана шелковую плетку о семи ремняхъ, говоритъ перевозчицѣ:

— Теперь мы съ тобой, красная дѣвица, разсчитаемся!

Ударилъ разъ Катюшу—съ ногъ она свалилась; ударилъ другой—тутъ ей и смерть приключилась.

Было время послѣ обѣдни воскресной, какъ пріѣхалъ Илья Муромецъ въ Кіевъ къ ласковому князю Владиміру, прямо на дворъ великокняжескій; привязалъ Илья бурушку къ столбу бѣлодубовому посреди двора, наказалъ бурушкѣ крѣпко-накрѣпко:

— Береги, бурушка, пуще глаза Соловья-разбойника, чтобъ не ушелъ онъ изъ стремени булатнаго.

Вошелъ Илья въ палаты княжескія, помолился образу Спаса Пречистаго, отдалъ поклонъ на всѣ стороны, особеннымъ низкимъ поклономъ поклонился князю съ княгинею, все исполнилъ, какъ надо, по обычаю.

Ласково встрѣтилъ богатыря Владиміръ-князь, велѣлъ поднести ему чару зелена вина въ полтора ведра, сталъ Илью разспрашивать:

— Разскажи намъ, добрый молодецъ, какого ты роду-племени, чтобы намъ знать, какъ называть тебя, величать, какое тебѣ мѣсто дать?

— Ласковый князь, зовутъ меня Ильею Ивановичемъ; родомъ я изъ города Мурома. Пріѣхалъ я къ тебѣ

въ Кіевъ дорожкой прямоѣзжею, торопился поспѣть къ заутренѣ, а и къ обѣднѣ не поспѣлъ. Задержали меня дѣла важныя.

Говорятъ князю бояре:

— Ласковый князь! въ глаза тебѣ лжетъ богатырь: вѣдь дорога прямоѣзжая къ Кіеву залегла вотъ уже тридцать лѣтъ: не даетъ Соловей-разбойникъ ни проѣзда, ни прохода ни одному человѣку. Не выпилъ-ли добрый молодецъ по дорогѣ лишнюю чару зелена-вина, что больно расхвастался!

— Солнышко-князь! оттого я въ дорогѣ и позамѣшкался, что очищалъ ее отъ Соловья-разбойника: самого Соловья я привезъ на твой широкій дворъ къ сѣдлу привязаннаго; не хочешь-ли взглянуть на мою удачу богатырскую?

Тутъ поднялись съ мѣстъ и самъ князь и гости, побѣжали на дворъ Соловья смотрѣть. Сталъ Владиміръ Соловью приказывать:

— Зашипи-ка, Соловей Рахмановичъ, по-змѣиному, зареви по-звѣриному.

Отвѣчаетъ Соловей:

— Не твой хлѣбъ, князь, кушаю; не тебя и слушаю.

Проситъ Солнышко-князь Илью, чтобы заставилъ Соловья ревѣть да шипѣть.

— Запеклись у Соловья уста,—говоритъ Илья,—кровью отъ раны запечатались; вели, ласковый князь, дать ему чару зелена вина въ полтора ведра.

Взялъ Соловей чару одной рукой, выпилъ за одинъ разъ, попросилъ еще чару пива пьянаго да чару меду сладкаго, закусилъ калачикомъ крупичатымъ.

И велѣлъ Илья Соловью засвистать въ полсвиста.

Не послушался Соловей; зашипѣлъ, заревѣлъ во всю мочь Соловьиную, оглушилъ въ Кіевѣ весь народъ православный, самъ Владиміръ-князь къ землѣ пригнулся,

подняться не можетъ, прекрасная княгиня Евпраксія еле жива отъ страху.

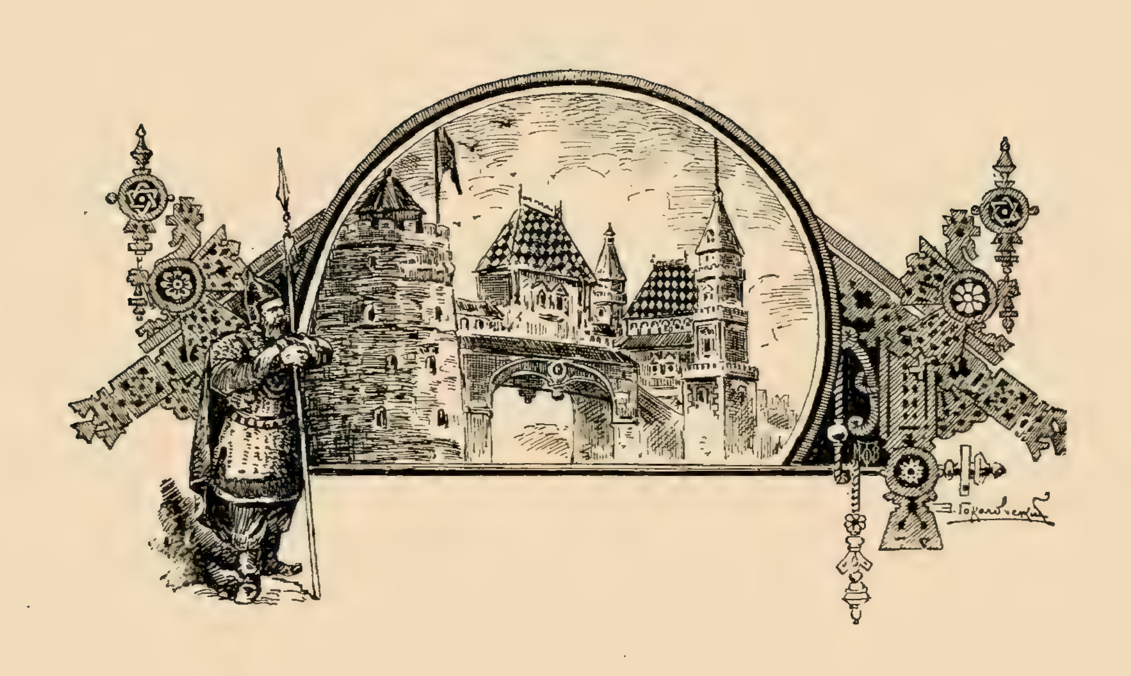
Говоритъ Владиміръ Ильѣ:

— Уйми Соловья—это шутки пошли плохія!

Расправился тутъ Илья съ Соловьемъ по своему за всѣ дѣла его злодѣйскія: схватилъ его за желтые кудри да ударилъ о сѣрый камень—съ тѣмъ Соловью и конецъ пришелъ.

А Илья заслужилъ себѣ честь, славу великую; и Владиміръ-князь затѣялъ новый пиръ на радостяхъ, что нѣтъ Соловья въ живыхъ и некому больше изводить богатырей могучихъ, обижать христіанъ православныхъ.

IX.

Застава богатырская и встрѣча Ильи Муромца съ Жидовиномъ.

Въ степяхъ широкихъ близъ славнаго стольнаго Кіева стояла богатырская застава; охраняли ее двѣнадцать славныхъ богатырей; атаманомъ у нихъ былъ самъ Илья Муромецъ, подъатаманомъ Добрыня Никитичъ, есауломъ Алеша Поповичъ; здѣсь-же съ нимъ были: боярскій сынъ Гришка да Васька Долгополый.

Крѣпко обороняютъ богатыри заставу: не пропускаютъ ни коннаго, ни пѣшаго: соколъ пролетитъ, и тотъ перо выронитъ; добрый молодецъ пройдетъ—головой поплатится.

Однажды разъѣхались богатыри ненадолго, кто куда: Алеша съ Гришкой въ Кіевъ, Добрыня на охоту къ синю морю, а Илья прилегъ отдохнуть въ шатрѣ.

Ѣдетъ Добрыня назадъ, видитъ въ полѣ слѣды отъ копытъ громадные: каждый слѣдъ величиною съ полпечи. Присматривается Добрыня къ слѣду, говоритъ себѣ:

— Это видно Жидовинъ, чужой богатырь, заѣхалъ въ наши вольныя степи изъ земли жидовской.

Вернулся Добрыня на заставу, разсказалъ Ильѣ, что видѣлъ въ полѣ. Скликаетъ Илья своихъ товарищей, богатырей могучихъ, совѣтъ держать.

— Что мы стояли на заставѣ, чего глядѣли? Не видали, какъ мимо насъ проѣхалъ чужой богатырь-Жидовинъ! Какъ быть теперь, кому ѣхать за злодѣемъ въ погоню?

Надумали богатыри послать на бой Ваську Долгополаго.

Говоритъ Илья:

— Неладное вы, братцы, надумали: у Васьки полы длинныя, въ бою Васька заплетется и погибнетъ понапрасну. Не посылайте и Гришку боярскаго: бояре любятъ хвастать своимъ родомъ-племенемъ. Станетъ Гришка въ бою своимъ родомъ хвастаться и погибнетъ понапрасному.

— Не послать-ли Алешу Поповича?—говорятъ богатыри.

Отсовѣтуетъ Илья:

— У Алеши глаза завидущіе, руки загребущія, любитъ Алеша серебро, золото; позавидуетъ богатству чужого богатыря, позарится на оружіе Жидовина, на его платье богатое, камнями самоцвѣтными разубранное, погибнетъ Алеша понапрасну!

И выбрали всѣ богатыри сообща Добрыню Никитича, чтобы ѣхалъ онъ сражаться съ Жидовиномъ.

Добрыня отъ службы не отказывается; сѣдлаетъ своего коня сѣдломъ черкасскимъ, беретъ въ руку палицу, вѣсомъ въ девяносто пудовъ, пристегиваетъ на бокъ саблю острую, захватилъ еще съ собою плетку шелковую; ѣдетъ прямо къ горѣ Сорочинской.

Посмотрѣлъ Добрыня въ трубку серебряную съ горы вдаль, въ чистое поле; видитъ — что-то передъ нимъ чер-

нѣется громадное: конь, какъ гора, на немъ богатырь, словно сѣна копна—не видать лица подъ мѣхавой шапкой пушистой.

Подъѣхалъ Добрыня ближе къ богатырю, закричалъ ему звонкимъ голосомъ:

— Эй ты, воръ, нахвальщикъ! Зачѣмъ ѣздишь мимо нашей заставы, не отдаешь поклона атаману, Ильѣ Муромцу, подъатаману, Добрынѣ Никитичу, не платишь сбора на всю нашу братію богатырскую есаулу Алешѣ Поповичу?

Услышалъ Жидовинъ добраго молодца, повернулъ онъ своего громаднаго коня, двинулся на Добрынюшку: вся земля кругомъ зашаталась, вода изъ озеръ повыливалась, конь подъ Добрыней на колѣни палъ.

Взмолился Добрыня Пресвятой Богородицѣ:

— Мать Пресвятая Богородица! унеси Ты меня отсюда по-добру по-здорову.

Вынесъ Добрыню добрый конь на заставу; разсказалъ богатырь товарищамъ, какая съ нимъ бѣда приключилась.

— Дѣлать нечего,—говоритъ Илья,—видно мнѣ самому надо ѣхать; некѣмъ мнѣ, старому, больше замѣниться!

Выѣхалъ Илья; посмотрѣлъ изъ кулака въ чистое поле; что-то въ полѣ громадное чернѣется: разъѣзжаетъ по полю богатырь заѣзжій, играетъ со своей палицей желѣзной, вѣсомъ въ 90 пудовъ: подброситъ палицу къ небу выше облака ходячаго, поймаетъ одной рукою, вправо, влѣво палицей помахиваетъ.

Обнялъ Илья своего бурушку косматаго, долгогриваго.

— Добрый ты мой товарищъ, бурушка, былъ ты мнѣ вѣрнымъ другомъ въ горѣ и въ напасти, сослужи мнѣ теперь службу добрую, чтобы не одолѣлъ насъ Жидовинъ заѣзжій.

Понесъ бурушка Илью навстрѣчу Жидовину. Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:

— Воръ, нахвальщикъ! Зачѣмъ ѣздишь мимо нашей заставы богатырской, атаману, Ильѣ Муромцу, поклона не отдаешь, есаулу Алешѣ сбора не платишь?

Обернулъ Жидовинъ коня — да не такъ-то легко напугать Ильева бурушку: стоитъ добрый конь, не дрогнетъ, Илья Муромецъ сидитъ на немъ, не шелохнется.

Съѣхались богатыри; какъ ударились палицами, у палицъ рукояти пообломилися—другъ друга богатыри не ранили; ударились острыми саблями—сабли на куски разлетѣлись; стали биться на копьяхъ—копья разсыпались вдребезги, а богатыри сидятъ себѣ на коняхъ—ни одинъ съ мѣста не стронулся.

Стали они тогда биться рукопашнымъ боемъ: бились день до вечера, а съ вечера до полдня, съ полдня до разсвѣта новаго дня. Махнулъ тутъ Илья правой рукою, лѣвая нога у него подвернулась; упалъ Илья навзничь на землю; наскочилъ на него Жидовинъ невѣрный, вытащилъ булатный ножъ, хочетъ Ильѣ отсѣчь голову по плечи, разрубить на двое грудь бѣлую, вынуть изъ ней сердце ретивое. Сидитъ нахвальщикъ на плечахъ у Ильи, самъ надъ старымъ богатыремъ издѣвается:

— И чего ты, старый старинушка, на заставѣ сидишь богатырской, еще въ бой выѣзжать задумалъ? Пора-бы тебѣ грѣхи свои замаливать: построилъ-бы на дорогѣ келейку, сидѣлъ въ ней да питался Христовымъ именемъ.

Лежитъ Илья подъ богатыремъ, невеселую думу думаетъ:

„Предсказали мнѣ святые отцы, что не въ бою мнѣ смерть написана, а вотъ теперь лежу я подъ богатыремъ.“

Только чувствуетъ Илья, какъ вдругъ у него силушки прибыло—высвободилъ старый одну руку, да какъ

Наскочилъ на него Жидовинъ невѣрный...

ударитъ Жидовина въ грудь; полетѣлъ нахвальщикъ выше дерева высокаго, а какъ на землю свалился—за-

вязъ въ землѣ по поясъ. Тутъ ему и смерть пришла. А Илья на заставу вернулся, говоритъ товарищамъ:

— Тридцать лѣтъ ѣзжу я въ поле, братцы мои названные, а такого чуда ни разу еще не наѣзживалъ!

X.

Илья Муромецъ и Идолище поганое.

Выѣхалъ однажды Илья Муромецъ въ чистое поле; день былъ лѣтній, длинный да жаркій; ѣдетъ старый Илья, не торопится, отпустилъ на бурушкѣ поводья шелковые.

Встрѣчаетъ Илья по дорогѣ калику перехожую, говоритъ ему:

— Здравствуй, старчище-Иванище, откуда бредешь, куда путь держишь?

— Иду я, братъ Ильюшенька, ко святымъ мѣстамъ, во святой градъ Іерусалимъ во Іорданѣ-рѣкѣ искупаться, ко гробу Христову приложиться, а былъ я только-что въ Царь-градѣ славномъ.

— Все-ли въ Царь-градѣ по-прежнему, по-быва-

лому,—спрашиваетъ Илья,—такъ-же ли въ церквахъ Божьихъ звонятъ, такую-ли же милостыню даютъ нищей братіи—каликамъ перехожимъ?

— Нѣтъ, Илькошенька, пришли для Царь-града плохія времена; все въ немъ не по-прежнему; по-новому, да не по хорошему. Завладѣлъ Царь-градомъ Идолище поганое; нѣтъ отъ него самому царю никакой воли, никому ни милостыни, ни пощады; святые образа изъ церквей повыносили, саблями порубили; не слыхать звону колокольнаго.

Разсердился Илья на калику:

— Какъ-же ты, старчище-Иванище, за церкви Божіи не заступился, съ Идолищемъ въ бой не вышелъ! Силы у тебя вдвое больше, чѣмъ у меня самого, а трусости хоть отбавляй. Ну-ка, давай мнѣ скорѣй твое платье каличье, шапку земли греческой да палицу въ девяносто пудъ. Пойду я съ Идолищемъ перевѣдаюсь, а ты сиди тутъ, коня моего стереги, пока не вернусь.

Не смѣетъ калика ослушаться Ильи; помѣнялись они платьемъ.

Пошелъ Илья въ Царь-градъ; каждый шагъ по верстѣ дѣлаетъ, земля подъ нимъ содрогается.

Говорятъ татары въ Царь-градѣ:

— Что это за мужикъ-невѣжа сюда явился? Шумитъ, стучитъ безъ толку; нашъ Идолище, даромъ что въ двѣ сажени ростомъ, а шуму такого не дѣлаетъ.

Подошелъ Илья къ окну царскихъ палатъ бѣлокаменныхъ, кричитъ громкимъ голосомъ:

— Великій царь Константинъ Боголюбовичъ, подай мнѣ, ради Христа, золотой милостыньки, пора мнѣ ужь перестать странствовать, да о душѣ подумать.

Пошатнулся теремъ отъ Ильева возгласа, хрустальныя окна поразбивалися, сердце у татаръ въ груди замерло.

Узналъ гостя царь Константинъ Боголюбовичъ, обрадовался, а Идолище говоритъ:

— Позови-ка, царь, этого калику сюда въ палаты, по-

Взялъ его Илья за ноги, сталъ имъ помахивать

сади за столъ бѣлодубовый, хочу я поговорить съ нимъ; накормимъ его до-сыта, напоимъ до-пьяна.

Посадили Илью за царскій столъ; сѣлъ съ нимъ рядомъ Идолище поганое, сталъ его выспрашивать:

— Скажи мнѣ, калика перехожая, видалъ-ли ты на Руси богатыря Илью Муромца, каковъ онъ изъ себя?

— Какъ мнѣ не знать Ильи; мы съ нимъ братья крестовые; ростомъ онъ съ меня и лицомъ на меня похожъ.

Усмѣхнулся Идолище:

— Не великъ-же вашъ богатырь! А по многу-ли Илья хлѣба ѣстъ, зелена вина пьетъ?

— Ѣстъ Илья по три калачика крупичатыхъ, зелена вина пьетъ на три пятачка мѣдныхъ.

— Плохъ-же вашъ богатырь,—говоритъ Идолище,— такого богатыря я на ладонь посажу, а другой прикрою— такъ изъ него и духъ вонъ выйдетъ; дуну на него и унесетъ его вѣтеръ въ чистое поле. Вотъ я—такъ по три хлѣба сразу ѣмъ; по три ведра зелена вина пью; щей цѣлой бочки едва на обѣдъ мнѣ хватаетъ.

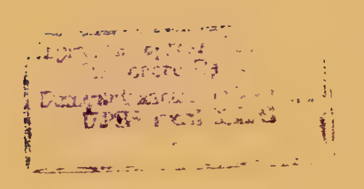
— Нашелъ чѣмъ хвастать!—отвѣчаетъ Илья,—вотъ у нашего батюшки была корова жирная; много она ѣла, ѣла, оттого и лопнула, какъ-бы съ тобой того-же не случилось.

Не понравились татарину эти рѣчи; схватилъ онъ ножъ острый, да какъ пуститъ имъ въ Илью; Илья самъ отклонился, ножъ правой рукой отмахнулъ—попалъ ножъ въ дубовую дверь; упала дверь съ петель, придавила двѣнадцать татаръ, что стояли за нею; кого убило, кого ранило; стонутъ раненые, клянутъ свое Идолище.

Тутъ Илья не сталъ долго раздумывать, хватилъ Идолище клюкой по головѣ разъ, другой; свалился Идолище на полъ, кричитъ не своимъ голосомъ.

Взялъ его Илья за ноги, сталъ имъ помахивать, побивать имъ татаръ невѣрныхъ, самъ приговариваетъ:

— Это оружье по мнѣ: крѣпокъ татаринъ, не рвется, не разбивается.

Перебилъ Илья въ три часа всю силу татарскую; благодаритъ его царь Константинъ Боголюбовичъ, не знаетъ съ радости какъ Илью принять, чѣмъ употчевать! Проситъ его навсегда въ Царь-градѣ жить остаться.

— Будешь ты у насъ, Илья Ивановичъ, воеводою!

Говоритъ Илья:

— Добрый царь Константинъ Боголюбовичъ! Служилъ я тебѣ всего три часа, а заслужилъ слово ласковое и хлѣбъ-соль обильную—на томъ тебѣ великое спасибо. Жаль мнѣ съ тобой разставаться, да нельзя бросить своего товарища, поджидаетъ онъ меня на дорогѣ.

Отпустилъ Илью Константинъ Боголюбовичъ, насыпалъ ему на дорогу цѣлую миску краснаго золота, а вторую—чистаго серебра, а третью—скатнаго жемчуга.

Взялъ Илья съ радостью эти подарки, говоритъ:

— Это я все заработалъ!

Распрощался Илья съ царемъ, поѣхалъ на поле, гдѣ поджидалъ его старчище-Иванище; видитъ Илья—сидитъ калика еле живъ; не могъ съ конемъ богатырскимъ справиться; мыкалъ, мыкалъ бурушка калику перехожую, совсѣмъ измучилъ.

Перемѣнился Илья съ каликой платьемъ, надѣлъ опять свои доспѣхи богатырскіе, назадъ въ Кіевъ поѣхалъ, говоритъ Иванищу на прощанье:

— Смотри, впередъ не трусь! не выдавай христіанъ поганымъ татарамъ, выручай изъ бѣды несчастныхъ—на то тебѣ и силу Богъ далъ великую!

XI.

Ссора Ильи съ княземъ Владиміромъ.

ПРИШЕЛЪ Илья на пиръ къ князю Владиміру; входитъ богатырь въ гридню княжескую, осѣняетъ себя святымъ крестомъ, отдаетъ поклоны по обычаю.

Не узналъ князь своего могучаго богатыря, который столько для него потрудился: не одну тысячу враговъ княжескихъ положилъ на мѣстѣ. И говоритъ Владиміръ Ильѣ:

— Не припомню тебя, добрый молодецъ, не знаю, какъ твое имя-отчество; садись съ нами за столъ; вотъ тамъ въ концѣ есть для тебя маленькое мѣстечко; другія-то мѣста получше всѣ перезабраны князьями-боярами, дьяками думными, могучими богатырями да удалыми богатыршами.

Не понравились старому богатырю эти рѣчи.

Гуляетъ нищая братія, погуливаетъ...

— Самъ ты, князь, ѣшь, пьешь съ воронами, а меня сажаешь съ воронятами, гдѣ пониже да похуже. Я на это не согласенъ!

Разгнѣвался князь, словно левъ, потемнѣлъ, какъ ночь осенняя:

— Гдѣ это видано, чтобы кто-нибудь смѣлъ сравнивать насъ всѣхъ съ воронами да съ воронятами! Встань-

те-ка, богатыри могучіе, возьмите этого человѣка подъ одну руку трое, да подъ другую трое, ведите его на широкій дворъ, отрубите ему буйную голову.

Размахнулся Илья правой рукой, стряхнулъ съ себя троихъ богатырей; безъ памяти всѣ на землю попадали; размахнулся лѣвой—легли рядомъ и остальные трое.

Послалъ Владиміръ еще шесть, да шесть богатырей; всѣхъ смахнулъ съ себя Илья—лежатъ на землѣ, не шелохнутся. Вынулъ тутъ Илья тугой свой лукъ, пустилъ стрѣлу каленую, приговариваетъ:

— Ты лети, стрѣла, къ окошкамъ княжескимъ, отбей надъ окошками золотыя маковки.

Набралъ Илья золотыхъ маковокъ цѣлую груду, продалъ ихъ, намѣнялъ денегъ видимо-невидимо; пошелъ по улицамъ Кіевскимъ, собралъ къ себѣ всѣхъ бродягъ, всю нищую братію; напоилъ ихъ, накормилъ; зелена вина для нихъ приказалъ выкатить цѣлыя бочки.—Гуляетъ нищая братія, погуливаетъ; за Илью Бога молитъ, неладныя шутки по Кіеву пошучиваетъ.

Говоритъ Добрыня Владиміру Солнышку:

— Не знаешь ты, князь, не вѣдаешь, какого богатыря могучаго ты обидѣлъ: вѣдь это самъ Илья Муромецъ; видишь на широкомъ дворѣ стоитъ его конь богатырскій, ни къ чему не привязанъ, а у стремени Соловей Разбойникъ прикованъ. Пошли скорѣе посла къ Ильѣ, чтобы позвалъ его назадъ на пиръ твой великокняжескій.

Сталъ тутъ Владиміръ раздумывать, кого-бы послать ему за Ильею: послать смѣлаго Алешу Поповича—не сумѣетъ Алеша упросить Илью Муромца придти на пиръ; послать Чурилу Пленковича—онъ по дорогѣ гдѣ-нибудь заболтается. А надо посла разумнаго да вѣжливаго; говоритъ Владиміръ Добрынѣ:

— Пойди, Добрынюшка, за Ильею; онъ тебя всѣхъ лучше послушаетъ; вѣдь вы съ нимъ братья названые.

Пошелъ Добрыня, а самъ думаетъ:

„Можетъ быть на смерть иду!“

Нашелъ Илью Добрыня посреди нищей братіи; сидятъ всѣ рядышкомъ за столами бѣлодубовыми и пиръ у нихъ идетъ великій.

Зашелъ Добрыня сзади Ильи, взялъ его за плечи могучія, да и говоритъ:

— Братецъ мой крестовый, уйми ты свое сердце горячее; послалъ меня къ тебѣ ласковый князь Владиміръ; самъ знаешь, посла не казнятъ, не бьютъ. Проситъ тебя Владиміръ не гнѣваться, вернуться на почетный пиръ.

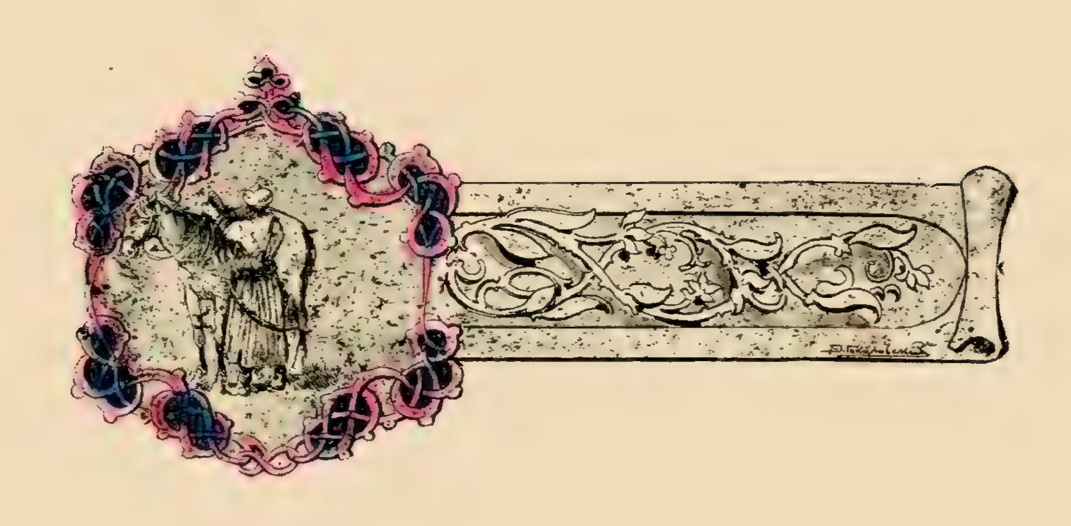
Отвѣчаетъ Илья:

— Хорошо ты сдѣлалъ, Добрыня, что зашелъ сзади меня, а то бы и тебѣ не сдобровать. Хорошо, я вернусь на пиръ; только пусть Владиміръ пригласитъ вмѣстѣ со мной и мою младшую братію, всѣхъ нищихъ-убогихъ; пусть велитъ открыть по всему Кіеву погреба глубокіе на три дня, чтобы всякій, кто хочетъ, приходилъ пить зелена вина безданно, безпошлинно, да славилъ-бы стараго казака, Илью Муромца.

Велѣлъ Владиміръ открыть погреба и лавки, поить, кормить народъ цѣлыхъ три дня. Вернулся тогда Илья въ палаты княжескія; самъ князь Владиміръ Солнышко всталъ ему навстрѣчу, взялъ его за бѣлыя руки, поцѣловалъ въ уста, сталъ усаживать на лучшее мѣсто.

Не сѣлъ Илья на большее мѣсто; остался сидѣть посреди нищей братіи; и пошелъ тутъ пиръ на весь міръ; сидятъ они, веселятся, ласковыя рѣчи поговариваютъ, гусляры поютъ имъ пѣсни звонкія про славную старинушку.

XII.

Борьба Ильи Муромца съ Калиномъ-царемъ.

Подступилъ къ Кіеву невѣрный Калинъ, татарскій царь, привелъ съ собой сына своего Таракашку Корабликова да зятя Ульюшева, сорокъ царей-царевичей, сорокъ королей-королевичей; съ каждымъ дружины несмѣтное множество; на сто верстъ вокругъ Кіева орды татарскія раскинулись...

Ходитъ по своему стану царь Калинъ Калиновичъ, говоритъ дружинѣ такія рѣчи:

— Кто изъ васъ умѣетъ говорить по-русски, переводить по-татарски? Пусть тотъ снесетъ мое письмо князю Владиміру, чтобы сдалъ онъ Кіевъ-городъ безъ бою, безъ напраснаго кровопролитія.

Нашелся татаринъ, который умѣлъ говорить по-

русски, вызвался передать письмо Калина князю Владиміру.

Пріѣзжаетъ татаринъ въ Кіевъ на княжій дворъ; коня своего оставляетъ посреди двора непривязаннымъ, входитъ въ гридню, святымъ крестомъ себя не осѣняетъ, поклоновъ не отдаетъ по обычаю, бросаетъ письмо Калина на бѣлодубовый столъ. Въ письмѣ написано:

„Сдавай, князь, Кіевъ намъ—татарамъ безъ бою, безъ кровопролитія, да больше хлѣба напеки, пива лучшаго навари, ожидай насъ въ гости; я приду къ тебѣ въ Кіевъ, жену твою Евпраксію замужъ за себя возьму. Добромъ мнѣ не покоришься—заставлю тебя покориться силою!"

Прочелъ князь письмо, закручинился, расплакался и сталъ про себя думу думать, какъ тутъ быть ему:

„Неладныхъ я дѣлъ надѣлалъ: поссорился со всѣми богатырями могучими; никого изъ нихъ не осталось въ Кіевѣ. Если-бы былъ тутъ хотя одинъ старый казакъ Илья Муромецъ, заступился-бы онъ за народъ православный, потрудился-бы ради Господа Бога. А я разгнѣвался на него въ недобрый часъ, приказалъ посадить въ подвалы глубокіе, заморилъ голодной смертью! Охъ, горе, горе!"

Приходитъ тутъ въ гридню дочь князя Владиміра; была она дѣвица добрая да разумная; какъ приказалъ князь засадить Илью въ глубокіе погреба—каждый день ходила княжна къ богатырю со своими дѣвушками, хлѣбъ-соль старому казаку приносила.

Говоритъ княжна:

— Свѣтъ, родимый батюшка, пошли слугъ въ погреба глубокіе; можетъ быть, живъ еще Илья Муромецъ.

Покачалъ Владиміръ головой; однако, пошелъ самъ въ темницу къ Ильѣ Муромцу; отбили у дверей желѣзные замки—видитъ князь: сидитъ старый богатырь, живъ-невредимъ; читаетъ святое Евангеліе. Обрадовался князь, до земли поклонъ отдалъ Ильѣ Муромцу.

— Славный богатырь, Илья Ивановичъ! съѣзди къ Калину-царю, сразись съ нимъ ради матушки-родной земли; постой за христіанъ православныхъ, за святыя Божьи церкви.

Илья зла не помнилъ; поѣхалъ сейчасъ-же съ княземъ Владиміромъ къ Калину-царю, захватили они съ собой дары богатые; стали просить Калина, чтобы далъ имъ сроку три года къ смертному бою приготовиться.

Говоритъ Калинъ:

— Нѣтъ вамъ срока ни на три года, ни на три мѣсяца; дамъ вамъ сроку на три дня; приготовляйтесь къ вѣрной смерти.

Уѣхалъ Илья Муромецъ изъ орды, далъ совѣтъ князю Владиміру: заложить накрѣпко двери городовыя въ Кіевѣ, вырыть вокругъ города рвы глубокіе, насыпать холмы высокіе, а самъ богатырь отправился въ дальнее чистое поле.

Ѣхалъ Илья Ивановичъ долго-ли, коротко-ли, пріѣхалъ къ шатру бѣлополотняному; у шатра стоятъ тринадцать коней богатырскихъ, въ шатрѣ сидятъ за обѣдомъ тринадцать богатырей могучихъ. Вышелъ Ильѣ навстрѣчу крестный отецъ его, богатырь Самсонъ Самсоновичъ.

— Садись съ нами, крестникъ, за столъ, хлѣба-соли отвѣдать богатырскихъ.

Сѣлъ Илья за столъ; сталъ разсказывать богатырямъ, какая бѣда стряслась надъ Кіевомъ, проситъ Самсона придти Владиміру на помощь.

Отвѣчаетъ славный Самсонъ Самсоновичъ:

— Не могу я ни самъ поѣхать, ни богатырей своихъ отпустить съ тобой. Далъ я зарокъ не служить князю Владиміру за то, что онъ не почитаетъ богатырей могучихъ, слушаетъ злые навѣты бояръ продажныхъ.

Упросилъ Илья Муромецъ Самсона Самсоновича по-

ѣхать подъ Кіевъ, не ради князя Владиміра, ради Русиматушки, ради церквей Божіихъ, на помощь христіанамъ православнымъ, и зарокъ его на себя взялъ.

Пріѣхали богатыри подъ Кіевъ уже подъ вечеръ;

Летятъ во весь опоръ на татарскія полчища.

раскинули шатры, прилегли отдохнуть передъ боемъ; одному Ильѣ не спится, не дремлется. И пробрался Илья на бурушкѣ въ полки татарскіе; началъ среди татаръ поѣзживать, боевой палицей помахивать; махнетъ правой рукой—повалятся татары цѣлой улицей, отмахнется—ложатся татары частой площадью.

Говоритъ Ильѣ бурушка человѣчьимъ голосомъ:

— Слушай меня, старый казакъ, Илья Муромецъ: выкопалъ невѣрный Калинъ подъ стѣнами Кіева три глубокіе подкопа: изъ перваго да изъ второго вынесу я тебя на себѣ, а въ третьемъ оба мы свои головы сложимъ.

Разгнѣвался Илья:

— Ахъ, ты, мѣшокъ травяной, не видалъ татарскихъ подкоповъ! неужели изъ этихъ ямокъ не въ силахъ меня вынести?

Ударилъ Илья бурушку по крутымъ бедрамъ; взвился стрѣлой добрый конь; вынесъ Илью изъ перваго и изъ второго подкопа, въ третьемъ оба на днѣ остались.

Прибѣжали тутъ татары, схватили добраго молодца, заковали въ желѣзныя цѣпи, привели къ Калину-царю.

Говоритъ Калинъ Ильѣ:

— Останься у меня на службѣ, славный богатырь; дамъ тебѣ за столомъ мѣсто рядомъ съ собою; подарю табунъ коней рѣзвыхъ, серебра, золота возьмешь, сколько захочешь.

Говоритъ Илья:

— Если-бъ были у меня руки свободны, послужилъ-бы я тебѣ—отсѣкъ бы твою буйную голову.

Отдалъ тогда Калинъ приказъ вывести Илью въ поле и побить калеными стрѣлами. Идетъ Илья мимо церкви, Господу Богу взмолился: „Господи! не выдай меня невѣрнымъ татарамъ“.

Услышалъ Богъ молитву Ильи, послалъ къ нему двухъ ангеловъ, оборвали они съ рукъ Ильи шелковыя веревки, съ ногъ сняли желѣзныя цѣпи; ухватилъ Илья одного татарина за ноги; сталъ имъ направо, налѣво помахивать; ложатся татары сотнями. Тутъ къ Ильѣ подбѣжалъ вѣрный бурушка; сѣлъ на него Илья, поѣхалъ на горы высокія, натянулъ тугой лукъ, пустилъ каленую стрѣлу, самъ приговариваетъ:

— Ты лети, стрѣла, выше лѣса дремучаго, попади прямо въ бѣлый шатеръ богатырскій, пробей крышу, устремись въ грудь Самсону-богатырю, затронь его сердце богатырское въ груди бѣлой; что онъ спитъ до сихъ поръ, надъ собой бѣды не слышитъ?

Ударила стрѣла въ Самсона, вскочилъ богатырь на рѣзвыя ноги:

— Вставайте, братцы названые; стрѣла мнѣ въ грудь попала; это крестникъ мой, Илья, зоветъ на помощь.

Сѣли тутъ богатыри на своихъ добрыхъ коней; земля сырая подъ ними поколебалась; летятъ во весь опоръ на татарскія полчища; въ три часа перебили всю силу татарскую.

Говорятъ татары:

— Закажемъ и дѣтямъ и внукамъ ѣздить подъ Кіевъ-городъ, съ русскими богатырями мѣряться силушкой!

Вышелъ самъ Владиміръ Солнышко съ прекрасной княгиней Евпраксіей, приказалъ слугамъ разстилать богатырямъ подъ ноги драгоцѣнныя сукна, одарилъ ихъ богатыми подарками, позвалъ на почетный пиръ. Тутъ богатыри съ княземъ примирились; стали опять служить ему вѣрой-правдою.

XIII.

Три поѣздки Ильи Муромца.

ѢДЕТЪ старый казакъ Илья Муромецъ по чистому полю, глубокую думушку думаетъ:

„Приходитъ старость древняя, надвигается старость тучей черною, налетаетъ чернымъ ворономъ, а молодость буйная, привольная улетѣла далеко яснымъ соколомъ. И то сказать, довольно пожилъ я на бѣломъ свѣтѣ, прожилъ триста годковъ безъ малаго“.

Подъѣзжаетъ тутъ старый богатырь къ бѣлому камню Латырю; расходятся отъ камня въ разныя стороны три дороги; на камнѣ написаны такія слова:

„Кто поѣдетъ по средней дорожкѣ—тому быть убитому; кто поѣдетъ направо—тому быть женатому; налѣво ѣхать—быть богатому“.

Думаетъ Илья:

„На что мнѣ, старому, богатство? И жениться на старости лѣтъ нѣтъ у меня никакой охоты; поѣду по той дорожкѣ, гдѣ быть мнѣ убитому“.

Ѣхалъ добрый молодецъ три часа, проѣхалъ триста верстъ и нагоняетъ толпу разбойниковъ-станичниковъ.

Увидали его разбойники, говорятъ между собою:

— Убьемъ стараго богатыря; конь у него хорошій; пригодится намъ.

Стали они бить стараго казака; стоитъ Илья, не шелохнется:

— Нечего вамъ взять у меня,—говоритъ Илья разбойникамъ,—одежда у меня небогатая; правда, кафтанъ мой стоитъ пятьсотъ рублей да есть у меня крестъ на груди цѣной въ три тысячи, а коню-бурушкѣ и цѣны нѣтъ!

Смѣются разбойники:

— Самъ про свои богатства старый болтаетъ, чтобы знали мы, чѣмъ поживиться.

Какъ схватитъ тутъ Илья шапку съ головы—началъ шапкой помахивать направо, налѣво; падаютъ разбойники замертво, валятся цѣлыми толпами. Перебилъ Илья разбойниковъ, вернулся назадъ къ камню и написалъ на немъ:

„Неправду говоритъ надпись: ѣздилъ по средней дорожкѣ—убитъ не былъ“.

„Дай,—думаетъ Илья,—поѣду по той дорожкѣ, гдѣ быть мнѣ женатому“.

Повернулъ Илья направо; опять ѣдетъ три часа—проѣхалъ триста верстъ; увидѣлъ передъ собою несказанное чудо: стоитъ богатый городъ, весь палатами боярскими да княжескими застроенъ; во дворцѣ царскомъ смотритъ изъ окна на дорогу прекрасная королевна.

Увидѣла она Илью, вышла старому казаку навстрѣчу,

ласковое слово ему промолвила, взяла его за руки бѣлыя, ввела въ царскую гридню, проситъ хлѣба-соли у ней откушать, а слугамъ приказала Ильеву бурушкѣ засыпать пшеницы бѣлояровой.

Попировалъ Илья, отвѣдалъ зелена вина, яствъ сахарныхъ, кланяется прекрасной королевнѣ, благодаритъ за хлѣбъ, за соль.

Говоритъ ему королевна:

— Навѣрно усталъ ты съ дороги, славный богатырь, не хочешь-ли пойти прилечь, отдохнуть отъ длиннаго пути?

Привела королевна Илью въ богатый покой, указала ему для отдыха кровать пуховую.

Посмотрѣлъ Илья недовѣрчиво на высокую кровать и не захотѣлъ лечь отдыхать, а взялъ королевну за руки и опустилъ ее, что было силы, на кровать пуховую; перевернулась подъ царевной кровать, провалилась красавица въ глубокій погребъ.

Говоритъ Илья служанкамъ королевны:

— Подайте мнѣ золотой ключъ; я хочу отворить погреба глубокіе.

Не даютъ ему ключа. Пошелъ Илья къ дверямъ темницы; разбросалъ руками доски, которыми были заложены двери; ногой какъ толкнетъ двери желѣзныя—обѣ половины съ петель упали.

Вывелъ Илья на свѣтъ Божій изъ погреба сорокъ царей-царевичей, сорокъ королей-королевичей.

— Вернитесь по своимъ царствамъ,—говоритъ имъ Илья,—молите Бога за стараго богатыря Илью Муромца. Кабы не освободилъ я васъ—сложили бы вы тутъ свои буйныя головы.

А душечку красную дѣвицу разрубилъ Илья на части за ея злодѣйскія дѣла; раскидалъ по полю куски ея тѣла бѣлаго; сѣрые волки ихъ порастерзали, черные вороны порасклевали.

Подъѣзжаетъ тутъ старый богатырь къ бѣлому камню Латырю...

Вернулся Илья къ камню—написалъ на немъ:
„По другой дорожкѣ ѣздилъ—женатъ не бывалъ!“
Поѣхалъ Илья на третью дорожку, гдѣ ему богатому

быть; ѣдетъ Илья три часа, проѣхалъ триста верстъ; видитъ—передъ нимъ стоитъ чудный крестъ; всѣми цвѣтами отливаетъ.

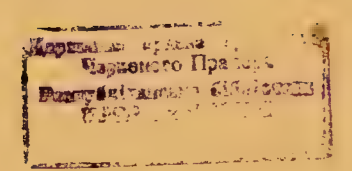
Покачалъ старый головой:

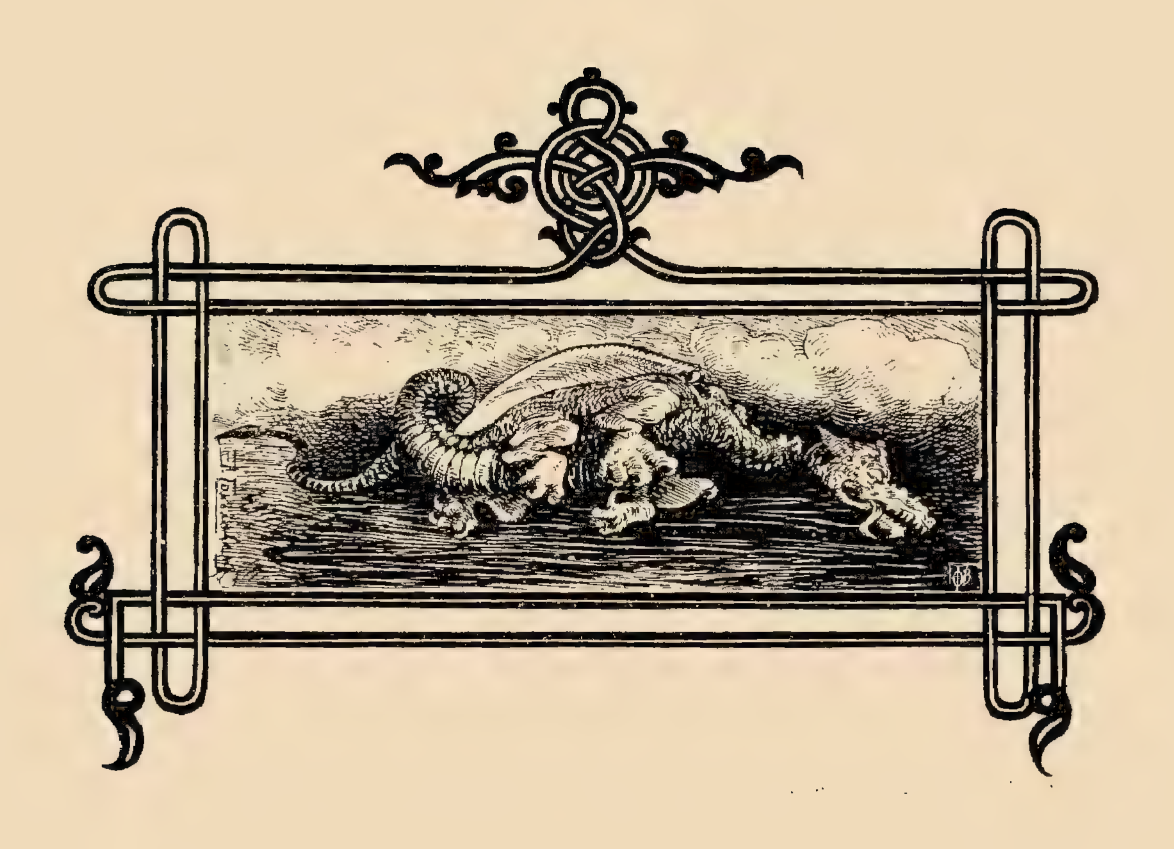
„Этотъ крестъ не зря здѣсь поставленъ, стоитъ онъ надъ погребомъ глубокимъ; много въ погребѣ золота, серебра хранится, дорогого скатнаго жемчуга“.

Снялъ Илья крестъ чудный съ глубокаго погреба, вынулъ богатства зарытыя, несмѣтныя, настроилъ на нихъ прекрасныхъ церквей Божiихъ съ чистымъ звономъ колокольнымъ по всему стольному Кiеву. Прилетѣла тутъ за Ильей сила небесная; сняли его святые ангелы съ вѣрнаго бурушки и унесли въ Кiевскiя пещеры святыя. Въ нихъ и до сихъ поръ покоятся богатырскiя мощи, нетлѣнныя, а православный народъ во всѣхъ концахъ матушки-Руси вспоминаетъ великiя дѣла Ильи, старому казаку славу поетъ, честь воздаетъ.

XIV.

Добрыня Никитичъ.

Жилъ-былъ въ Кіевѣ именитый бояринъ Никита съ женою Мамелфой Тимофѣевной, а у нихъ былъ маленькій сынокъ Добрыня. Рано осиротѣлъ Добрынюшка, потерявъ добраго отца, но честная вдова Мамелфа Тимофѣевна сумѣла вырастить и воспитать своего пригожаго, умнаго сына, обучила его всѣмъ наукамъ и мудростямъ: вѣжливъ да ласковъ былъ Добрынюшка на диво всѣмъ, а ужъ какъ начнетъ въ гусли играть—слушаютъ всѣ не наслушаются.

Молодъ былъ еще Добрынюшка; всего-то двѣнадцати лѣтъ отъ роду,—какъ разгорѣлось его сердце ретивое храброе; захотѣлъ онъ ѣхать въ чистое поле, искать подвиговъ богатырскихъ.

Говоритъ ему родимая матушка:

— Молодъ ты еще слишкомъ, милый сынъ, чтобы ѣздить богатырствовать въ чистое поле, но уже если и поѣдешь ты, слушайся моего завѣта родительскаго: не купайся въ Пучай-рѣкѣ; та рѣка—бурливая, свирѣпая; средняя волна въ ней какъ стрѣла бьетъ; смотри, чтобы не погибнуть тебѣ понапрасну.

Не послушался Добрыня родимой матушки; идетъ онъ въ конюшню, сѣдлаетъ своего добраго коня черкасскаго сѣдломъ; кладетъ потнички на потнички, войлочки на войлочки, сѣдло подтягиваетъ двѣнадцатью шелковыми подпругами, да еще тринадцатой желѣзной, чтобы крѣпко сѣдло держалось, чтобы не сбросилъ конь по дорогѣ добраго молодца.

И поѣхалъ Добрынюшка къ горѣ высокой, гдѣ скрывался Змѣй Горынычъ; стерегъ злодѣй православныхъ христіанъ, своихъ плѣнниковъ. Хочетъ Добрынюшка плѣнниковъ изъ бѣды выручить, потоптать злыхъ змѣенышей копытами коня своего богатырскаго.

Ѣхалъ Добрыня долго-ли, коротко-ли, подъѣхалъ къ Пучай-рѣкѣ; а день былъ лѣтній, солнечный; стало богатырю жутко; захотѣлъ онъ выкупаться въ Пучайрѣкѣ.

Слѣзъ Добрыня съ коня, снялъ свое платье цвѣтное и поплылъ по рѣкѣ; плыветъ потихонечку и думаетъ себѣ:

„Говорила мнѣ родимая матушка будто Пучай-рѣка сердитая да бурливая, а она тихая да смирная—не волнуется, не шелохнется“.

Не успѣлъ Добрыня додумать своей думушки, какъ вдругъ откуда ни возьмись нанесло тучу черную, хоть и

вѣтру до того не было. Молніи засверкали, искры цѣлымъ снопомъ посыпались.

Смотритъ Добрынюшка: налетѣлъ страшный Змѣй Горынычъ о двѣнадцати хоботахъ, самъ кричитъ богатырю:

— Попался ты теперь, Добрыня, въ мои руки; что хочу, то съ тобой и сдѣлаю: захочу—задушу между хоботами, въ нору снесу; захочу—сейчасъ на мѣстѣ съѣмъ.

Нырнулъ Добрыня подъ воду; плыветъ подъ водой до берега, на берегъ вышелъ, нѣтъ на берегу ни коня, ни оружія; одна богатырская шапка лежитъ подъ кустикомъ; набилъ ее Добрыня пескомъ до верху, какъ хватитъ шапкой по Змѣю Горынычу, отшибъ ему всѣ двѣнадцать хоботовъ; упалъ змѣй на траву навзничь. Вынулъ тутъ Добрыня кинжалъ булатный, хочетъ отрубить змѣю голову. Взмолился змѣй:

— Не убивай меня, добрый молодецъ! Положимъ мы съ тобой такой договоръ: я не буду больше летать на Русскую землю, забирать въ плѣнъ православныхъ христіанъ, а ты не ѣзди ко мнѣ въ чистое поле, не топчи своимъ конемъ моихъ малыхъ змѣенышей.

Согласился Добрыня на этотъ договоръ и отпустилъ змѣя.

Взвился змѣй подъ облака, полетѣлъ надъ Кіевомъ-городомъ; увидалъ змѣй въ княжескомъ терему дѣвицу-красавицу, племянницу князя Владиміра, Забаву Путятишну. Нарушилъ змѣй уговоръ съ Добрынею: схватилъ красавицу, унесъ ее въ свою нору.

Ужаснулся князь-Солнышко, опечалился; три дня собиралъ онъ всякихъ волхвовъ-вѣдуновъ, совѣтовался съ ними, какъ бы выручить отъ злодѣя свою племянницу—никто не вызывается помочь князю въ этомъ дѣлѣ.

Говоритъ Алеша Поповичъ:

— Пошли, князь, на выручку къ Забавѣ Путятишнѣ

брата моего названаго, Добрынюшку; онъ одинъ можетъ помочь тебѣ въ твоей напасти, потому что у нихъ со змѣемъ договоръ сдѣланъ, чтобы змѣй не смѣлъ уводить въ плѣнъ православныхъ христіанъ.

Посылаетъ князь Добрыню къ змѣю; не отказывается Добрынюшка отъ службы богатырской, только вернулся онъ домой невеселъ, глубокую думушку раздумываетъ

Спрашиваетъ Мамелфа Тимофѣевна:

— Что съ тобой, дитятко мое милое, что вернулся ты невеселъ съ княжескаго пиру; не обидѣли-ли тебя мѣстомъ, не обнесли-ли чарой зелена вина, кто-нибудь надъ тобой не насмѣялся-ли?

— Нѣтъ, родимая матушка, принялъ меня князь съ почетомъ, никто меня не обидѣлъ, только наложилъ на меня Владиміръ великую службу: посылаетъ меня выручать отъ змѣя Забаву Путятишну.

Говоритъ мать Добрынѣ:

— Лягъ да отдохни теперь, Добрынюшка, а потомъ подумаемъ, какъ пособить горю: утро вечера мудренѣе.

Поутру всталъ Добрыня раненько; снарядила его матушка въ путь-дорогу, дала ему съ собой шелковую плеточку.

— Милое дитятко, какъ пріѣдешь ты по чистому полю къ горамъ Сорочинскимъ, гдѣ живетъ змѣй со змѣенышами, ударь своего бурушку плеточкой промежъ ушей, ударь еще по крутымъ бедрамъ. Станетъ бурушка поскакивать, змѣенышей съ ногъ стряхнетъ, потопчетъ всѣхъ до одного!

Послушался Добрыня совѣта своей матушки: какъ сталъ у горы Сорочинской на бурушкѣ поскакивать, забивать змѣенышей до смерти,— выскочилъ самъ змѣй изъ норы, говоритъ Добрынѣ:

— Зачѣмъ, Добрынюшка, нарушаешь нашъ уговоръ, побиваешь моихъ дѣтокъ?

Спустился тогда Добрынюшка въ глубокіе подвалы, освободилъ Забаву Путятишну...

Разсердился Добрыня на змѣя:

— Какъ ты смѣлъ, злодѣй, утащить къ себѣ въ нору князеву племянницу! За то я и потопталъ твоихъ змѣенышей. Отдавай мнѣ сейчасъ Забаву безъ бою, безъ ссоры, а то, смотри, плохо тебѣ придется!

Не отдалъ змѣй князевой племянницы и затѣялъ съ Добрыней великій бой: бились они цѣлыхъ три дня, хочетъ уже Добрыня отступиться отъ змѣя, да слышитъ богатырь голосъ сверху:

— Бился ты, Добрынюшка, съ змѣемъ трое сутокъ, бейся еще три часа—одолѣешь змѣя.

Послушался Добрынюшка хорошаго совѣта; черезъ три часа убилъ Змѣя Горыныча; хлынула у змѣя кровь изъ раны ручьями, затопила чистое поле; ходитъ конь Добрыни по колѣна въ крови. Сталъ просить Добрынюшка мать сырую землю, чтобы она разступилась, убрала въ себя кровь змѣиную. Разступилась земля. Спустился тогда Добрынюшка въ глубокіе подвалы, освободилъ Забаву Путятишну, а съ ней вывелъ изъ погребовъ всѣхъ другихъ плѣнниковъ змѣя: сорокъ царей-царевичей, сорокъ королей-королевичей.

Говоритъ Добрыня Забавѣ:

— Много я за тебя странствовалъ, красна дѣвица; теперь поѣдемъ въ Кіевъ, отвезу тебя къ князю Владиміру.

Поѣхалъ Добрыня съ Забавой въ Кіевъ, наѣхалъ по дорогѣ на огромный слѣдъ богатырскій; захотѣлъ Добрыня съ чужимъ богатыремъ помѣряться силушкой; а тутъ кстати встрѣчается ему Алеша Поповичъ, его крестовый братъ.

Говоритъ Добрыня Алешѣ:

— Милый братъ названый, отвези-ка ты Забаву Путятишну къ князю Владиміру, а я поѣду по слѣду богатырскому.

Повернулъ Добрыня назадъ своего добраго коня,

догоняетъ въ чистомъ полѣ могучую богатыршу Настасью Микуличну, дочь Микулы Селяниновича; захотѣлъ Добрынюшка побороться съ нею: подскакалъ къ Настасьѣ Микуличнѣ сбоку, ударилъ ее по головѣ; богатырша даже и не почувствовала удара Добрыни, ѣдетъ себѣ дальше, не оглядывается.

Удивился Добрыня: „Неужели растерялъ я всю свою прежнюю силушку?“ Ударилъ тутъ Добрыня въ крѣпкій дубъ: раскололся дубъ на щепочки.

„Нѣтъ,—думаетъ себѣ Добрыня,—еще со мной вся моя силушка!“ Еще и еще разъ налетѣлъ Добрыня на Настасью Микуличну, ударилъ ее и разъ, и другой сильнѣе прежняго.

Оглянулась на него богатырша да и говоритъ:

— Я думала, что меня комарики покусываютъ, а это богатырь дерется!

Взяла Настасья Добрыню за русые кудри, подняла одной рукой, спрятала въ карманъ вмѣстѣ съ конемъ. Ѣдетъ себѣ дальше.

Взмолился тутъ конь Настасьи Микуличны:

— Пожалѣй меня, Настасья Микулична, не могу больше возить тебя съ богатыремъ да еще коня богатырскаго!

Вынула богатырша Добрыню изъ кармана и говоритъ:

— А вотъ я посмотрю на богатыря, какъ онъ мнѣ понравится: если старый да нехорошій—такъ голову ему срублю, а молодой да пригожій—такъ замужъ за него выйду.

И понравился Добрыня Настасьѣ Микуличнѣ; поѣхали они вмѣстѣ въ Кіевъ къ князю-Солнышку; сыграли веселую свадебку, затѣяли почестный пиръ. Щедро наградилъ Владиміръ славнаго богатыря за его великую службу, за то что выручилъ Добрыня отъ злого змѣя молодую Забаву Путятишну.

XV.

Женитьба Алеши Поповича на Настасьѣ Микуличнѣ.

ПОСЛАЛЪ однажды Владиміръ-князь могучаго богатыря Добрынюшку исправлять службы княжескія: порасчистить дорожку прямоѣзжую въ Золотую Орду, покорить чудь бѣлоглазую, пособрать дани съ калмыковъ да съ татаръ.

Сталъ Добрыня собираться въ дальнюю поѣздку; горько плачетъ мать его, Мамелфа Тимофѣевна, все спрашиваетъ милаго сына, когда его домой ждать.

— Государыня-матушка!—отвѣчаетъ Добрыня,—живъ буду—вернусь; не буду живъ—и ждать вамъ будетъ некого.

Прибѣжала тутъ жена Добрыни, молодая Настасья

Микулична, слезами уливается, ухватилась за стремя богатырское—не можетъ разстаться съ милымъ мужемъ, проситъ, молитъ:

— Скажи мнѣ, Добрынюшка, когда вернешься домой изъ чиста-поля?

— Милая жена, слушай, что я скажу тебѣ: жди ты меня три года; если не вернусь домой черезъ три года, жди еще три года; если же я и черезъ шесть лѣтъ не пріѣду, знай, что нѣтъ меня на свѣтѣ; тогда живи себѣ какъ хочешь: хочешь, оставайся вдовою; хочешь, иди замужъ за кого надумаешь, хоть за купца богатаго, хоть за именитаго боярина или за крестьянина домовитаго; не ходи только замужъ за моего брата названаго, Алешу Поповича; за нимъ плохо тебѣ жить будетъ, наживешь себѣ великаго горя.

Поклонилась Добрынюшкѣ Настасья Микулична земнымъ поклономъ, простился богатырь и съ родимой матушкой, поѣхалъ въ чужедальнюю сторонушку.

Стала Настасья Микулична ждать домой мужа своего, Добрынюшку; ждетъ, не дождется—а время идетъ да идетъ:

День за днемъ—словно дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.

Прошло и три года, прошло и шестъ лѣтъ: нѣтъ какъ нѣтъ Добрынюшки. Вернулся къ этому времени изъ поля Алеша Поповичъ; привезъ съ собою нерадостныя вѣсти, говоритъ, будто Добрыни уже нѣтъ въ живыхъ.

— Видѣлъ я его въ чистомъ полѣ убитымъ; богатырская грудь насквозь прострѣлена; сквозь его трупъ проросли цвѣты алые.

Горько плачетъ мать богатыря, Мамелфа Тимофѣевна; горючія слезы глаза ей выѣли; а Настасья Микулична говоритъ:

— Велѣлъ мнѣ Добрыня ждать его шесть лѣтъ; буду ждать еще шесть лѣтъ теперь уже по своей охотѣ.

Но прошло и еще шесть лѣтъ; нѣтъ отъ Добрыни никакой вѣсточки; сталъ Владиміръ уговаривать молодую вдову Добрынину:

— Нѣтъ твоего мужа въ живыхъ; неужели будешь весь вѣкъ жить вдовою? Выходи замужъ хоть за князя-боярина, хоть за купца богатаго, а лучше всего тебѣ выйти за смѣлаго богатыря, Алешу Поповича.

Позабыла Настасья Микулична мужнину заповѣдь— пошла замужъ за Алешу.

Устроилъ князь-Солнышко передъ свадьбой веселый пиръ въ честь жениха и невѣсты; пируютъ они день, другой—а Добрыня въ это время былъ въ Царьградѣ: всѣ свои подвиги богатырскіе онъ совершилъ счастливо, отправилъ со славой княжескую службу, уже думаетъ домой возвращаться.

Медленно плетется его добрый конь по дорогѣ въ Кіевъ, не ѣстъ пшеницы бѣлояровой, не пьетъ воды студеной.

Спрашиваетъ Добрыня вѣрнаго коня:

— Что ты невеселъ, добрый мой конь, идешь, спотыкаешься—не чуешь-ли ты надъ собой какой невзгодушки?

Отвѣчаетъ конь:

— Не знаешь ты, славный богатырь, не вѣдаешь, какая печаль тебя дожидаетъ въ Кіевѣ: сегодня вечеромъ молодая жена твоя съ Алешей вѣнчается.

Разгорѣлось тутъ у Добрыни сердце богатырское; бьетъ онъ вѣрнаго коня по бедрамъ, летитъ конь словно соколъ, перескакиваетъ однимъ прыжкомъ высокую стѣну кіевскую, въѣзжаетъ прямо во дворъ Добрыни. Идетъ добрый молодецъ въ горницы, расталкиваетъ привратниковъ, придверниковъ, ни у кого дороги не спрашиваетъ.

Бѣгутъ слуги къ Мамелфѣ Тимофѣевнѣ, жалуются на богатыря.

Говоритъ ему Мамелфа Тимофѣевна:

— Неладно ты поступаешь, добрый молодецъ, слугъ моихъ бьешь, въ домъ ко мнѣ силой врываешься; кабы былъ живъ милый сынъ мой Добрынюшка, не сноситьбы тебѣ головы, уходи-ка отсюда по добру по здорову.

— Напрасно, честная вдова, Мамелфа Тимофѣевна, плачешь ты о смерти сына,—промолвилъ Добрыня,—сынъ твой живъ и здоровъ; я его третьяго дня самъ видѣлъ; поѣхалъ онъ къ Царь-граду, а мнѣ наказалъ, какъ буду въ Кіевѣ, чтобы поклонъ тебѣ свезъ, узналъ, какъ поживаетъ его молодая жена, Настасья Микулична.

Заплакала Мамелфа Тимофѣевна

— Шесть лѣтъ тому назадъ привезъ мнѣ Алеша Поповичъ вѣсточку о томъ, что сынъ мой, Добрыня, лежитъ въ чистомъ полѣ убитымъ, а сегодня Настасья Микулична идетъ за Алешу замужъ.

— Матушка, родимая! посмотри на меня, вѣдь я и есть твой сынъ.

Не узнаетъ его матушка родимая.

— Смѣешься ты надъ старухой, добрый молодецъ! Не похожъ ты вовсе на моего милаго сына: у Добрынюшки лицо было бѣлое, очи ясныя, какъ у сокола, платье цвѣтное, лапотки изъ семи шелковъ; а ты пришелъ весь въ лохмотьяхъ, загорѣлый да худой!

— За двѣнадцать лѣтъ, милая матушка, платье мое цвѣтное износилось, лицо загорѣло, очи помутнѣли.

— У моего сына,—говоритъ Мамелфа Тимофѣевна,—на ногѣ была черная родинка.

Снялъ Добрыня сапогъ, увидѣла мать знакомую мѣточку, плачетъ отъ радости, обнимаетъ милаго сына.

— Матушка,—проситъ Добрыня,—давай скорѣй мои

гусли звонкія, неси платье скоморошье, снаряжай меня на пиръ къ князю Владиміру.

Идетъ Добрыня въ гридню княжескую, расталкиваетъ придверниковъ, привратниковъ, ни у кого не спрашивается; не узнаютъ его слуги, бѣгутъ жаловаться на него князю.

А Добрыня кланяется князю въ поясъ, спрашиваетъ его смѣло:

— Укажи мнѣ, князь-Солнышко, гдѣ мое мѣсто скоморошье?

Разгнѣвался Владиміръ.

— Ахъ ты, неучъ; одно только и есть тебѣ мѣсто: за печкой муравленой.

Сѣлъ Добрыня за печку, взялъ свои звонкія гусли; сталъ напѣвать пѣсни родимыя, напѣвы къ нимъ прибирать царьградскіе.

Говорятъ гости князя между собою:

— Это, видно, не простой скоморохъ, а славный русскій богатырь.

— Удалый добрый молодецъ! — промолвилъ тутъ князь Владиміръ, — выходи изъ-за печи, садись за дубовый столъ, хлѣба-соли нашей откушать, бѣлой лебеди отвѣдать; выбирай себѣ любое мѣсто: или рядомъ со мной, или напротивъ, или садись, куда самъ захочешь.

Не сѣлъ скоморохъ рядомъ съ княземъ, сѣлъ противъ обрученной невѣсты Алеши.

— Солнышко-князь! Позволь мнѣ налить чару зелена вина, поднести ее, кому самъ захочу.

Налилъ Добрынюшка чару зелена вина, опустилъ въ нее свой золотой перстень, подноситъ чару молодой невѣстѣ.

— Молодая Настасья Микулична, принимай эту чару одной рукой, выпивай однимъ духомъ: выпьешь чашу до дна — увидишь что-то доброе, не выпьешь чаши до дна — не бывать добра.

Какъ выпила Настасья Микулична чашу до дна— увидѣла на днѣ золотой мужнинъ перстень, обрадовалась, вскочила изъ-за стола, говоритъ князю:

— Солнышко-князь! не тотъ мой мужъ, что со мной рядомъ сидитъ, а тотъ, что сѣлъ напротивъ на скамеечкѣ, чару зелена вина далъ мнѣ выпить.

И упала Настасья Микулична Добрынѣ въ ноги...

И упала Настасья Микулична Добрынѣ въ ноги.

— Прости меня, мой любимый мужъ, что ослушалась я твоего приказа, пошла замужъ за Алешу Поповича.

— Не своей ты волею замужъ шла,—говоритъ Добрыня,—а удивляюсь я на князя Владиміра да на княгиню Евпраксію, что они отъ живого мужа жену за дру-

гого сватаютъ. Еще больше удивляюсь я на Алешу Поповича; зналъ онъ, что живъ я, здоровъ—а самъ на моей женѣ захотѣлъ жениться.

Застыдился князь Владиміръ своего поступка, а Алеша со страху еле на ногахъ держится, проситъ прощенія у Добрыни, кланяется въ поясъ.

Нахмурился Добрыня.

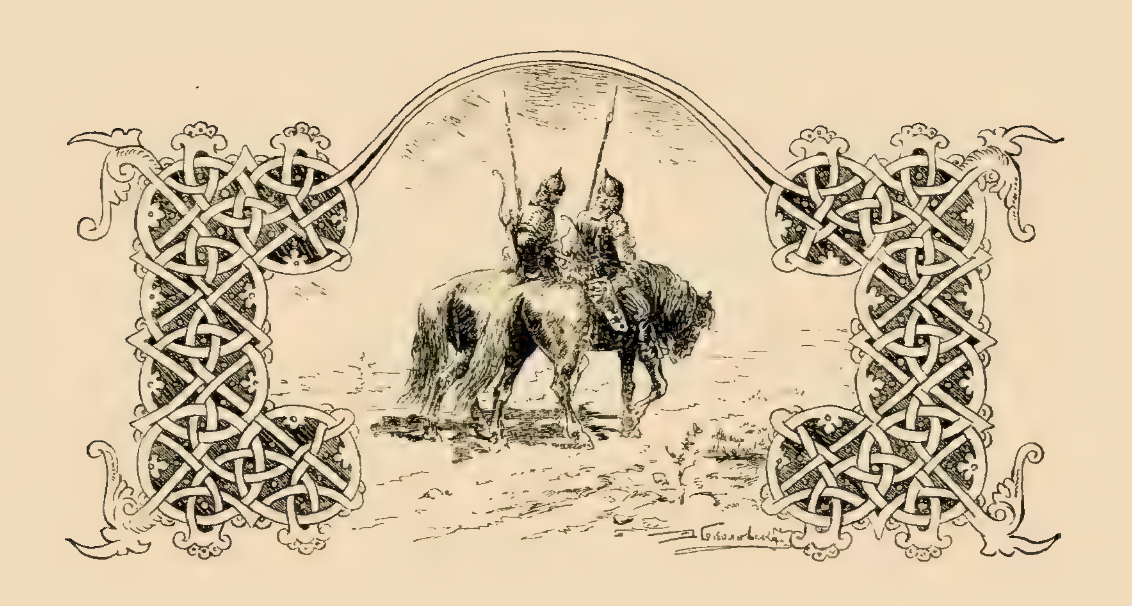
— Простилъ бы я еще тебѣ эту вину, да не могу тебѣ простить, что привезъ ты лживую вѣсть о моей смерти; огорчилъ мою родимую матушку, заставилъ ее надрывать свое сердце слезами горючими!

Ухватилъ тутъ Добрыня Алешу за желтые кудри, хочетъ бросить Алешу о кирпичный полъ, убить до смерти, да подоспѣлъ во-время старый казакъ Илья Муромецъ, положилъ Добрынѣ руку на плечо и говоритъ:

— Удержи, Добрынюшка, свое сердце горячее; не наказывай лютой смертью своего крестоваго брата.

Оставилъ Добрыня Алешу, ушелъ съ княжескаго пира, вернулся въ свой свѣтлый теремъ, ведетъ за руку жену молодую; словно солнышко въ небѣ возсіяло, словно мѣсяцъ тихій засвѣтился, какъ вернулся къ себѣ въ домъ славный богатырь, Добрыня Никитичъ. Сталъ онъ жить, поживать вмѣстѣ съ родимой матушкой да молодой женой; зажили они безъ горя, безъ заботушки, лучше прежняго. А Алеша со стыда уѣхалъ изъ Кіева въ чужую дальнюю сторону.

XVI.

Алеша Поповичъ и Тугаринъ.

У соборнаго попа Ростовскаго былъ молодой сынъ, удалый добрый молодецъ, Алеша.

Научился Алеша на конѣ ѣздить, научился мечомъ владѣть и приходитъ къ милому родителю просить благословенія на путь-дорогу: хочетъ Алеша поѣхать къ морю, пострѣлять гусей-лебедей, малыхъ сѣрыхъ утушекъ, поискать богатырскихъ подвиговъ.

Отпустилъ отецъ Алешу въ путь-дорогу; вывелъ Алеша изъ конюшни своего добраго коня, осѣдлалъ его, приговариваетъ:

— Не оставь меня, добрый конь, въ чистомъ полѣ сѣрымъ волкамъ на растерзанье, чернымъ воронамъ на расхищенье, удалымъ богатырямъ на забаву.

Одѣлъ на себя Алеша богатырскіе доспѣхи, взялъ съ собой добраго молодца, Екима Ивановича, своего названаго брата и выѣхалъ въ поле; ѣдутъ богатыри рядомъ: нога въ ногу, стремя у стремени, плечо о плечо, ѣдутъ съ утра до вечера, нигдѣ не мѣшкаютъ, у рѣкъ перевоза не спрашиваютъ; доѣхали до распутья трехъ дорогъ; лежитъ посрединѣ бѣлый камень, а на немъ вырѣзана какая-то надпись.

Говоритъ Алеша Екиму:

— Ты, братецъ, человѣкъ умный, грамотѣ разумѣешь; прочти-ка, что на камнѣ написано.

Читаетъ Екимъ Ивановичъ, что одна дорога ведетъ въ Муромъ, а другая въ Черниговъ, третья прямо къ городу Кіеву.

— Куда поѣдемъ?—спрашиваетъ Екимъ Алешу.

— Поѣдемъ прямо въ стольный Кіевъ, къ ласковому князю Владиміру.

Повернули они коней на дорожку прямоѣзжую, доѣхали до Сафтъ-рѣки, раскинули на лугу полотняный шатеръ, стреножилъ Екимъ коней богатырскихъ, пустилъ ихъ на травку въ чистое поле, а сами богатыри легли въ палаткѣ отдохнуть.

Прошла и длинная ночь осенняя; всталъ Алеша рано, росой умылся, Богу помолился. Тѣмъ временемъ Екимъ осѣдлалъ коней, и уже хотѣли богатыри пуститься въ путь-дорогу.

Тутъ какъ разъ подходитъ къ нимъ калика перехожій, нарядный: разодѣтъ въ шубу соболью, лапотки у него семи шелковъ, серебромъ, золотомъ расшиты, въ рукахъ палица вѣсомъ въ пятьдесятъ пудовъ заморскимъ свинцомъ налита.

Говоритъ калика богатырямъ:

— Добрые молодцы! видѣлъ я сегодня Тугарина Змѣевича, чудовище страшное: ростомъ онъ въ три са-

Говоритъ калика богатырямъ...

жени, отъ плеча до другого косая сажень, между глазъ стрѣла каленая уляжется; конь подъ нимъ, словно лютый звѣрь: изъ ушей дымъ валитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ.

Захотѣлось Алешѣ побороться со змѣемъ, проситъ онъ калику, чтобы уступилъ ему не надолго свое платье каличье, надѣлъ пока его богатырское.

Помѣнялись они одеждой; пошелъ Алеша за Сафатъ-рѣку. Какъ увидалъ его Тугаринъ—закричалъ ему громкимъ голосомъ, такъ что всколыхнулась мать земля сырая:

— Гей, калика перехожая, не видалъ-ли ты молодого Алешу Поповича; я бы его копьемъ заколол, огнемъ спалилъ!

Стоитъ Алеша еле живъ со страху, однако говоритъ змѣю:

— Не слышу, что говоришь ты, Тугаринъ Змѣевичъ; подъѣзжай сюда поближе, скажи погромче.

Повѣрилъ ему Тугаринъ, подъѣхалъ къ нему вплотную. Какъ кинетъ ему въ лобъ Алеша палицу свою тяжелую въ пятьдесятъ пудовъ—расшибъ Тугарину голову; упалъ змѣй навзничь.

Снялъ Алеша съ Тугарина цвѣтное платье, цѣной во сто тысячъ и на себя надѣлъ, сѣлъ на змѣева коня и поѣхалъ назадъ.

Увидали его Екимъ Ивановичъ съ каликою, испугались, подумали, что самъ Тугаринъ гонится за ними, побѣжали къ городу Ростову. Алеша за ними, кричитъ:

— Постойте, братцы!

Куда! никто его и не слушаетъ. Екимъ Ивановичъ, со страху не оглядываясь, запустилъ въ Алешу свою палицу въ тридцать пудовъ вѣсомъ. Упалъ Алеша на землю, попала палица прямо въ грудь молодецкую. Видитъ Екимъ, что врагъ его свалился съ коня, вернулся, выхватилъ свой кинжалъ булатный, хочетъ рубить Алешѣ грудь бѣлую, да увидалъ на немъ золотой крестъ—остановился, заплакалъ горько.

— Наказалъ меня Богъ; убилъ я своего братца названаго!

Сталъ Екимъ съ каликой приводить Алешу въ себя; влили ему вина въ ротъ, водой его холодной спрыснули; всталъ наконецъ Алеша, шатается, словно хмѣльной.

Перемѣнился потомъ Алеша съ каликой одеждой, надѣлъ свое богатырское платье, а Тугариново въ сундукъ спряталъ, и поѣхали они съ Екимомъ Ивановичемъ въ Кіевъ.

Прибыли они на княжій дворъ, слѣзли съ коней; пошелъ Алеша въ гридню княжескую; входитъ—крестомъ себя осѣняетъ, кланяется на всѣ четыре стороны.

Спросилъ князь Алешу объ имени, отчествѣ, посадилъ его на лучшее мѣсто, ласковымъ словомъ привѣтствовалъ.

Только сѣлъ Алеша за столъ, видитъ—отворяются двери гридни, и двѣнадцать сильныхъ богатырей вносятъ на пиръ Тугарина Змѣевича: лежитъ Тугаринъ на золотой доскѣ, проносятъ его на лучшее мѣсто между княземъ и княгиней. Какъ начали разносить кушанья сахарныя, видитъ Алеша, что Тугаринъ по цѣлой ковригѣ хлѣба глотаетъ, чашей меду, величиной съ ведро, каждое кушанье запиваетъ.

— Что за невѣжа, мужикъ неотесанный, къ тебѣ, князь-Солнышко, на пиръ попалъ?—спрашиваетъ Алеша Владиміра.—Была у моего батюшки старая собака, жадная на ѣду; однажды стащила она большую кость да и подавилась; пришлось забросить собаку подъ гору въ яму! Тоже будетъ и съ Тугариномъ.

Почернѣлъ Тугаринъ со злости, однако промолчалъ на первый разъ; Алеша просвѣтлѣлъ, словно свѣтлый мѣсяцъ.

Принесли на столъ бѣлую лебедь; взялъ Тугаринъ лебедь съ блюда, всю заразъ проглотилъ.

Говоритъ Алеша:

— Ласковый князь, гдѣ это видано, чтобы кто ни-

будь по цѣлой лебеди заразъ проглатывалъ! Была у моего батюшки старая корова; забрела она разъ къ подворотнѣ, цѣлый чанъ браги выпила да и лопнула. Схватилъ я ее за хвостъ, забросилъ подъ гору; тоже будетъ и съ Тугариномъ.

Не вытерпѣлъ тутъ Тугаринъ, схватилъ свой кинжалъ, пустилъ въ Алешу; увернулся Алеша, а братъ его Екимъ Ивановичъ перехватилъ кинжалъ, спрашиваетъ брата:

— Самъ-ли ты, Алеша, въ Тугарина кинжалъ бросишь или мнѣ велишь?

Отвѣчаетъ Алеша:

— Ни самъ не брошу, ни тебѣ не велю: перевѣдаюсь я завтра съ Тугариномъ въ чистомъ полѣ одинъ на одинъ; на закладъ ставлю свою буйную голову.

Стали всѣ гости князя за Тугарина закладъ ставить: ставятъ бояре по сто рублей, а купцы богатые по пятидесяти, а мужики деревенскіе по три копѣечки; всѣ увѣрены, что не сдобровать Алешѣ. Одинъ владыка Черниговскій поручился за Алешу Поповича. Взмахнулъ Тугаринъ своими бумажными крыльями, вылетѣлъ изъ гридни княжеской.

Всю ночь передъ боемъ Алеша молился Богу:

„Пошли, Господи, тучу черную съ дождемъ да съ градомъ, чтобы размокли у змѣя бумажныя крылья“.

Дошли Алешины молитвы до Спаса Пречистаго: полилъ дождь съ градомъ, размочилъ Тугарину бумажныя крылья; упалъ злодѣй на сырую землю.

Поѣхалъ тогда Алеша Тугарину навстрѣчу—биться съ нимъ смертнымъ боемъ; кричитъ Тугаринъ Алешѣ:

— Вотъ я тебя огнемъ спалю, а не то конемъ затопчу или копьемъ заколю; выбирай, что тебѣ лучше нравится!

Говоритъ Алеша:

— Не хорошо ты, Тугаринъ, поступаешь! Хотѣлъ биться со мной одинъ на одинъ, а самъ ведешь за собой грозную силу.

Удивился Тугаринъ рѣчамъ Алеши, обернулся назадъ посмотрѣть, какая такая сила идетъ за нимъ, а Алешѣ только того и надо.

Подскочилъ Алеша къ Тугарину, срубилъ ему буйную голову, упала голова змѣева на сырую землю, какъ пивной котелъ. Поднялъ ее Алеша, привязалъ къ сѣдлу, привезъ въ Кіевъ на княжій дворъ да тутъ и бросилъ.

Обрадовался Владиміръ-князь:

— Велика твоя служба, славный богатырь: свѣтъ ты мнѣ далъ увидѣть, какъ избавилъ меня отъ Тугарина! Оставайся въ Кіевѣ, служи мнѣ вѣрой-правдою; я тебя щедро награжу своими милостями!

Остался Алеша въ Кіевѣ, служилъ князю вѣрой-правдою не одинъ десятокъ лѣтъ, перебилъ не одну сотню враговъ княжескихъ.

Такъ разсказываютъ старыя славныя былинушки.

XVII.

Ставръ Годиновичъ.

Пируетъ князь Солнышко въ своихъ просторныхъ палатахъ; гостей у него видимо-невидимо.

Веселятся гости; хорошо они угостились, языки у нихъ поразвязались, кто чѣмъ гости порасхвастались.

Хвастаетъ князь Владиміръ славнымъ Кіевомъ-городомъ, богатыри могучіе хвалятся своей силушкой, а гости—купцы заѣзжіе—своими несмѣтными богатствами, лисицами, куницами, пушистыми соболями; хвалится Добрыня быстрымъ конемъ, хвалится Алеша золотой казной, хвалятся умные знаменитымъ родомъ; хвалится глупый женой-красавицей.

Только одинъ заѣзжій богатырь земли литовской, Ставръ Годиновичъ по имени, сидитъ, молчитъ; ничѣмъ не хвалится добрый молодецъ!

Говоритъ ему князь Владиміръ ласковое слово:

— Отчего ты молчишь, добрый молодецъ, ничѣмъ не хвалишься? Или у тебя на родинѣ нѣтъ городовъ съ пригородами, селъ съ приселками, нѣтъ платья цвѣтного, камней драгоцѣнныхъ; или ты роду не знаменитаго, нѣтъ у тебя жены-красавицы?

Поднялъ Ставръ на князя свои соколиныя очи:

— Въ Литвѣ у меня, князь, есть и города богатые и села съ приселками, и казна несчетная; платье мое цвѣтное не изнашивается, кони добрые не изъѣзживаются, слуги вѣрные не старѣются; есть у меня тридцать сапожныхъ мастеровъ, сошьютъ мнѣ сапоги—я ихъ день поношу, на базаръ отправлю, купятъ ихъ у меня ваши же князья-бояре. Есть у меня не мало портныхъ—шьютъ они платье цвѣтное, каждый день новое. Я его разъ надѣну, потомъ на базаръ пошлю—купятъ его у меня ваши князья-бояре, носить станутъ, похваливать. Да не стоитъ этимъ хвалиться. А вотъ есть у меня молодая жена, Василиса Микулична; не сыскать во всемъ свѣтѣ другой такой красавицы: во лбу у ней сіяетъ свѣтлый мѣсяцъ, въ косѣ разсыпаны частыя звѣзды, брови у ней соболиныя, очи соколиныя, а разумомъ она всѣхъ князей-бояръ превзойдетъ; самого тебя, Владиміръ Солнышко, перехитритъ, если захочетъ.

Помолчали немного гости, а потомъ и говорятъ Владиміру:

— Не въ мѣру, да не во время Ставръ расхвастался. Посади его, Солнышко-князь, въ глубокіе подвалы; посмотримъ, какъ жена будетъ выручать его, какъ она разумомъ всѣхъ бояръ превзойдетъ, самого тебя, князь, перехитритъ!

Послушался Владиміръ своихъ гостей и засадилъ Ставра въ темницу ровно на тридцать лѣтъ.

Къ счастью былъ со Ставромъ на Руси старый, вѣрный слуга; послалъ его Ставръ домой къ Василисѣ Микуличнѣ, чтобы ѣхала она выручать мужа.

Говоритъ посолъ Василисѣ;

— Свѣтъ-Василиса Микулична! сидишь ты тутъ за столами набранными, пирами тѣшишься; не чуешь надъ собой новой бѣды. Расхвастался мужъ твой Ставръ на кіевскомъ пиру своимъ богатствомъ да женой-красавицей, обидѣлъ князя Владиміра и его гостей и засадили его въ темницу на тридцать лѣтъ!

Опечалилась Василиса Микулична; стала раздумывать, какъ помочь горю:

„Деньгами мнѣ Ставра не выкупить—казны у меня столько нѣтъ; силой не выручить—силы не хватитъ; попробую выручить Ставра хитростью да уловкою“.

Обрѣзала Василиса длинныя свои косы, нарядилась въ мужское татарское платье, взяла съ собой тридцать молодцевъ дружины и поѣхала съ ними къ городу Кіеву.

Раскинула Василиса подъ Кіевомъ свой бѣлополотняный шатеръ, оставила въ немъ свою дружинушку, а сама направилась въ стольный городъ прямо въ гридню княжескую, бьетъ челомъ Владиміру-Солнышку.

— Здравствуй, князь Владиміръ, стольно-кіевскій! Здравствуй и ты, молодая княгиня Евпраксія!

Спрашиваетъ Владиміръ добраго молодца объ имени-отчествѣ.

— Родомъ я изъ Литвы,—говоритъ Василиса,—я сынъ короля ляховецкаго, по имени Василій Микуличъ, а пріѣхалъ я къ тебѣ, князь, съ добрымъ дѣломъ: хочу посватать за себя дочь твою, княжну.

— Что-жъ, я не прочь,—отвѣчаетъ Владиміръ,—от-

дать за тебя свою княжну; только сначала пойду посовѣтуюсь съ нею.

— Государь родимый батюшка,—возразила Солнышку его дочь,—неудачное ты дѣло задумалъ: не видишь развѣ, что выдаешь меня замужъ за женщину? посмотри-ка на посла хорошенько: рѣчи у него тихія, женскія, руки тоненькія, бѣленькія, отъ перстней видны слѣды на пальцахъ!

Рѣшилъ тогда Владиміръ испытать посла и говоритъ ему:

— Свѣтъ, Василій Микуличъ, не хочешь-ли съ дороги сходить въ баню помыться и отдохнуть?

— Что-жъ, это не худо!—отвѣчаетъ посолъ.

Истопили баню; пока князь Владиміръ собирался мыться да созывалъ слугъ, чтобы несли за нимъ его цвѣтныя платья, Василиса живо отправилась въ баню, никого не дожидая; одной рукой умывалась, другой одѣвалась—идетъ князю навстрѣчу, благодаритъ за милость, за славную теплую баенку.

— Что-жъ такъ поторопился,—спрашиваетъ Владиміръ,—не подождалъ моихъ слугъ? они бы тебя помыли и одѣли.

— Некогда мнѣ, князь, ждать долго; ты вѣдь у себя дома, а я въ гостяхъ; мнѣ надо домой торопиться; рѣшай-же поскорѣе, отдаешь-ли за меня свою дочь?

Не хочетъ княжна выходить за Василія Микулича, все свое толкуетъ, что посолъ—женщина.

Рѣшилъ Владиміръ еще испытать посла по другому.

— Не хочешь-ли позабавиться, Василій Микуличъ, пострѣлять съ нашими молодцами въ чистомъ полѣ; чья стрѣла попадетъ на остріе ножа, расколется на двѣ равныя половинки?

Отправилась Василиса въ поле съ княжими стрѣлками; несутъ за ней ея лукъ тяжелый: за одинъ конецъ его пятеро держатъ, да за другой пятеро, а колчанъ и

тридцати молодцамъ не подъ силу поднять. Стали стрѣлять княжіе стрѣлки: одинъ стрѣлялъ—не дострѣлилъ, другой стрѣлялъ—перестрѣлилъ.

Взяла тутъ Василиса Микулична свой лукъ одной рукой, натянула тетиву: скользнула стрѣла по острію ножа, раскололась на двѣ половинки—обѣ на вѣсъ вѣрны, на мѣру ровны.

И этого испытанія мало показалось княжнѣ. Говоритъ Владиміръ послу:

— Не хочешь-ли, Василыошка, съ моими дружинниками на широкомъ дворѣ силушкой помѣряться?

Не отказался Василій Микуличъ и отъ этой потѣхи; сталъ посолъ литовскій по двору похаживать, съ княжими дружинниками борьбу вести: кого за руку схватитъ—тому плечо вывернетъ; кого возьметъ за ногу—ногу оторветъ; остальныхъ кого подниметъ, три раза перевернетъ, о землю ударитъ, тутъ имъ и конецъ приходитъ.

Испугался Владиміръ, сталъ посла упрашивать:

— Уймись, добрый молодецъ, не губи моихъ людей.

— Пріѣхалъ я къ тебѣ, князь, съ добрымъ дѣломъ,—говоритъ посолъ,—свататься къ твоей дочери; отчего-же ты не даешь мнѣ никакого отвѣта? отдавай ее за меня честью, а не то силой возьму.

Пересталъ Владиміръ съ дочерью совѣтоваться; просваталъ ее за посла, задалъ великій пиръ

Сидитъ Василій Микуличъ на пиру не веселъ, призадумался о чемъ-то глубоко.

Спрашиваетъ Владиміръ князь:

— Отчего сидишь нерадостенъ, добрый молодецъ? Какую думу думаешь?

— Что-то мнѣ не весело, ласковый князь; ужъ не случилось-ли у насъ дома что-нибудь недоброе? Мать здорова-ли? Да и гусляры твои, князь, все поютъ нера-

— Пріѣхалъ я къ тебѣ, князь, съ добрымъ дѣломъ,—говоритъ посолъ...

достныя пѣсни. Нѣтъ-ли у тебя пѣвцовъ получше? Слыхалъ я дома, что есть у тебя славный пѣвецъ, Ставръ Годиновичъ; онъ изъ нашей земли, поетъ наши пѣсни;

прикажи его выпустить изъ темницы, пусть споетъ намъ на пиру.

Думаетъ Владиміръ:

„Не выпустить Ставра—прогнѣвишь пожалуй грознаго посла, выпустить—только Ставра и видѣли!“

Но дѣлать нечего; послалъ князь слугъ за Ставромъ; расковали добраго молодца, привели на пиръ, запѣлъ онъ пѣсни радостныя да звонкія, понравилось Василію Микуличу его пѣнье, проситъ посолъ Владиміра:

— Отпусти, князь, пѣвца въ мой шатеръ бѣлополотняный; пусть моя дружина послушаетъ Ставровыхъ пѣсенъ.

Не смѣетъ Владиміръ ослушаться посла, отпустилъ съ нимъ Ставра.

По дорогѣ къ шатру Василиса говоритъ Ставру:

— Неужели не признаешь меня, добрый молодецъ? вѣдь мы съ тобой грамотѣ вмѣстѣ учились.

— Никогда я тебя и въ глаза не видѣлъ,—отвѣчаетъ Ставръ.

Разсмѣялась Василиса Микулична,—какъ пріѣхали они въ шатеръ, сняла она свое платье посольское, надѣла женскій нарядъ; тутъ Ставръ узналъ ее, обрадовался.

— Свѣтъ ты мой, Василиса Микулична, поѣдемъ отсюда скорѣй на Литву.

— Стыдно намъ, милый мужъ, уѣзжать изъ Кіева крадучись; поѣдемъ къ Владиміру пиръ кончать.

Спрашиваетъ на пиру Василиса у князя Владиміра:

— За что, князь, заковалъ ты Ставра въ цѣпи, посадилъ въ глубокій погребъ?

— За то, что не во время, не въ мѣру хвалился Ставръ своей женой-разумницей.

Говоритъ посолъ:

— А что у васъ на Руси за обычаи: выдаешь ты, князь, княжну замужъ за женщину!

Увидѣлъ тутъ Владиміръ свою ошибку, понялъ, что не даромъ Ставръ хвалился своей женой: всѣхъ она одна перехитрила; самъ князь въ обманъ дался.

Говоритъ Владиміръ:

— Правду Ставръ разсказывалъ о своей женѣ: другой такой не найдется на всемъ свѣтѣ красавицы и умницы. Отпускаю тебя, Ставръ, на свободу; торгуй по всему Кіеву безданно, безпошлинно.

XVIII.

Сухманъ Одихмантьевичъ.

ПОЛНА веселыхъ гостей свѣтлая великокняжеская гридня; уже пиръ въ полпирѣ; уже отвѣдали гости винъ заморскихъ, медовъ боярскихъ крѣпкихъ; еще больше развеселились, разгулялись, кто чѣмъ порасхвастались: кто хвалится силой, удалью молодецкой, кто богатствами несмѣтными, кто знатнымъ родомъ боярскимъ.

Сидитъ себѣ Сухманъ-богатырь въ сторонкѣ, въ разговоръ не вступаетъ, ничѣмъ не хвалится.

Подошелъ къ нему самъ Владимiръ-Солнышко.

— Отчего ты, добрый молодецъ, сидишь не веселъ;

не пьешь винъ заморскихъ, бѣлой лебеди не хочешь отвѣдать, не хвалишься своей удалью богатырской; кто-нибудь надъ тобой не посмѣялся-ли? Кравчій не обнесъ-ли тебя чарою?

Отвѣчаетъ Сухманъ Одихмантьевичъ:

— Не люблю я, князь Солнышко, похваляться, даромъ слова терять; а если хочешь, привезу тебѣ безъ похвальбы бѣлую лебедь живую, не раненую!

И всталъ богатырь изъ-за стола; осѣдлалъ коня, взялъ ножъ да палицу тяжелую и поѣхалъ къ синему морю, на тихіе заливы-заводи ловить прекрасную бѣлую лебедь.

Проѣхалъ богатырь по одному берегу—нѣтъ ни гусей, ни лебедей, ни даже малыхъ сѣрыхъ утицъ съ утенышами; повернулъ въ другую сторону—не нашелъ ни одной птицы, и сколько ни ѣздилъ—ловить нечего.

„Какъ ѣхать къ Владиміру-князю съ пустыми руками? Не быть мнѣ живу, если ничего не привезу ему. Поѣду еще къ Днѣпру-рѣкѣ попытать счастья; тамъ не изловлю ли я бѣлую лебедь?“

Пріѣзжаетъ Сухманъ къ Днѣпру-рѣкѣ; течетъ рѣка не по прежнему, вся замутилася, вся вода въ ней съ пескомъ смѣшалася; сталъ Сухманъ спрашивать:

— Что съ тобой, мать-Днѣпръ-рѣка, приключилось; отчего течешь не по прежнему, замутила свои свѣтлыя воды?

— Какъ не замутиться мнѣ, добрый молодецъ, какъ мнѣ течь свѣтло по старому? Вѣдь за мной стоитъ несмѣтная сила татарская: сорокъ тысячъ поганыхъ татаръ; мостятъ они черезъ меня мосты деревянные крѣпкіе: что днемъ намостятъ—ночью я волнами размою, повырву дубы крѣпкіе, разломаю ихъ въ щепки, разбросаю въ разныя стороны; только стала я уже изъ силъ выбиваться: истомила, извела меня тяжкая работа.

Разгорѣлось у Сухмана богатырское сердце и надумалъ онъ перевѣдаться съ татарской силой. Направилъ Сухманъ своего коня черезъ рѣку на крутой берегъ; взвился конь, какъ птица—вмигъ очутился на другомъ берегу; видитъ Сухманъ—стоитъ на дорогѣ дубъ вѣковой-крѣпкій; выдернулъ онъ тотъ дубъ изъ земли вмѣстѣ съ корнями, взялъ съ собой, промолвивъ:

— Пригодится мнѣ этотъ дубъ перевѣдаться съ татарской силою.

Ѣхалъ Сухманъ долго-ли, коротко-ли, наѣхалъ на татарскую несмѣтную силу; сталъ Сухманъ среди татаръ поѣзживать, вѣковымъ дубомъ помахивать, поганыхъ татаръ поколачивать: гдѣ размахнется—полягутъ татары улицей, отвернется—уложитъ поганыхъ переулками и перебилъ всѣхъ татаръ, только трое спаслись, укрылись за ракитовымъ кустомъ, сидятъ, не шелохнутся.

Какъ поѣхалъ Сухманъ назадъ мимо ракитовыхъ кустовъ, пустилъ татаринъ стрѣлу въ богатыря; вонзилась стрѣла въ бокъ Сухману; вынулъ добрый молодецъ стрѣлу изъ раны, приложилъ на больное мѣсто маковыхъ листьевъ, и зажила рана. Тутъ Сухманъ зарубилъ мечомъ и остальныхъ татаръ.

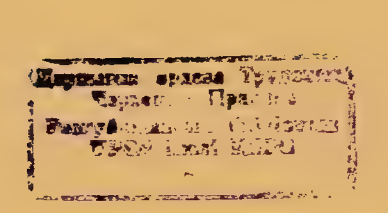
Вернулся Сухманъ въ Кіевъ, на пиръ въ княжескую гридню; а князь Владиміръ по гриднѣ похаживаетъ, желтыми кудрями помахиваетъ, спрашиваетъ богатыря:

— Привезъ мнѣ, добрый молодецъ, бѣлую лебедь живую не раненую?

— Солнышко-князь! некогда мнѣ было охотиться на бѣлыхъ лебедей; встрѣтилъ я за Днѣпромъ великую силу татарскую, шла она на стольный славный Кіевъ, мостила черезъ Днѣпръ-рѣку мосты калиновые; днемъ татары мосты мостили, ночью ихъ рѣка повырывала... и побилъ я всю силу татарскую: ни много, ни мало—сорокъ тысячъ.

Не повѣрилъ Владиміръ Сухману; приказалъ слугамъ

взять богатыря за бѣлыя руки, свести, бросить въ погреба глубокіе за ложныя вѣсти, за неразумную похвальбу. Однако послалъ Владиміръ Добрыню къ Днѣпру разузнать, не подвигается-ли къ Кіеву въ самомъ дѣлѣ татарская сила?

Хлынула на землю алымъ потокомъ кровь его горячая.

Вернулся Добрыня къ Владиміру съ чудной вѣстью:

— Истинную правду разсказалъ намъ Сухманъ Одихмантьевичъ: нашелъ я за Днѣпромъ татарскую силу побитую несмѣтную; поднялъ на полѣ и Сухманову дубину, вся она на щепки раскололась, а вѣсомъ дубинка въ девяносто пудъ.

— Вѣрные мои слуги,—говоритъ Владиміръ,—идите скорѣе въ глубокіе погреба, выведите Сухмана, пусть предстанетъ онъ предъ мои свѣтлыя очи: хочу его пожаловать за великую его службу городами съ пригородами, селами съ приселками или казной несчетной.

Вышелъ Сухманъ изъ погреба... только не захотѣлъ онъ предстать къ Владиміру предъ его пресвѣтлыя очи, обидѣлся Сухманъ на князя.

— Не умѣлъ меня князь пожаловать прежде за мою вѣрную службу, не увидитъ онъ моихъ свѣтлыхъ очей.

Вынулъ Сухманъ маковые листочки изъ своей глубокой раны; хлынула на землю алымъ потокомъ кровь его горячая. Говоритъ Сухманъ:

— Теки, кровь моя неповинная, горячая, пролейся Сухманъ-рѣкою по далекому чистому полю!

И протекла изъ крови Сухмана-богатыря рѣка глубокая да бурливая, а самъ онъ тутъ и смерть принялъ и пѣснѣ нашей тѣмъ положилъ конецъ...

XIX.

Данило Игнатьевичъ и сынъ его Михайло Даниловичъ.

Кручиненъ сидитъ на пиру у Владиміра старый богатырь Данило Игнатьевичъ, сидитъ, молчитъ, повѣсилъ свою буйную голову.

Спрашиваетъ Владиміръ-Солнышко:

— Что призадумался, славный богатырь, о чемъ закручинился, отчего не въ радость тебѣ мой веселый пиръ? Отчего ничѣмъ на пиру не хвалишься?

Поклонился Данило Игнатьевичъ великому князю въ землю и говоритъ:

— Нечѣмъ мнѣ хвалиться, Солнышко-князь! не было

у меня ни дворцовъ богатыхъ, ни золотой казны, да и сила у меня была не Богъ вѣсть какая: служилъ я тебѣ, князь, вѣрой-правдою пятьдесятъ лѣтъ, убилъ восемьдесятъ вражьихъ царевичей, а простого народа столько перебилъ, что даже и не упомню. Девяносто лѣтъ мнѣ отъ роду; не могу я больше служить тебѣ, ласковый князь! отпусти меня въ честной монастырь, въ тѣсную келью, пора мнѣ и о душѣ подумать, время замаливать тяжкіе свои грѣхи!

Отвѣчаетъ Владиміръ:

— Не могу отпустить тебя, Данилушко; кто же безъ тебя станетъ оборонять Кіевъ отъ враговъ? Налетятъ поганые татары, церкви Божія повыжгутъ, народъ христіанскій пустятъ по міру, меня, князя, въ плѣнъ уведутъ!

— Отпусти меня, князь,—молитъ Данило Игнатьевичъ,—пришлю я къ тебѣ вмѣсто себя своего сына, Михайлушку, будетъ онъ защитой Кіеву, будетъ оградой всему народу христіанскому.

Отпустилъ князь Данилу въ монастырь спасать грѣшную душу, Богу молиться за него, князя-Солнышка, и за всѣхъ православныхъ христіанъ.

Узналъ невѣрный царь о томъ, что нѣтъ уже болѣе въ Кіевѣ могучаго богатыря Данилы, двинулся подъ Кіевъ съ несмѣтными ордами, требуетъ, чтобы князь Владиміръ выслалъ къ нему какого-нибудь богатыря на поединокъ.

Вышелъ князь-Солнышко на балконъ своего высокаго терема, посмотрѣлъ въ поле—ужаснулся: словно туча черная, стоитъ въ полѣ невѣрная сила: облегла славный стольный городъ и съ полудня и съ сѣвера.

Созвалъ Владиміръ къ себѣ на совѣтъ князей, бояръ богатыхъ, богатырей могучихъ, спрашиваетъ ихъ:

— Кто изъ васъ, князья-бояре, удалые молодцы, съѣздитъ въ поле, пересчитаетъ силы невѣрныя, чтобы

намъ потомъ поразмыслить, какъ расправиться съ погаными?

Молчатъ богатыри: большій прячется за средняго, средній за младшаго, а младшій боится и слово вымолвить.

Поднялся тутъ молодой Михайло Даниловичъ, подходитъ къ князю, отдаетъ низкій поклонъ и молвитъ:

— Отпусти меня, князь, пересчитать невѣрныхъ!

— Охъ, Михайлушко, молодъ ты больно, разумомъ еще не дошелъ: всего-то тебѣ на всего 12 лѣтъ отъ роду. Даромъ сложишь свою бѣдную головушку!

Не понравились Михайлѣ Данилычу такія рѣчи; вышелъ онъ изъ гридни—какъ захлопнетъ за собой съ сердцовъ дубовыя двери: на мелкія щепки двери раскололись, вся гридня зашаталась.

Взялъ Михайло у родимой матушки благословеніе ѣхать въ чистое поле навстрѣчу невѣрнымъ, осѣдлалъ добраго коня и отправился въ путь.

Ѣдучи по полю, раздумался Михайло:

„Неладно я сдѣлалъ, что уѣхалъ въ дальнюю дорогу, не благословясь у своего родимаго батюшки, старца Данилы!“

И поворотилъ Михайло коня къ монастырю, гдѣ жилъ старецъ Данило; чувствуетъ Михайло—земля подъ нимъ всколебалась: это вышелъ отецъ его къ нему навстрѣчу.

— Куда, Михайло, путь держишь?

— Ѣду, батюшка, въ чистое поле перевѣдаться съ невѣрными.

Не хотѣлъ Данило отпускать своего сына въ опасный путь.

— Молодъ ты, Михайло, для такого дѣла, разумомъ еще не дошелъ!

Разсердился Михайло, не сталъ и слушать отцовскихъ совѣтовъ, повернулъ коня назадъ... Пожалѣлъ его Данило, кричитъ вдогонку:

— Вернись, милый сынъ! возьми мое благословеніе; слушай, что скажу тебѣ: какъ выѣдешь ты въ чистое поле да будешь близъ большого холма, крикни сколько хватитъ голосу: „Приди сюда, бурушка, лошадь добрая! служилъ ты батюшкѣ моему вѣрой-правдою—послужи теперь мнѣ, Михайлушкѣ“; прибѣжитъ къ тебѣ на голосъ конь бурушка. Какъ будешь ты стоять на высокой горѣ— отмѣрь отъ бурушки пять аршинъ и разрой землю на томъ мѣстѣ: въ землѣ найдешь для добраго конька золотую богатую сбрую.

Все исполнилъ Михайло, какъ научилъ его родимый батюшка: позвалъ бурушку, осѣдлалъ его золотой сбруей, взялъ въ руки тяжелую палицу да саблю острую, а отецъ за сына горячо молился Господу Спасу и Святой Богородицѣ:

— Спаси, Господи, сына моего Михайла, помоги ему, Пресвятая Богородица, оборонить Кіевъ отъ невѣрной силы!

А по дорогѣ къ татарскому стану говоритъ бурушка Михайлѣ человѣчьимъ голосомъ:

— Слушай меня, Михайлушка, бей силы невѣрныя съ краю, а не заѣзжай въ середину; да знай, что когда выкопаютъ татары три глубокихъ погреба, воткнутъ въ нихъ стоймя острыя копья—перескочу я черезъ первый окопъ, перескочу и черезъ второй, а черезъ третій не смогу перескочить!

Ударилъ Михайло коня по крутымъ бедрамъ:

— Ахъ, ты, трусъ, травяной мѣшокъ, жалкій конь! Не хочешь мнѣ служить, какъ слѣдуетъ!

Да и направилъ коня въ самую середину войска; перескочилъ конь черезъ первый окопъ, миновалъ и второй, а на третій разъ запутался въ натянутыхъ татарами веревкахъ, уронилъ Михайла въ глубокій погребъ.

Схватили татары богатыря за бѣлыя руки; надѣли

на нихъ шелковыя петли, заковали въ желѣзо рѣзвыя ноги, повели Михайла къ самому хану Уланищу.

Взмолился Михайло Пречистому Спасу съ Богородицей:

— Господи, не от-

Царю Уланищу отсѣкъ голову, насадилъ ее на острое копье...

дай меня на смѣхъ поганымъ татарамъ! Всю жизнь стану я служить вѣрой и правдой князю Владиміру, стоять грудью за вѣру христіанскую, за святыя Божія церкви.

Говоритъ Михайлѣ Богородица:

— Подними, богатырь, руку правую выше головы, опусти лѣвую ниже пояса!

Тутъ у Михайлы силы втрое прибыло: разорвалъ онъ на рукахъ и ногахъ свои цѣпи, ухватилъ телѣжную ось да и давай ею по татарамъ помахивать; прискакалъ сюда же къ нему и добрый конь, бурушка, вскочилъ Михайло на коня, зашелъ справа татарской силы; побилъ и въ плѣнъ понабралъ поганыхъ татаръ, а царю Уланищу отсѣкъ голову, насадилъ ее на острое копье, везетъ голову, самъ удивляется: уши у царя словно блюда, а глаза какъ пивныя чаши, носъ ростомъ съ боевую палицу.

Ѣдетъ Михайло домой, видитъ—идетъ по полю старецъ Данило; клюка у него въ сорокъ пудъ; ходитъ Данило по полю, мертвыхъ татаръ клюкой переворачиваетъ, ищетъ среди нихъ убитаго милаго сына Михайлу, приговариваетъ жалобно:

— Убили поганые татары милаго моего сына Данилушку!

— Что ты тутъ ищешь, старче Данило?—спрашиваетъ Михайло у отца.

Не узналъ его Данило, замахнулся клюкою:

— Ахъ, ты, поганый татаринъ! подъѣзжай-ка сюда поближе; вотъ я разсѣку тебя клюкой на-двое, и съ конемъ вмѣстѣ!

— Постой, милый отецъ,—говоритъ Михайло,—подними-ка свой клобукъ да посмотри на меня!

Обрадовался старый, увидавъ милаго сына здравымъ и невредимымъ, спрашиваетъ его:

— Куда, Михайлушка, путь держишь?

— Ѣду, батюшка, къ князю Владиміру; плохо мнѣ тутъ приходилось, чуть не срубили меня поганые татары, да помогли мнѣ молитвы твои усердныя, вызволили меня изъ бѣды. Какъ вернешься ты въ монастырь, моли за

Э. Соколовскій

меня, грѣшнаго, Спаса Пречистаго да Мать Пресвятую Богородицу!

Распрощались тутъ отецъ съ сыномъ: направился Михайло къ Кіеву; въѣзжаетъ въ городъ не воротами: черезъ высокія стѣны на конѣ перескакиваетъ, черезъ башню по воздуху перелетаетъ.

Вышелъ къ богатырю Владиміръ съ прекрасной княгиней Евпраксіей; дивятся головѣ царя Уланища... Веселымъ пиромъ отблагодарили они за службу добраго молодца; подарили ласковымъ княжескимъ словомъ и дарами несмѣтными. А враги уже не приходили подъ стѣны Кіева, пока жилъ въ немъ славный богатырь Михайло Даниловичъ.

XX.

Богатырь Михайло Потокъ.

I.

Сталъ Владиміръ-князь раздавать службы своимъ могучимъ богатырямъ:

— Свѣтъ Илья Муромецъ! съѣзди-ка ты на гору Сорочинскую, побей невѣрную татарскую силу! А ты, добрый молодецъ Добрыня, поѣзжай за море, прибавь земельки Святорусской, привези немалыя дани. Поѣзжай и ты, славный богатырь Михайло Потокъ,

въ черные лѣса дремучіе, въ государство Лиходѣево: возьми съ царя Лиходѣя дани за двѣнадцать съ половиною лѣтъ.

И поразъѣхались богатыри въ разныя стороны, кому куда было наказано отъ князя Владиміра.

Пріѣхалъ Михайло Потокъ въ землю Лиходѣеву, остановился среди чиста поля, раскинулъ надъ собою шатеръ полотняный, на шатеръ надѣлъ золотую маковку и горитъ она словно жаръ, свѣтится далеко въ полѣ.

Думаетъ Потокъ:

„Не годится мнѣ ѣхать къ Лиходѣю сонному да голодному; лучше я пережду эту ночь да высплюсь хорошенечко“.

Вышла поутру Лиходѣева дочь, царевна Марья - Лебедь бѣлая, на вышку своего дѣвичьяго терема, увидѣла въ полѣ шатеръ съ золотой маковкой и говоритъ сама себѣ:

„Это могучій русскій богатырь заѣхалъ въ наше царство“.

Пошла Лебедь бѣлая къ отцу просить, чтобы отпустилъ ее царь Лиходѣй во чисто поле на три года, поискать богатырскихъ подвиговъ.

Говоритъ царь:

— Дочь моя любимая! плавала ты уже три года бѣлой лебедью въ тихихъ морскихъ заводяхъ; погуляй еще три года въ чистомъ полѣ красной дѣвицей—а потомъ я отдамъ тебя замужъ.

Поклонилась отцу Лебедь бѣлая, побѣжала во чисто поле; бѣгутъ за ней мамушки и нянюшки, не могутъ догнать ее. Подошла Марья - Лебедь бѣлая къ шатру и заглянула въ него: видитъ, спитъ въ шатрѣ богатырь красоты неслыханной, невиданной.

Говоритъ тутъ Михайлѣ Потоку конь его человѣчьимъ голосомъ:

— Проснись, Михайло! пришла къ твоему шатру душа красна дѣвица!

Вскочилъ Михайло, вышелъ изъ шатра; никакой красной дѣвицы не видитъ, только лебеди плаваютъ по заливамъ; среди нихъ плыветъ величаво черная лебедь въ золотыхъ перьяхъ, голова у ней унизана скатнымъ жемчугомъ и камнями самоцвѣтными.

„Дай подстрѣлю эту лебедь,"—думаетъ Потокъ.

Высоко взвилась Лебедь, зачуявъ стрѣлу богатырскую и, опустясь на землю, обернулась красной дѣвицей.

— Добрый молодецъ,—говоритъ она Потоку,—не знаю, какъ звать тебя по имени, величать по отчеству, князь-ли ты или королевичъ... Знаю только, что ты русскій богатырь; посади же меня на своего добра-коня, свези меня въ Кіевъ, приведи въ вѣру Христову, возьми за себя замужъ.

Понравилась богатырю рѣчь красной дѣвицы и дали женихъ съ невѣстой другъ другу такой зарокъ: когда они поженятся, и если кто-нибудь изъ нихъ умретъ первый, то другой долженъ за нимъ живой въ гробъ идти.

II.

Не ясные соколы слетались вмѣстѣ, то съѣхались въ Кіевъ могучіе славные богатыри на честной пиръ къ князю Владиміру.

Говоритъ Илья Муромецъ:

— Здравствуй, Солнышко-князь! ѣздилъ я въ чистомъ полѣ, покорилъ для тебя не мало невѣрныхъ народовъ, привезъ большія дани.

Говоритъ Добрынюшка:

— Былъ я за синимъ моремъ, покорилъ невѣрные народы, прибавилъ земли Святорусской.

Думаетъ Михайло Потокъ:

„Чѣмъ-то я похвалюсь передъ княземъ? не добылъ я ему дани, а себѣ славы; добылъ я себѣ только молодую жену, Марью - Лебедь бѣлую; умный молодецъ женой не хвалится“.

И говоритъ Михайло:

— Былъ я у царя Лиходѣя Лиходѣевича, игралъ я съ царемъ въ шахматы золоченые; выигралъ я съ него сорокъ тысячъ золотой казны; только когда везъ я казну въ Кіевъ, у телѣгъ подломились оси, а потому вырылъ я глубокій погребъ, запряталъ въ него казну, землей засыпалъ, а самъ пріѣхалъ въ Кіевъ.

Посылаетъ Владиміръ Потока опять за море:

— Кстати ты, Михайло, выигралъ казну съ Лиходѣя: нужно вѣдь намъ съ нимъ расплатиться; должны мы царю дани за двѣнадцать съ половиною лѣтъ. Вернись ты къ нему и отдай ему назадъ его золотую казну.

Поѣхалъ Потокъ назадъ въ темные лѣса, ѣхалъ цѣлыхъ три мѣсяца, пріѣхалъ на широкій дворъ Лиходѣевыхъ палатъ, слѣзъ съ коня, привязалъ его къ золотому кольцу, далъ ему пшеницы бѣлояровой, а самъ пошелъ къ царю въ палату; отдаетъ низкій поклонъ на всѣ стороны, царю кланяется особенно.

— Здравствуй, царь Лиходѣй Лиходѣевичъ!

— Здравствуй, добрый молодецъ, не знаю, какъ тебя звать-величать.

— Зовутъ меня Михайло Потокъ, а пріѣхалъ я къ тебѣ вотъ по какому дѣлу: слышалъ я, что любишь ты, царь, играть въ золоченые шахматы; ставлю я въ закладъ свою буйную голову; коли проиграю—буду служить тебѣ вѣрою правдою цѣлыхъ сорокъ лѣтъ; а если ты мнѣ проиграешь—отдай мнѣ сорокъ телѣгъ, доверху насыпанныхъ чистымъ серебромъ.

И выигралъ Михайло сорокъ телѣгъ, насыпанныхъ чистымъ серебромъ.

Жалко стало Лиходѣю проигранной казны.

— Поиграемъ еще, Михайлушко, на сорокъ телѣгъ краснаго золота, на сорокъ лѣтъ твоей богатырской службы.

Выигралъ Михайло и во второй разъ.

Разыгралось сердце въ царѣ, и сталъ онъ просить Михайлу поиграть съ нимъ еще и въ третій разъ.

— Если ты выиграешь—прикажу насыпать тебѣ еще сорокъ телѣгъ краснымъ золотомъ; если проиграешь—будешь мнѣ слугою до самой смерти.

И въ третій разъ проигралъ царь Лиходѣй.

Тутъ прилетѣлъ подъ окно царскихъ палатъ сизый голубь и говоритъ Михайлѣ человѣческимъ голосомъ:

— Играешь ты, Потокъ, забавляешься, надъ собой горя не чуешь; вѣдь сегодня умерла твоя милая хозяюшка, Марья-Лебедь бѣлая.

Какъ вскочитъ Потокъ съ мѣста, ударилъ о полъ шахматной доскою, весь полъ всколебался, стѣны каменныя попадали; самъ царь Лиходѣй со страху на землю свалился.

Говоритъ ему Потокъ:

— Собирай казну, царь, вези ее въ Кіевъ-городъ князю Владиміру!

Самъ выбѣжалъ изъ палатъ, сѣлъ на коня, проситъ, молитъ добраго бурушку:

— Добрый конь! несъ ты меня сюда три мѣсяца, неси меня назадъ три часа.

Побѣжалъ конь, что было силы, рѣки, озера перепрыгивалъ, темные лѣса между ногъ пропускалъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, сталъ просить Потокъ своихъ братьевъ названныхъ, могучихъ богатырей:

— Крестовые мои братья! славный богатырь Илья Муромецъ! помогите мнѣ построить колоду дубовую, широкую, высокую, чтобы въ ней пойти мнѣ въ сырую

землю, вмѣстѣ съ моей покойной хозяюшкой, на цѣлыхъ три года; положите мнѣ съ собой хлѣба-соли, чтобы было что ѣсть-пить, лежа въ землѣ сырой.

Построили Михайлѣ братцы колоду изъ бѣлаго дуба; самъ онъ выковалъ въ кузницѣ прутья: желѣзный, мѣдный, оловянный, взялъ ихъ съ собой. Опустили Михайлу въ землю вмѣстѣ съ гробомъ жены, съ конемъ, съ оружіемъ, съ разными припасами, забили колоду желѣзнымъ обручемъ, засыпали желтыми песками.

Сталъ жить богатырь въ землѣ съ мертвою женой; прошла недѣля, другая; приползаетъ однажды ночью къ колодѣ лютая змѣя: разломала желѣзные обручи, открыла колоду, увидала Марью - Лебедь бѣлую. Рада-радешенька змѣя, что есть чѣмъ поживиться—кинулась на покойницу.

Тутъ Потокъ какъ сдвинетъ камни вмѣстѣ—ущемилъ змѣю, придавилъ желѣзнымъ обручемъ, сталъ сѣчь желѣзными прутьями.

Взмолилась подколодная змѣя:

— Не трогай, не бей меня, добрый молодецъ, принесу я тебѣ живой воды черезъ три года.

Не слушаетъ Потокъ, бьетъ змѣю желѣзными прутьями.

— Не бей меня, Потокъ, принесу я тебѣ воды черезъ два года!

— Долго ждать,—говоритъ Потокъ.

И стала змѣя уменьшать срокъ; наконецъ обѣщала Михайлѣ принести живой воды черезъ три часа.

— Оставь мнѣ здѣсь въ залогъ своихъ змѣнышей,—говоритъ богатырь,—тогда, пожалуй, отпущу тебя за водою.

Оставила змѣя змѣнышей, черезъ три часа приползла назадъ, принесла съ собой живой воды.

Захотѣлъ узнать Потокъ, правду-ли говоритъ змѣя, что принесла живой воды, разорвалъ онъ змѣнышей надвое, спрыснулъ живой водой: срослись и ожили змѣныши.

Тогда взялъ Потокъ обѣщаніе со змѣи, что не будетъ она заползать въ могилы, безпокоить мертвыхъ, и отпустилъ ее.

Спрыснулъ богатырь Марью-Лебедь бѣлую живой водой; ожила она, встала да и говоритъ:

— А долго-же спала я нынче.

Отвѣчаетъ Потокъ:

— Да, кабы не я, спала-бы ты тутъ вѣчные вѣки!

Сталъ размышлять Михайло, какъ бы ему изъ земли выбраться, закричалъ о помощи, что было голосу. Отъ того крика земля задрожала. Услыхали Добрыня съ Ильей знакомый голосъ.

— Вѣдь это нашъ крестовый братъ, Потокъ, зоветъ на помощь; знать душно ему въ сырой землѣ.

Разрыли богатыри могильный холмъ, увидали дивное диво: вышелъ Потокъ изъ гроба вмѣстѣ съ молодой женой.

Пошла тутъ по всей землѣ слава о красотѣ неописанной Михайловой жены, Марьи-Лебеди бѣлой, объ ея великомъ разумѣ.

Прослышалъ о красавицѣ и царь Иванъ Окульевичъ. Пріѣхалъ онъ на Русь съ сорока царями-царевичами, съ сорока королями-королевичами, захотѣлъ добыть себѣ Марью-Лебедь бѣлую, сталъ ее упрашивать, умаливать:

— Поди за меня, красавица, замужъ; за мною будешь ты слыть царицею, а теперь за Потокомъ только и слывешь вѣдь работницей князя Владиміра!

Захотѣлось Марьѣ быть царицей; измѣнила она милому мужу, пошла замужъ за Ивана Окульевича и ускакала вмѣстѣ съ нимъ.

А Михайло сидитъ себѣ въ полѣ, ничего знать не знаетъ; пріѣхали тутъ къ нему Илья да Добрыня, повѣдали Потоку новое горе.

— Братцы крестовые,—говоритъ Михайло,—поѣдемте вмѣстѣ за женой моей въ погоню.

— Не годится намъ,— отвѣчаютъ богатыри,—за чужой женой скакать въ погоню; есть дома дѣла поважнѣе. Поѣзжай ты одинъ, сруби голову царю Ивану Окульевичу за его недобрыя дѣла!

Ускакала вмѣстѣ съ нимъ...

Поѣхалъ Потокъ. Скоро настигъ онъ жену свою. Увидавъ его, испугалась Марья-Лебедь бѣлая, плачетъ горько и говоритъ мужу:

— Силой взялъ меня за себя замужъ Иванъ Окульевичъ; тяжко мнѣ жить безъ тебя, добрый молодецъ,— выпьемъ вмѣстѣ съ горя чару зелена вина.

Повѣрилъ ей Потокъ, а она вмѣсто вина поднесла

ему чару соннаго зелья; упалъ на сыру землю молодой богатырь, крѣпкій сонъ сковалъ его.

Говоритъ Марья Лебедь бѣлая Ивану Окульевичу:

— Отсѣки Михайлѣ голову, чтобы онъ насъ не преслѣдовалъ.

— Нѣтъ, Марья - Лебедь бѣлая,—отвѣчаетъ царь,— стыдно бить лежачаго да соннаго; пусть проснется—тогда я съ нимъ помѣряюсь силушкой.

Подняла тогда Марья соннаго мужа, бросила его черезъ правое плечо, сама приговариваетъ:

— Гдѣ былъ добрый молодецъ, пусть станетъ бѣлый горючій камень; три года пусть поверхъ земли лежитъ, на четвертый—въ землю уйдетъ.

Окаменѣлъ богатырь и въ землю сырую ушелъ.

Вспомнили Илья да Добрыня о своемъ крестовомъ братцѣ, соскучились, поджидая его, надумали поѣхать посмотрѣть, какъ онъ живетъ-можетъ.

Одѣлись они нищими-каликами, отправились въ путь-дорогу въ землю Сарацинскую, видятъ: идетъ имъ навстрѣчу такой же калика, какъ они сами, старый, сѣдой да сгорбленный.

— Здравствуй, Илья Муромецъ, старый казакъ, здравствуй, молодой Добрынюшка Никитичъ, возьмите меня съ собой въ товарищи.

— Здравствуй, дѣдушка! Что-жъ, пойдемъ съ нами въ Сарацинскую землю.

И думаютъ богатыри, что старику не угнаться за ними, а видятъ, что онъ еще впереди ихъ идетъ.

Пришли они въ Сарацинскую землю къ царю Ивану Окульевичу, стали просить милостыни громкимъ голосомъ; отъ ихъ голоса земля задрожала.

Выглянула Лебедь бѣлая въ окошко, говоритъ Ивану Окульевичу:

— Это не калики перехожіе, а славные русскіе бо-

гатыри: Илья Муромецъ да Добрыня Никитичъ, а третьяго я не знаю. Зови ихъ къ себѣ въ палаты, принимай радушно, угощай, встрѣчай честнымъ пиромъ.

Хорошо встрѣтилъ богатырей Иванъ Окульевичъ, угостилъ на славу, одарилъ богатыми подарками, забыли они и про Потока. Уже на обратномъ пути вспомнили, зачѣмъ ходили въ Сарацинское царство; вернулись, стали Лебедь бѣлую разспрашивать о Потокѣ.

— Лежитъ крестовый вашъ братъ у креста Леванидова горючимъ камнемъ.

Пошли калики отыскивать названнаго брата; старикъ привелъ ихъ къ камню да и говоритъ:

— Высыпемъ-ка золотую казну, что подарилъ намъ царь Иванъ Окульевичъ, подѣлимъ ее, сколько придется на брата.

И видятъ богатыри, что старикъ раскладываетъ золото на четыре кучки.

— Кому четвертая доля?—спрашиваютъ богатыри.

— Тому,—отвѣчаетъ старикъ,—кто этотъ камень черезъ плечо броситъ, обернетъ его богатыремъ Потокомъ.

Схватился Добрыня за камень: едва до колѣнъ камень приподнялъ, самъ по колѣна въ землю ушелъ.

Взялся Илья за камень—еле поднялъ камень до пояса.

Тогда самъ старичокъ взялъ камень, черезъ плечо бросилъ; обернулся камень богатыремъ Потокомъ.

Говоритъ богатырямъ старичокъ:

— Знайте, что я Никола Можайскій, помогаю вамъ крѣпко стоять за свою родину.

И исчезъ святой изъ глазъ богатырей; тутъ они поставили ему часовенку.

А Потокъ ожилъ, расправилъ свои могучія плечи, попрощался съ богатырями, поѣхалъ жену свою выручать.

Обманула его злая чародѣйка Лебедь бѣлая, на-

поила зеленымъ виномъ, стащила въ глубокій погребъ, прибила къ стѣнѣ гвоздями за руки и за ноги, ударила молотомъ по лицу, замкнула крѣпкими замками, оставила умирать одного.

Была у царя прекрасная сестра, душа-дѣвица Настасья Окульевна, спустилась она въ глубокій погребъ посмотрѣть на богатыря, а Потокъ тутъ очнулся, говоритъ ей:

— Помоги мнѣ, душа-дѣвица.

— Хорошо,—говоритъ она,—а ты накажешь смертью Лебедь бѣлую, возьмешь меня за себя замужъ?

Пообѣщалъ ей Потокъ жениться на ней, если она выручитъ его изъ бѣды.

Отковала Настасья Окульевна богатыря отъ стѣны, вмѣсто него прибила къ стѣнѣ мертваго татарина, надѣла на Потока свою соболью шубку, увела его въ свой теремъ, залѣчила его раны и говоритъ ему:

— Теперь ты здоровъ; надо добыть тебѣ оружіе, да латы, да добраго коня.

Пошла Настасья Окульевна къ брату да и говоритъ ему:

— Милый братъ! неможется мнѣ что-то! Вотъ, если бы далъ ты мнѣ коня да латы и оружіе—поѣхала бы я погулять въ поле; можетъ быть опять стала бы я здоровой и веселой.

Далъ ей царь все, что она просила, а она снесла латы и оружіе Потоку; одѣлся богатырь, вскочилъ на коня и выѣхалъ въ чистое поле. Увидавъ его, ужаснулась бѣлая Лебедь, говоритъ:

— Погубила насъ Настасья Окульевна!

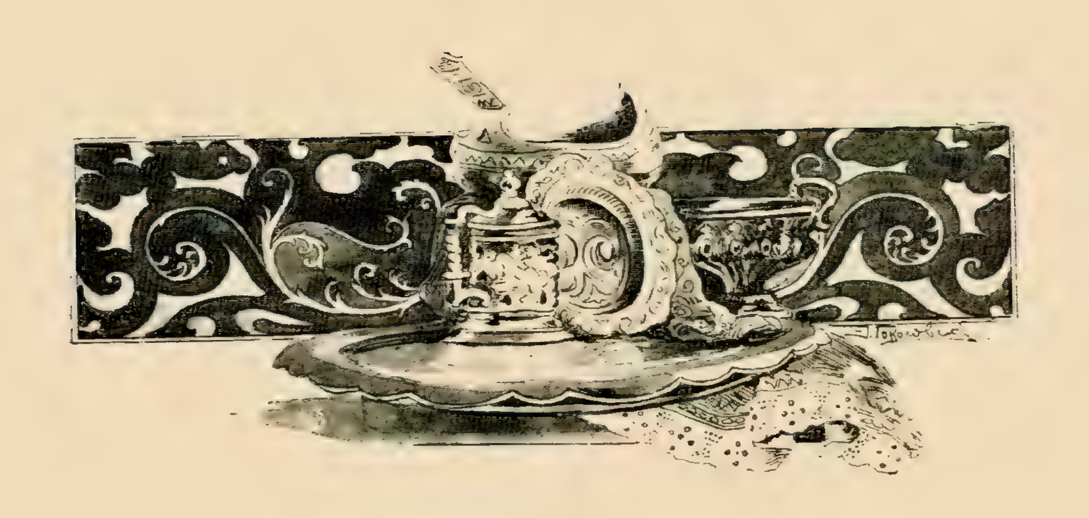
И думаетъ Марья-Лебедь бѣлая, какъ бы еще разъ перехитрить Потока: зоветъ его къ себѣ, подноситъ ему чару зелена вина съ соннымъ зельемъ.

Уже взялся Потокъ за чару, хочетъ пить, да случи-

лась тутъ Настасья Окульевна; толкнула она богатыря подъ руку, уронилъ онъ чару, расплескалъ питье, смотритъ на всѣхъ, словно отъ сна проснулся, спали съ него злыя чары.

Разгнѣвался Потокъ на жену, отрубилъ ей голову, а Настасью Окульевну взялъ за себя замужъ. Повѣнчались они въ церкви Божіей золотымъ вѣнцомъ, стали жить-поживать лучше прежняго.

XXI.

Чурило Пленковичъ.

Явилось однажды къ Солнышку-князю Владиміру сто молодцовъ-кіевлянъ; пришли они избитые, въ разорванныхъ платьяхъ; идутъ, на ходу пошатываются, приносятъ князю горькую жалобу:

— Разсуди насъ, князь, по справедливости съ Чурилой Пленковичемъ: на Сорочѣ-рѣкѣ появились невѣдомые люди, дружина въ пятьсотъ человѣкъ, одѣты они въ бархатные кафтаны, въ золотыя шапки; забросили они шелковые невода въ воду; всю рыбу изъ рѣки повыловили; нечего намъ, государь, тебѣ на столъ подать, заслужить отъ тебя милости. А называетъ себя эта дружина людьми Чурилы Пленковича.

Только скрылись со двора князя эти челобитчики— приходятъ другіе сто кіевлянъ, приносятъ другую жалобу:

— Солнышко-князь! Дай намъ управу на Чурилу

Пленковича; сегодня пришла его дружина на тихія заводи; всю птицу дикую перестрѣляла; нечего тебѣ, государь, къ столу подать, нечѣмъ заслужить твоего жалованья.

Вслѣдъ за второй толпой кіевскихъ жителей является и третья:

— Ласковый князь! уйми дружину Чурилы: пришли къ намъ пятьсотъ молодцовъ: наставили силковъ въ темныхъ лѣсахъ, куницъ, лисицъ повыловили, перебили черныхъ сибирскихъ соболей. Нечего, государь, тебѣ во дворъ принесть, нечѣмъ заслужить твоего жалованья.

Взглянулъ тутъ князь въ окно и видитъ: ѣдутъ къ Кіеву пятьсотъ молодцовъ; кони подъ ними гнѣдые, всѣ одной масти, сѣдла подъ ними золотомъ разукрашены, сапоги на молодцахъ изъ зеленаго сафьяна, кафтаны изъ голубой парчи, разноцвѣтными поясами подпоясаны, шапки изъ литого золота; сидятъ молодцы на коняхъ— словно свѣчи горятъ. Стали молодцы по Кіеву разъѣзжать, пошаливать, весь лукъ на огородахъ повыдергали, всю капусту съ корнемъ повырвали.

Толпами валитъ народъ съ жалобами къ князю на широкій дворъ; весь Кіевъ тутъ собрался: и князья съ княгинями, и знатные бояре, и жители городскіе; просятъ суда на Чурилиныхъ людей.

Разсердился Владиміръ:

— Какъ вы просите у меня суда на Чурилу, когда я даже не знаю, гдѣ онъ живетъ, гдѣ его дворъ стоитъ.

Говорятъ бояре:

— Свѣтъ-государь! не въ Кіевѣ, не за Кіевомъ стоитъ дворъ Чурилы, а стоитъ онъ на Почай-рѣкѣ, тянется на семь верстъ, обнесенъ булатнымъ тыномъ; двери вездѣ точеныя, ворота хрустальныя, косяки и подворотни изъ дорогого рыбьяго зуба, а во дворѣ стоитъ семь теремовъ.

Захотѣлось Владиміру посмотрѣть на такое роскошное

жилье и собрался онъ въ путь-дорогу ко двору Чурилы; взялъ съ собой и князей, и бояръ именитыхъ, и богатырей могучихъ, и горожанъ кіевскихъ. Пріѣхалъ Владиміръ на Почай-рѣку, смотритъ на Чурилинъ дворъ, удивляется: правду молвили люди о несмѣтномъ Чурилиномъ богатствѣ! Видитъ князь, выходитъ на крыльцо старикъ, отецъ Чурилы; шуба на немъ соболья, золотой парчой крытая, золотыми пуговицами застегнута; кланяется Владиміру отецъ Чурилы:

— Пожалуй, князь, въ высокія хоромы хлѣба-соли съ нами откушать.

— Назовись, добрый человѣкъ,—отвѣчаетъ князь,—какъ тебя звать-величать, чтобы знали мы, у кого будемъ хлѣбъ-соль отвѣдывать.

— Я Чурилинъ батюшка—Пленко,—сказалъ старикъ и повелъ Владиміра въ хоромы.

Видитъ Владиміръ: стоятъ терема изъ бѣлаго дуба; къ главному терему ведутъ трое воротъ: первыя—рѣзныя раскрашенныя; вторыя—хрустальныя, третьи—изъ олова литыя, золотыми маковками украшены, а ужъ въ теремѣ такое убранство, что и перомъ не описать: полъ посрединѣ изъ чистаго серебра, стѣны сѣрымъ соболемъ обиты, а потолокъ чернымъ. Вся въ теремѣ красота небесная: на небѣ солнце—и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ; около мѣсяца частыя звѣздочки разсыпались.

Открылъ князь окошко, увидалъ во дворѣ нарядную толпу.

— Не тутъ-ли Чурило?—спрашиваетъ князь Пленко.

— Нѣтъ, князь! Чурило еще въ церкви, обѣдню слушаетъ.

Появилась тутъ во дворѣ другая толпа, еще наряднѣй и лучше: человѣкъ болѣе тысячи, посреди, всѣхъ лучше и краше, ѣдетъ добрый молодецъ; шуба на немъ

собольяа, золотыми пуговицами застегнута; каждая пуговица по яблоку.

Владиміру даже боязно стало: не царь-ли ѣдетъ съ ордой, не король-ли изъ Литвы, или не ѣдутъ-ли великіе послы сватать княжую племянницу, Забаву!

Говоритъ Пленко:

— Не страшись, князь, это сынъ мой Чурило возвращается домой.

Ѣдетъ Чурило, съ коня на коня перепрыгиваетъ, изъ сѣдла въ сѣдло перескакиваетъ, копье изъ руки въ руку перекидываетъ. Несутъ надъ Чурилой большой зонтикъ-подсолнечникъ, чтобъ не загорѣло отъ солнца бѣлое лицо Чурилы.

Слѣзъ съ коня Чурило, идетъ по двору легкой частой походочкой; идетъ — подъ ногами травы не мнетъ.

Несутъ надъ Чурилой большой зонтикъ-подсолнечникъ...

Какъ сказали Чурилѣ, что самъ князь у него въ го-

стяхъ—взялъ Чурило золотые ключи, отворилъ свои богатые амбары, досталъ мѣха черныхъ соболей, куницъ и лисицъ, подарилъ Владиміру дорогія шубы собольи, а боярамъ лисьи, а купцамъ куньи; раздарилъ горожанамъ золотой казны безъ счета.

Говоритъ Владиміръ:

— Много было мнѣ принесено на тебя жалобъ, добрый молодецъ, да не хочу тебя судить, старое поминать: ужь очень ты мнѣ полюбился, свѣтъ Чурило Пленковичъ!

И зоветъ его князь къ себѣ въ Кіевъ:

— Будешь у меня стольничать-чашничать!

Согласился Чурило. Остался князь ночевать у него въ домѣ; положилъ его Чурило на пуховую постель, усыпилъ игрою на звонкихъ гусляхъ, а поутру поѣхали они вмѣстѣ въ Кіевъ и сдѣлалъ Владиміръ пиръ для Чурилы.

На пиру сама княгиня Евпраксія заглядѣлась на красоту Чурилы; руку себѣ ножомъ порѣзала, заглядѣвшись.

Пожаловалъ князь Чурилѣ еще должность:

— Свѣтъ-Чурило, ходи-ка ты по Кіеву на пиры мои собирать честной народъ, князей-бояръ, горожанъ именитыхъ.

Идетъ Чурило по Кіеву, желтыми кудрями потряхиваетъ; на рукахъ у него шелковыя перчатки, на головѣ золотая шапка, на ногахъ сафьяновые сапоги. Смотритъ на него народъ, не налюбуется, красны дѣвицы тихонько изъ теремовъ на него поглядываютъ, старыя старухи, засмотрѣвшись, прялки ломаютъ; зазываютъ Чурилу въ гости и князья-бояре, и горожане именитые, и богатые купцы.

XXII.

Дюкъ Степановичъ.

Далеко, далеко, за синими морями, за высокими горами, въ Индіи заморской, въ богатой Волынь-землѣ жилъ добрый молодецъ, молодой купецъ Дюкъ Степановичъ.

Не ясный соколъ пролетѣлъ, не бѣлый кречетъ вспорхнулъ—то молодой Дюкъ поѣхалъ охотиться на гусей, лебедей, на малыхъ сѣрыхъ утокъ. Разстрѣлялъ Дюкъ свои золотыя стрѣлы, не убилъ ни одной птички; еще вынулъ три стрѣлы, самыя драгоцѣнныя, и тѣ извелъ напрасно. Покачалъ Дюкъ головою и говоритъ самъ себѣ:

„Извелъ я напрасно свои дорогія стрѣлы, а были стрѣлы на три грани гранены, перомъ сизыхъ орловъ оперены; ручки у стрѣлъ были яхонтами разубраны, гдѣ

летитъ стрѣла—лучъ свѣта бросаетъ за собой; днемъ свѣтитъ, словно лучъ солнца краснаго, вечеромъ—словно лучъ яснаго мѣсяца".

Собралъ Дюкъ свои стрѣлы въ колчанъ и вернулся въ родной Галичъ.

Пріѣхалъ Дюкъ домой, когда въ церкви шла вечерня, и пошелъ къ Божьему храму на церковное крыльцо встрѣчать свою родимую матушку.

Вотъ выходитъ изъ церкви Дюкова матушка; кланяется ей Дюкъ низко, достаетъ до земли кудрями, проситъ у ней благословенія:

— Государыня, родимая матушка! во всѣхъ городахъ я побывалъ, не былъ только въ городѣ Кіевѣ у ласковаго князя Владиміра; благослови меня съѣздить въ Кіевъ!

Отпустила его родимая матушка, на прощанье дала родительское наставленье:

— Слушайся меня, свѣтъ мой Дюкъ Степановичъ, не ѣзди къ Кіеву прямой дорогой, поѣзжай дорогой окольной. На прямой дорогѣ есть три заставы великія; стоятъ на одной высокія горы, разойдутся и опять сойдутся, поѣдешь не во время—тутъ тебѣ и живому не быть. Есть на прямой дорогѣ гнѣздо дикихъ птицъ. Какъ поѣдешь мимо, склюютъ тебя тѣ птицы и вмѣстѣ съ конемъ. А на третьей заставѣ лежитъ Змѣище Горынище о двѣнадцати хоботахъ, проглотитъ тебя та змѣя вмѣстѣ съ конемъ. Еще тебѣ мой совѣтъ: какъ будешь на пиру у князя Владиміра, не хвастайся своимъ сиротскимъ имѣньицемъ, не доведетъ до добра напрасное хвастовство.

Простился Дюкъ съ матерью, пошелъ на конюшню выбрать себѣ въ дорогу жеребца неѣзженаго—выбралъ косматаго бурушку; была у бурушки грива въ три сажени длиною, на всѣ стороны развѣвалась, словно скатный жемчугъ разсыпалась. Осѣдлалъ Дюкъ своего бурушку,

Бахмата-коня, черкасскимъ сѣдельцемъ, цѣною въ двѣ тысячи, съ серебряными подпругами, съ булатными стременами заморскими, накинулъ попону, краснымъ золотомъ, серебромъ строченую, цѣною въ три тысячи; взялъ Дюкъ съ собою свое цвѣтное платье, захватилъ и дорогія стрѣлы.

Выѣхалъ Дюкъ... Какъ взвился бурушка—первый скачокъ сдѣлалъ—на цѣлую версту ушелъ, а со вторымъ только его и видѣли: съ горы на гору онъ перескакивалъ, рѣки и озера перелетывалъ.

Пріѣхали они къ первой заставѣ; не успѣли горы сдвинуться да раздвинуться, какъ они мимо проскользнули; пріѣхали и на вторую заставу—не успѣла птица крыльевъ расправить, какъ они промелькнули, и на третьей заставѣ еще змѣй хобота не успѣлъ протянуть, какъ они уже за версту были.

Наконецъ, въ полѣ наѣхалъ Дюкъ на шатеръ бѣлополотняный и, не подумавъ, крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Эй, кто тамъ стоитъ въ бѣлополотняномъ шатрѣ? Выходи съ Дюкомъ побороться!

Сначала никто не отвѣтилъ ему; тогда Дюкъ крикнулъ и второй и третій разъ и разбудилъ спавшаго богатыря.

Раскаялся Дюкъ въ своихъ неразумныхъ словахъ, когда увидѣлъ, что изъ шатра вышелъ къ нему навстрѣчу самъ Илья Муромецъ.

— Что кричишь, Дюкъ, во всю голову,—говоритъ старый богатырь,—или хочешь со мною силами помѣряться?

— Нѣтъ, славный Илья Муромецъ,—отвѣчаетъ Дюкъ смиренно,—одно на небѣ солнце красное, одинъ на свѣтѣ богатырь Илья: кто съ нимъ помѣряться захочетъ силами—тотъ сложитъ въ бою голову.

Полюбились Ильѣ эти рѣчи и говоритъ онъ Дюку:

— Какъ будешь ты въ Кіевѣ, добрый молодецъ, если

станетъ кто обижать тебя на честномъ пиру —дай мнѣ знать, я тебя изъ бѣды выручу.

Поѣхалъ Дюкъ дальше, поспѣлъ онъ въ Кіевъ къ заутрени; пошелъ въ соборную церковь Божіей Матери, осѣнилъ себя по обычаю крестнымъ знаменіемъ, отдалъ низкій поклонъ на всѣ четыре стороны и занялъ мѣсто между Владиміровыми боярами: Бермятой Васильевичемъ да Чурилой Пленковичемъ; самъ посматриваетъ на свое цвѣтное платье, не обрызгалъ-ли его ненарокомъ, не испортилъ-ли по дурной погодѣ.

Спрашиваетъ его князь Владиміръ о родѣ-племени.

— Свѣтъ-государь, пріѣхалъ я изъ Галича, изъ Индіи богатой, зовусь Дюкомъ Степановичемъ, а родомъ боярскій сынъ.

— Скажи, добрый молодецъ, давно-ли ты изъ Галича?

— Вчера я послѣ вечерни выѣхалъ изъ дома—сегодня въ Кіевъ поспѣлъ къ заутрени.

Говорятъ между собою князья и бояре:

— Что за сказки разсказываетъ намъ богатый молодецъ! Прямой дорогой изъ Галича въ Кіевъ нельзя проѣхать меньше трехъ мѣсяцевъ, да и то на хорошемъ конѣ.

— Дороги-ли у васъ въ Галичѣ кони?—спрашиваетъ Владиміръ.

— Свѣтъ-государь! есть у насъ кони и по рублю, иной и два рубля, иной и всѣ пятьсотъ, а моему бурушкѣ и цѣны нѣтъ.

Говорятъ тутъ князья и бояре:

— Не видать, чтобы Дюкъ былъ боярскимъ сыномъ: больно много хвастается, держать себя не умѣетъ. Больше похожъ онъ на мужика деревенскаго; жилъ, вѣроятно, у купца, укралъ у хозяина цвѣтное платье, а какъ жилъ у боярина—своровалъ себѣ коня да и похваляется напрасно.

Однако, отстоявъ Божiю службу, вышли они всѣ вмѣстѣ на улицу. Идетъ Дюкъ, посматриваетъ на свои сафьяновые сапожки, на длинную шубу—головой покачиваетъ.

Смѣются бояре:

— Еще не налюбовался, молодецъ, на свое цвѣтное платье, никогда еще вѣрно такого не нашивалъ.

Отвѣчаетъ Дюкъ:

— Не потому я осматриваюсь, что любуюсь на свое цвѣтное платье, а вижу, что все у васъ въ Кiевѣ не по-нашему: у насъ въ Галичѣ, какъ идетъ моя матушка домой изъ церкви—вездѣ по улицамъ настланы мостки дубовые, по мосткамъ положены суконныя постилочки; впереди идутъ слуги съ лопатками и метлами—очищаютъ дорогу; пройдешь—не запылишь сафьяновыхъ сапожекъ, не запачкаешь цвѣтного платья.

Какъ пришли гости въ теремъ, сѣли за столы бѣлодубовые—пьетъ Дюкъ вино, головой покачиваетъ:

— Все у насъ въ Галичѣ не по-вашему: у матушки моей погреба вырыты въ землѣ, глубиной въ сорокъ саженъ; зелено вино привѣшено на серебряныхъ цѣпяхъ въ крѣпкихъ бочкахъ; въ поле изъ погреба проведены трубы; повѣетъ вѣтеръ изъ поля въ погребъ, всю сырость на воздухъ вынесетъ, и вино не затхлое, не горькое въ бочкахъ, а свѣжее, крѣпкое, не то, что у васъ въ Кiевѣ.

Ѣстъ Дюкъ крупичатый калачикъ, нижнюю корочку отламываетъ. Спрашиваетъ Чурило Пленковичъ:

— Что это ты, Дюкъ, чванишься, не ѣшь нижней корочки?

— Не гнѣвись на меня, Солнышко-князь, а только пекутъ у тебя калачи не по-нашему, въ глиняныхъ печкахъ, вытираютъ печи сосновой мочалкой; оттого нижняя корочка пригораетъ, сосной пахнетъ. У моей государыни матушки печки муравленыя, метелки шелковыя, въ мед-

вяной росѣ омытыя, за то и вкусны калачи—одинъ съѣшь—другого хочется.

Стало тутъ досадно Чурилѣ, что такъ хвастается Дюкъ, и говоритъ ему Чурило:

— Правда-ли все, что ты разсказываешь, добрый молодецъ? Давай-ка побьемся съ тобой о закладъ, чтобы намъ три года другъ передъ другомъ по Кіеву красоваться, каждый день надѣвать новое платье цвѣтное, одно другого наряднѣе: кто первый отступится и проиграетъ—заплатитъ восемьсотъ рублей.

И поручились тутъ всѣ за Чурилу: и князь, и княгиня, и бояре, и купцы—за Дюка никто не ручается.

Догадался Дюкъ, какъ ему поступить—сѣлъ онъ за столъ, написалъ письма скорописчатыя, припечаталъ ихъ къ стрѣламъ, разстрѣлялъ стрѣлы въ чистое поле. Одну стрѣлу нашелъ Илья Муромецъ, прочиталъ Дюково письмо, прискакалъ въ Кіевъ, поручился за Дюка; на закладъ поставилъ коня и свою голову.

Написалъ Дюкъ еще письмо своей родимой матушкѣ, положилъ въ сумочку, а сумочку спряталъ подъ сѣдло и послалъ въ Галичъ своего вѣрнаго бурушку.

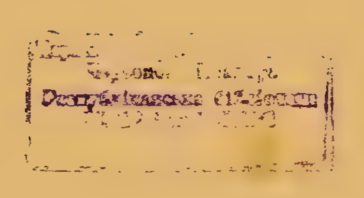
Говорятъ дома слуги Дюковой матушкѣ:

— Видно, нѣтъ въ живыхъ, государыня, твоего любимаго сына, что бурушка одинъ прибѣжалъ домой!

Горько заплакала Дюкова матушка. Стали слуги разсѣдлывать бурушку и нашли письмо. Обрадовалась Дюкова матушка, что живъ милый сынъ. Напоили бурушку ключевой водой, накормили бѣлояровой пшеницей. Выбрала матушка для Дюка нѣсколько сотъ перемѣнъ цвѣтного платья на три года, привязала къ сѣдлу; назадъ поѣхалъ бурушка въ Кіевъ.

Стали Дюкъ съ Чурилой щеголять по Кіеву: что ни день—новый нарядъ; пришелъ и послѣдняго года послѣдній день. Одѣлъ Чурило сапоги изъ зеленаго сафьяна

съ острыми носками, серебромъ шитыми, подбитые золотыми гвоздями, надѣлъ соболью шубу съ золотыми пуговицами литыми, на каждой пуговицѣ вылито по доброму молодцу, въ петляхъ вышито по красной дѣвицѣ; какъ проведетъ Чурило по пуговицамъ—начнутъ красныя дѣвицы наливать вина добрымъ молодцамъ, проведетъ по петлямъ—добрые молодцы на гусляхъ заиграютъ; еще

Сумочку спряталъ подъ сѣдло...

надѣлъ Чурило высокую шапку пушистую, спереди не видно лица бѣлаго, сзади шапка закрываетъ Чурилѣ всю голову.

Только Дюкъ нарядился еще богаче: надѣлъ лапти, семью шелками шитые, дорогими камнями разукрашенные, днемъ камни горятъ, какъ солнце, вечеромъ, словно ясный мѣсяцъ. Была на немъ богатая шуба парчевая, въ

пуговицахъ вышиты диковинные звѣри, въ петляхъ вышиты лютыя змѣи; проведетъ Дюкъ по пуговицамъ—заревутъ дикіе звѣри, проведетъ по петлямъ—засвистятъ, зашипятъ лютыя змѣи; отъ того реву и свисту всѣ въ Кіевѣ на землю ничкомъ попадали.

Выигралъ Дюкъ закладъ въ восемьсотъ рублей, а Чурило тутъ-же новый закладъ выдумалъ:

— Испытаемъ, Дюкъ, нашихъ добрыхъ коней, чей конь черезъ Днѣпръ-рѣку перескочитъ, а въ закладъ поставимъ свои буйныя головы: кто проиграетъ—тому голову съ плечъ долой.

Говоритъ Дюкъ:

— Придумалъ ты, Чурило, неладное: твой конь живетъ въ холѣ и въ нѣгѣ, а мой усталъ отъ дальней дороги!

Пошелъ Дюкъ къ своему бурушкѣ, обнялъ его за шею, призадумался крѣпко.

Говоритъ бурушка:

— Не бойся, Дюкъ Степановичъ, перескочу я черезъ Днѣпръ, хватитъ у меня силы съ Чурилинымъ конемъ потягаться; онъ вѣдь мнѣ меньшой братъ, а большій мой братъ служитъ Ильѣ Муромцу, а второй у Добрыни Никитича.

Настало утро: на Днѣпрѣ видимо-невидимо народа: всѣ пришли смотрѣть на Чурилу и Дюка. Вдругъ въ степи пыль поднялась—прискакалъ Илья Муромецъ въ случаѣ бѣды заступиться за Дюка, какъ обѣщалъ ему.

Шириной рѣка въ три версты. Смотритъ на Днѣпръ Чурило—самъ испугался, да нечего было дѣлать; разогналъ Чурило своего коня и прыгнулъ первый... Попалъ Чурило въ середину Днѣпра, а какъ Дюкъ прыгнулъ—перескочилъ рѣку, еще на версту берега прихватилъ да Чурилу по дорогѣ изъ Днѣпра вытащилъ.

Пришелъ конецъ Чурилѣ, да князь съ княгиней по-

просили Дюка отпустить имъ ихъ стольника, не рубить его буйной головы, и Дюкъ отпустилъ его.

Дюкъ прыгнулъ—перескочилъ рѣку...

И задумалъ Владимiръ послать посла въ Галичъ переписать Дюково богатство.

Говоритъ Дюкъ:

— Не посылай, князь, Алешу Поповича—у Алеши глаза завидущіе, увидитъ онъ мое богатство, глаза у него разбѣгутся—ничего онъ и не перепишетъ; пошли лучше Добрыню Никитича.

И поѣхалъ Добрыня въ Галичъ. Видитъ—среди города стоятъ три высокихъ терема; отъ роду Добрыня такой красоты не видывалъ; вошелъ Добрыня въ главный теремъ, вступилъ въ богатую палату; видитъ—сидитъ въ ней старушка вся въ шелку да въ бархатѣ, а около нея стоятъ пять сѣнныхъ дѣвушекъ.

Говоритъ Добрыня:

— Здравствуй, Дюкова государыня-матушка.

Отвѣчаетъ старушка:

— Я вовсе не Дюкова матушка, а только матушки его прислужница.

Совѣстно стало Добрынѣ за свою ошибку, пошелъ онъ дальше по хоромамъ; видитъ—сидитъ въ большой палатѣ старушка вся въ серебрѣ, около нея десять сѣнныхъ дѣвушекъ; кланяется ей Добрыня.

— Ошибся ты, добрый молодецъ, я не матушка Дюку, а только его стряпуха; Дюкова матушка у обѣдни; если хочешь, пойди къ ней навстрѣчу.

Пошелъ Дюкъ къ церкви—видитъ идетъ отъ обѣдни Дюкова матушка; впереди слуги сукномъ мостки устилаютъ; одни идутъ съ метелочками, дорогу очищаютъ, другіе несутъ надъ госпожей своей зонтикъ; самое ее тридцать дѣвушекъ поддерживаютъ подъ одну руку да тридцать—подъ другую. Платье на ней цвѣтное; вышиты на немъ солнце и мѣсяцъ ясный и частыя звѣзды и зори майскія нарисованы,

Поклонился ей Добрыня, разсказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ; приказала она принести золотые ключи, отворила Добрынѣ амбары, гдѣ спрятаны были товары заморскіе, отворила погреба глубокіе, гдѣ казна была схоронена.

Считалъ Добрыня, считалъ, отступился. И написалъ Добрыня въ Кіевъ письмо:

„Если-бы привезти изъ Кіева бумаги на шести возахъ да чернилъ на трехъ—то и тогда не описать Дюкова богатства!“

Увидѣли тогда въ Кіевѣ, что правду сказалъ удалый добрый молодецъ; подивились люди немало его богатствамъ несмѣтнымъ, его казнѣ несчетной.

XXIII.

Соловей Будиміровичъ

ИЗЪ-ЗА дальняго моря, изъ-за славнаго острова Кадольскаго, изъ богатаго города Леденца выплывало, выбѣгало тридцать кораблей съ бѣлыми парусами, да еще одинъ корабль впереди всѣхъ—имя ему Соколъ, а хозяинъ того корабля самъ Соловей Будиміровичъ, богатый добрый молодецъ.

Всѣ корабли хорошо расписаны, разубраны, а Соколъ лучше всѣхъ: вмѣсто очей у корабля по яхонту встав-

лено, вмѣсто бровей по черному соболю якутскому прибито, вмѣсто усовъ два острыхъ ножа булатныхъ воткнуто, вмѣсто ногъ—два горностая, вмѣсто гривы—двѣ лисицы пушистыя, вмѣсто хвоста—два медвѣдя бѣлыхъ заморскихъ; носъ расписанъ по-туриному, а бока по-звѣриному. Якоря на кораблѣ серебряные, мачты позолоченныя, паруса изъ дорогой ткани: не гнутся, не трутся, не ломаются, канаты изъ заморскаго шелку.

Посреди корабля выстроенъ чердакъ расписной: потолокъ въ немъ обитъ бархатомъ, стѣны завѣшены лисицами и соболями, скамья въ немъ изъ дорогого рыбьяго зуба.

На скамьѣ сидитъ прекрасный молодецъ, Соловей Будиміровичъ, со своей родимой матушкой Ульяной Григорьевной. Ѣдутъ они къ городу Кіеву къ князю Солнышку въ гости.

Взялъ съ собой Соловей храбрую дружину въ триста молодцевъ удалыхъ и смѣлыхъ; богато они принаряжены: кафтаны на нихъ алаго сукна, шапки на нихъ чернаго бархата, сапожки зеленые сафьяновые застегнуты серебряными пряжками, золотыми гвоздями подбиты: подъ пятой воронъ пролетитъ, около носка яйцо прокатится.

Пріѣхалъ корабль подъ славный Кіевъ; бросила якоря Соловьева дружина въ Днѣпръ-рѣку, положили три сходни на берегъ, три мостика: одинъ золота краснаго, другой чистаго серебра, третій свѣтлой мѣди. По первому мостику Соловей самъ перешелъ, по второму мать перевелъ, а по третьему шла его дружина молодецкая; уплатили гости въ таможнѣ пошлины за товары семь тысячъ золотомъ.

Взялъ Соловей богатые подарки, идетъ въ гридню къ князю Владиміру, Спасову образу молится, князю низко кланяется, дары свои подноситъ: цѣлую мису краснаго золота, мѣха черныхъ соболей да сибирскихъ ли-

сицъ, а княгинѣ, прекрасной Евпраксіи, поднесъ Соловей дорогихъ тканей съ хитрыми узорами: нарисованы на нихъ были хитрости Цареграда, мудрости Іерусалима, замыслы Соловья Будиміровича; а Забавѣ Путятишнѣ, княжой племянницѣ, подарилъ Соловей мису скатнаго жемчуга.

Понравились дары князю и княгинѣ, зовутъ они щедраго гостя своего на почестный пиръ. Говоритъ Владиміръ-князь:

— Удалый добрый молодецъ, Соловей Будиміровичъ, живи у насъ въ Кіевѣ: выбери себѣ для житья дворы княжескіе, дворянскіе или боярскіе.

— Красное Солнышко! не надо мнѣ столько мѣста: ты отведи мнѣ уголокъ въ саду у Забавы Путятишны среди вишенья-орѣшенья, тамъ построю я себѣ три терема, чтобы было мнѣ гдѣ жить, пока я стою въ Кіевѣ.

Князь исполнилъ просьбу своего гостя, далъ ему землю въ саду у Забавы.

Пошелъ Соловей къ своему кораблю, говоритъ дружинушкѣ:

— Братцы мои, работнички! берите-ка вы топоры булатные, пойдите къ Забавѣ въ зеленый садъ, постройте мнѣ свѣтлый теремъ, широкій дворъ среди вишенья-орѣшенья.

Принялась за работу дружинушка, словно дятлы въ дерево пощелкиваютъ, колоды, дубы вывертываютъ, во всѣ стороны разбрасываютъ—къ утру поспѣло для Соловья свѣтлыхъ три терема съ золотыми маковками, съ тремя сѣнями косящатыми и съ тремя рѣшетчатыми; въ теремахъ навели работники неописанную красоту: на небѣ солнце—и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ, заря зарю смѣняетъ.

Проснулась Забава Путятишна, какъ зазвонили къ заутрени, посмотрѣла въ окошко, диву далась, увидавъ новые терема у себя въ саду.

Надѣла Забава наскоро соболью шубку на одно плечо, побѣжала въ садъ разсмотрѣть хорошенько дивные терема; слышитъ—въ теремахъ шумъ и звонъ: въ первомъ теремѣ деньги сыпятся, звякаютъ: кто-то казну считаетъ, во второмъ Соловей Богу молится, въ третьемъ музыка гремитъ.

Вошла Забава въ третій теремъ: было тамъ такъ прекрасно, что у ней отъ удивленія ноги подкосились—сѣла она на скамью.

Вышелъ навстрѣчу къ Забавѣ самъ Соловей Будиміровичъ.

— Здравствуй, красная дѣвица, Забава Путятишна!

Поклонилась ему Забава въ поясъ, стала его разспрашивать:

— Откуда ты родомъ, добрый молодецъ? Холостъ ты или женатъ? Если ты холостъ, и я тебѣ нравлюсь—возьми меня за себя замужъ!

Посмотрѣлъ на нее Соловей съ удивленіемъ:

— Всѣмъ ты хороша, дѣвица красная, и понравилась мнѣ: одно мнѣ не понравилось — зачѣмъ ты сама себя просватала?

Покраснѣла Забава, какъ маковъ цвѣтъ, какъ вскочитъ живо на быстрыя ноженьки, правой ручкой закрылась, убѣжала въ свой теремъ, расплакалась горько.

Хочетъ Соловей жениться на Забавѣ. Провѣдала объ этомъ его мать и говоритъ ему:

— Съѣзди-ка раньше за море синее, расторгуйся тамъ хорошенечко, тогда вернешься и женишься на Забавѣ.

Пока Соловей ѣздилъ за море, явился въ Кіевъ купецъ—Голый Щапъ Поповъ *), привезъ князю подарки, сватаетъ за себя Забаву.

---

*) Щапъ—щеголь.

Спрашиваетъ его Владиміръ:

— Добрый молодецъ, Щапъ Давидовичъ, не слыхалъ-ли чего за моремъ о молодомъ купцѣ Соловьѣ Будиміровичѣ?

Отвѣчаетъ Щапъ:

— Я его встрѣтилъ въ городѣ Леденцѣ: онъ не заплатилъ королю Веницейскому таможенныхъ пошлинъ, за то и попалъ въ тюрьму.

Согласился Владиміръ отдать Забаву за Щапа; уже и свадебный пиръ устроили.

Объ эту пору вернулся въ Кіевъ Соловей Будиміровичъ; вышелъ онъ съ корабля, переодѣтый въ платье каличье, взялъ съ собой сорокъ товарищей, приходитъ на княжескій пиръ.

А на пиру Забава узнала своего суженаго да и говоритъ князю-Солнышку:

— Государь свѣтъ, родимый дядюшка! вѣдь это мой прежній женихъ, Соловей Будиміровичъ; пойду ему навстрѣчу!

Выбѣжала Забава изъ-за стола, пошла Соловью навстрѣчу, взяла его за бѣлыя руки, усадила рядомъ съ собой за столъ. На утро обвѣнчали ихъ святыми вѣнцами въ Божьемъ храмѣ, на пиру княжескомъ имъ славу спѣли. Стали они жить-поживать своимъ домкомъ, а Щапъ Поповъ ни съ чѣмъ убрался къ себѣ домой.

XXIV.

Михайло Казарянинъ.

Не ясный соколъ вылетывалъ, не бѣлый кречетъ выпархивалъ—выѣзжалъ во чисто поле изъ Галича добрый молодецъ, Михайло Казарянинъ.

Конь подъ нимъ—словно лютый звѣрь: проходу, проѣзду не дожидаетъ, рѣку въ пятнадцать верстъ шириною за одинъ разъ перескакиваетъ; доспѣхи на молодцѣ такіе, что и цѣны имъ нѣтъ: латы и панцырь изъ чистаго серебра, кольчуга золотая, шлемъ цѣною въ три тысячи, копье въ рукахъ, какъ свѣча горитъ; концы на лукѣ изъ краснаго золота, а полосы по нимъ булатныя и тетива шелковая; въ колчанѣ у Михайлы 150 стрѣлъ—каждой цѣна—пять рублей.

Снаряжается Михайло въ Кіевъ, въ гости къ князю Владиміру. Пріѣзжаетъ въ Кіевъ послѣ вечерни, приходитъ въ гридню княжескую прямо на почестный пиръ.

Не случилось тутъ у Владиміра стольника-чашника, самъ князь налилъ для богатыря чашу зелена вина въ полтора ведра да турій рогъ сладкаго меда въ полтрети ведра.

Подноситъ князь вино и медъ богатырю и говоритъ:

— Молодой Михайло Казарянинъ! сослужи-ка мнѣ службу: съѣзди къ морю синему, настрѣляй гусей, бѣлыхъ лебедей, налови малыхъ сѣрыхъ утушекъ, чтобы было мнѣ что на столъ подать. А я тебя за это пожалую своей великой милостью.

Помолясь Богу, поѣхалъ добрый молодецъ за добычей; послалъ ему Господь счастья: видимо-невидимо птицъ настрѣлялъ Михайло для княжескаго стола. Уже повернулъ онъ назадъ своего лихого коня, какъ вдругъ видитъ— стоитъ въ полѣ громадный дуплистый дубъ; на дубу сидитъ черный воронъ диковинный: ноги и носъ у него словно жаръ горятъ; сидитъ, перушки расправляетъ.

Вынулъ Михайло тугой лукъ, достаетъ уже каленую стрѣлу изъ колчана, хочетъ застрѣлить чернаго ворона, а воронъ говоритъ ему человѣческимъ голосомъ:

— Не стрѣляй въ меня, добрый молодецъ, нѣтъ для тебя во мнѣ никакой корысти: кровь мою пить не будешь, мясо мое ѣсть не станешь, а я сослужу тебѣ службу; слушай-же меня хорошенечко: поѣзжай на высокую гору, посмотри съ нея въ чистое поле и увидишь въ полѣ три бѣлые шатра; скамьи въ нихъ изъ дорогого рыбьяго зуба, а на тѣхъ скамьяхъ сидятъ три татарина, прислуживаетъ имъ молодая плѣнница, душа дѣвица Мароа Петровна; поѣзжай и освободи ее изъ тяжкаго плѣна.

Послушался Михайло ворона, поѣхалъ на высокую гору, увидалъ татарскіе шатры и повернулъ къ нимъ коня своего.

Подъѣхалъ къ шатрамъ Казарянинъ, увидалъ въ

шатрахъ и красную дѣвицу, о которой сказалъ ему воронъ: прислуживаетъ дѣвица поганымъ татарамъ, горючими слезами обливается.

Какъ вихрь повалилъ злыхъ татаръ.

Говорятъ ей татары:

— Не плачь, красная дѣвица! не тумань своихъ очей ясныхъ—мы тебѣ зла не сдѣлаемъ, увеземъ тебя въ

Орду, отдадимъ замужъ за нашего татарина, за добраго молодца.

Разгорѣлось сердце въ Михайлѣ, какъ соколъ налетѣлъ онъ на шатеръ, какъ вихрь повалилъ злыхъ татаръ: одного копьемъ закололь, другого конемъ затопталъ, третьяго о сырую землю однимъ ударомъ убилъ и освободилъ красную дѣвицу.

Говоритъ она ему:

— Что-же не спрашиваешь меня, добрый молодецъ, объ имени, о родѣ-племени? Я вѣдь родомъ изъ Волыни, изъ города Галича, дочь купца Марѳа Петровна!

Обрадовался Михайло, услышавъ это.

— Душа, красная дѣвица,—воскликнулъ онъ,—вѣдь ты мнѣ сестра родная! Разскажи, какъ ты попала въ руки злыхъ татаръ поганыхъ?

— Гуляла я подъ вечеръ въ своемъ саду вмѣстѣ съ родимой матушкой; откуда ни возьмись, прискакали три татарина-наѣздника, захватили меня, посадили на коня и увезли съ собою.

Забралъ Михайло все серебро и золото въ татарскихъ шатрахъ, посадилъ дѣвицу на татарскаго коня, двухъ другихъ коней съ собой повелъ и поѣхалъ къ Владиміру. Низко кланяется Михайло князю Солнышку.

— Исполнилъ я твою службу княжескую, настрѣлялъ гусей, лебедей, малыхъ утушекъ да еще убилъ въ полѣ трехъ татаръ, сестру родную выручилъ изъ плѣна, привезъ добычу—серебра, золота татарскаго.

Принялъ князь подарки, щедро угостилъ на пиру добраго молодца, промолвилъ ему ласковое слово:

— Честь тебѣ и хвала, добрый молодецъ, что служишь мнѣ, твоему князю, вѣрой и правдою!

XXV.

Василій Буслаевичъ.

Жилъ-былъ въ Новгородѣ-Великомъ господинѣ посадскій по имени Буслай; до девяноста лѣтъ уже дожилъ онъ тихо и мирно: не заводилъ ссоръ со Псковомъ, ладилъ и съ матушкой Москвой, и въ Новгородѣ всѣ любили и уважали его

Жилъ Буслай, не старился, да вѣдь не два вѣка жить на бѣломъ свѣтѣ! пришла смерть и къ Буслаю Оставилъ онъ по себѣ вдову да единственнаго сына, Ва сильюшку. Буслаева вдова была женщина опытная и разумная: стала она воспитывать Васильюшку въ страхѣ Божіемъ, научила его письму, чтенію церковному, и такъ хорошо читалъ и пѣлъ Василій въ церкви, что народъ бывало слушаетъ, не наслушается, толпой сбѣгается въ соборный храмъ.

Выучился понемногу Василюшка и ратному дѣлу и почуялъ въ себѣ великую, неслыханную силушку; не даетъ Василью покоя его силушка: такъ вотъ и толкаетъ его на борьбу, на драку—испробовать удаль молодецкую, удачу богатырскую.

Сталъ Василюшка по новгородскимъ улицамъ погуливать, нехорошія шуточки пошучивать: кого возьметъ за руку — тому руку оторветъ, кого схватитъ за ногу — тотъ безъ ноги останется, кто на ногахъ стоялъ — тотъ сидьмя сидитъ, а кто сидѣлъ — тотъ лежмя лежитъ.

Говорятъ новгородцы:

— Уймись, Василюшка, этакъ ты весь Волховъ закидаешь убитыми тѣлами, да и своей головы тебѣ не сносить!

Услышавъ это, пошелъ Василій домой, закручинился. Встрѣчаетъ его родимая матушка, Авдотья Васильевна, и спрашиваетъ:

— Отчего, Василюшка, ты невеселъ домой вернулся? Кто тебя не обидѣлъ-ли на улицѣ?

— Никто меня, родная, не обидѣлъ—нѣтъ такого человѣка, который былъ-бы мнѣ равенъ силою; но грозятъ мнѣ жители новгородскіе расплатиться со мною за своихъ убитыхъ.

— Брось, милый сынъ, свои недобрыя шутки,—говоритъ Авдотья Васильевна,—да набери себѣ храбрую дружинушку, чтобы было кому постоять за тебя, если захотятъ твои враги перевѣдаться съ тобою.

Послушался Василій материнскаго совѣта, сѣлъ на ременный стулъ, принялся писать записочки; каждую записочку привязывалъ къ стрѣлѣ каленой, разстрѣлялъ по разнымъ улицамъ всѣ свои стрѣлы.

А въ записочкахъ было написано: „Зоветъ Василій жителей новгородскихъ къ себѣ на почестный пиръ: кто

хочетъ сладко пить, ѣсть даровое, носить цвѣтное платье— тотъ иди къ Буслаеву на широкій дворъ".

Какъ пошли жители по улицамъ отъ вечерней службы, подобрали записки, прочитали ихъ, и всѣ почти собрались на Буслаевъ дворъ; всѣмъ хочется дарового сладкаго угощенья—идутъ толпа за толпой.

На дворѣ стоитъ чаша зелена вина въ полтора ведра.

Говоритъ Василій:

— Кто подниметъ эту чару одной рукой, выпьетъ за одинъ разъ—того возьму къ себѣ въ дружинушку.

— Ну, Василій,—говорятъ новгородцы,—пришли мы теперь къ тебѣ въ гости, все твое кушанье съѣдимъ, все твое вино припьемъ, цвѣтное платье все поизносимъ, золотую казну порастаскаемъ.

Не понравились Василью такія дерзкія рѣчи, выскочилъ онъ на широкій дворъ, схватилъ дубовую палку, сталъ по двору похаживать и палкой помахивать: махнетъ направо—лягутъ побитые цѣлой улицей, махнетъ налѣво—ложатся переулкомъ; словно градомъ набило на землю новгородскихъ жителей.

Видитъ тутъ Василій Буслаевъ—идетъ къ нему въ гости Костя Новоторжанинъ—подходитъ Костя къ чарѣ зелена вина, беретъ чару одной рукой, выпиваетъ ее за единый разъ. Выскочилъ Василій изъ сѣней да какъ ударитъ Костю своей дубинкой со всего размаха: стоитъ Костя, съ мѣста не тронется, на головѣ кудри не шелохнутся.

— Будь моимъ дружинникомъ,—сказалъ ему Буслаевъ, увидавъ его силу и мужество,—войди въ мои палаты бѣлокаменныя.

Пришелъ за Костей вслѣдъ Потанюшка Хроменькій, взялъ чару одной рукой, выпилъ единымъ духомъ, такъ же какъ Костя выдержалъ—не шелохнулся подъ ударомъ Буслаевой дубинушки, и его Василій позвалъ въ свою дружину.

Принялъ къ себѣ Василій и Ѳомушку Горбатенькаго и порѣшилъ, что съ такими товарищами ему больше некого бояться во всемъ Новгородѣ.

Была въ Великомъ Новгородѣ община Никольщина. Собрались однажды братчики всѣ вмѣстѣ пиръ пировать: каждый давалъ старостѣ свою долю денегъ, а старосты на тѣ деньги устроили пиръ.

Собралось на тотъ пиръ много князей, бояръ, удалыхъ добрыхъ молодцевъ; не позвали только Василія съ дружиною.

Тогда пришелъ онъ на пиръ незваный, непрошенный, привелъ съ собой и свою дружинушку. Спрашиваетъ:

— Почемъ слѣдуетъ съ брата?

Отвѣчаютъ братчики нехотя:

— Званому-то гостю хлѣбъ да соль, а незваному и мѣста нѣтъ.

Однако Василій заплатилъ имъ по пяти рублей за своихъ товарищей, а за себя самого пятьдесятъ рублей далъ и говоритъ имъ:

— Званымъ-то гостямъ почетныя мѣста отведены, а незванымъ надо устраиваться, какъ Богъ пошлетъ!

Идетъ Василій съ дружиной, никого о дорогѣ не разспрашиваетъ; лѣвой ногой вступили они въ горницу, а правой прямо шагнули къ большому столу въ красный уголъ, на самое лучшее мѣсто; сталъ Василій правой рукой народъ раздвигать: кто на скамьѣ сидѣлъ—въ уголъ попалъ, а изъ угла его къ сѣнямъ оттѣснили, а оттуда иной и за дверь угодилъ, и поднялась тутъ тѣснота и давка.

Кричитъ Василій:

— Хотите со мной побиться о великій закладъ? Буду я съ вами бороться: если одолѣю васъ—заплатите мнѣ денегъ по три тысячи, а если меня одолѣете, повалите хоть до мосту, хоть на мосту—отдамъ вамъ свою буйную голову.

— Что-жъ, мы готовы бороться съ тобой,—отвѣчаютъ новгородцы,—только будемъ ужъ всѣмъ народомъ биться съ тобой, Василій Буслаевъ!

И сдѣлали запись объ этомъ великомъ закладѣ.

Какъ провѣдала о томъ, что Василій надумалъ, родная матушка его, Авдотья Васильевна, со страху сердце у ней такъ и упало:

— Убьютъ, убьютъ новгородцы моего милаго сына!

Заперла Авдотья Васильевна сына своего дома, дверь закрыла крѣпкими замками желѣзными, отобрала у него все оружіе, сама насыпала полную чару краснаго золота, а другую чистаго серебра, а третью скатнаго жемчуга, пошла поклониться новгородскому князю, просить помиловать ея любезнаго сына.

Говоритъ новгородскій князь:

— Ничего не могу для тебя сдѣлать, честная вдова, уже у насъ записи сдѣланы о великомъ закладѣ, что держитъ твой сынъ; тогда прощу Василія, какъ голову съ него снимутъ!

Пошла домой Авдотья Васильевна, заплакала горько, всѣ дары свои по землѣ разсыпала.

— Не дороги мнѣ ни жемчугъ, ни золото, дорога побѣдная головушка родимаго сына Васильюшки!

Поутру собрались на мосту новгородцы; народу видимо-невидимо, а Василій спитъ себѣ за желѣзными запорами, позабылъ, какая бѣда ждетъ его

Выскочилъ тутъ Ѳомушка Горбатенькій; одинъ пошелъ противъ всѣхъ новгородцевъ, перебилъ силы пятьсотъ человѣкъ; пришелъ ему на смѣну Потанюшка Хроменькій, а за нимъ Костя Новоторжанинъ, перебили силы видимо-невидимо; только стали уставать добрые молодцы, а много еще противъ нихъ новгородцевъ—все приходятъ новые и новые: нѣтъ конца борьбѣ.

Въ это время мыла на Волховѣ цвѣтныя платья

служанка Василія, дѣвушка Чернавушка; кричитъ ей Васильева дружина:

— Дѣвушка-Чернавушка! не дай намъ погибнуть понапрасну, позови къ намъ Василія на помощь!

Стала Чернавушка къ дому Васильеву пробиваться: уложила на мѣстѣ новгородцевъ пятьсотъ человѣкъ, разбудила добраго молодца, отворила замки желѣзные, вышелъ Василій къ мосту, говоритъ своей дружинѣ:

— Храбрая моя дружинушка, подите вы теперь отдохните, я и безъ васъ тутъ управлюсь.

Сталъ Василій по мосту похаживать, сталъ дубинкой помахивать, набилъ словно градомъ новгородскихъ жителей и все не унимается; пришла бѣда на новгородскихъ жителей, самъ воевода съ посадникомъ пошли къ Авдотьѣ Васильевнѣ, кланяются ей въ поясъ, просятъ, чтобы уняла она своего любезнаго сына, не то перебьетъ Василій весь Новгородъ!

Отвѣчаетъ имъ честная вдова:

— Не могу я ничего сдѣлать для васъ теперь; сердитъ на меня мой милый сынъ за то, что заперла я его желѣзными замками, спрятала его оружіе. Пойдите, поклонитесь его крестовому батюшкѣ, старчищу Питиримищу, можетъ-быть послушаетъ его Василій, уйметъ свое сердце.

Выслушалъ старчище Питиримище просьбу новгородцевъ, надѣлъ шапку-колоколъ, вѣсомъ въ девяносто пудъ, языкомъ колокольнымъ, какъ дубинкой, подпирается, вышелъ унимать своего крестоваго сына.

— Слушай меня, милое мое чадо: уймись до поры до времени; всей воды тебѣ изъ Волхова не вычерпать, не перебить тебѣ всего Новгорода, да и меня уважь, своего крестнаго, не наступай на меня съ дубиной!

— А для чего ты, крестный, не во-время мнѣ подъ руку попадаешься? Не шутки вѣдь я шучу: буйную свою голову отстаиваю!

Поднялъ Василій свою дубинушку въ девяносто пудъ да какъ ударитъ по колоколу: разбилъ колоколъ вдре-

— Слушай меня, милое мое чадо: уймись до поры до времени...

безги, а еще разъ ударилъ—и духъ вонъ вышибъ изъ крестоваго батюшки.

Тогда самъ князь новгородскій пошелъ къ Авдотьѣ

Васильевнѣ, поклонился ей великими дарами, упросилъ, умолилъ ее заступиться за новгородцевъ.

Надѣла Авдотья Васильевна смирную черную одежду, надѣла шубку соболью, пошла на мостъ, зашла Авдотья Васильевна сзади милаго сына, положила ему руки на плечи:

— Милый сынъ! уйми свое ретивое сердце; просятъ у тебя новгородцы прощенія за свои великія вины.

Остановился тутъ Буслаевъ:

— Родимая матушка! хорошо ты сдѣлала, что зашла сзади меня, а не то убилъ бы я и тебя, какъ своего крестоваго батюшку: разыгралось мое ретивое сердце, расходились сильныя руки... Только ради твоей просьбы помилую я новгородцевъ, отпущу ихъ великія вины.

И ушелъ Василюшка съ мѣста побоища, увелъ съ собой и свою храбрую дружину.

XXVI.

Смерть Василія Буслаевича.

Пораздумался однажды Василюшка надъ своей участью:

— Много я попировалъ, удаль свою потѣшилъ, много загубилъ душъ христіанскихъ; пора мнѣ подумать и о своей душенькѣ грѣшной, пора замолить свои тяжкіе грѣхи.

Созвалъ Василій свою храбрую дружинушку, и надумали они всѣ вмѣстѣ поѣхать въ градъ Господень, Іерусалимъ, чтобы у гроба Господня замолить свои грѣхи.

Пошелъ Василій къ родимой матушкѣ взять у ней благословенье на дорогу.

Говоритъ ему Авдотья Васильевна:

— Сынъ мой милый, не дурное-ли ты на умѣ держишь: не собираешься-ли заводить новую ссору? Если вправду хочешь ты ѣхать грѣхи замаливать, дамъ тебѣ свое благословеніе, а если дурное у тебя на умѣ—пусть

лучше не носить тебя мать земля сырая. Запомни еще, что я тебѣ скажу, Васильюшка: какъ будешь купаться въ Іорданѣ рѣкѣ, не купайся нагимъ тѣломъ, Богъ тебя накажетъ за это—вспомни, что самъ Іисусъ Христосъ купался въ Іорданѣ.

Снарядилъ Василій свои бѣлопарусные кораблики и поѣхалъ по Ильменю озеру, свернулъ на Волгу-матушку; ѣдетъ день, другой, встрѣчается купеческій корабль, нагруженный богатыми заморскими товарами.

Спрашиваютъ купцы дружинушку Буслаева:

— Куда путь держите, за дѣломъ, или такъ погулять по морю, съ кѣмъ-нибудь удалью перевѣдаться?

— Не гулять ѣдемъ по морю,—говоритъ Василій,—ѣдемъ въ Святой Градъ грѣхи свои тяжкіе замаливать; не знаете-ли вы прямого пути въ Святую землю?

Отвѣчаютъ купцы:

— Не проѣхать вамъ, добрые молодцы, прямоѣзжей дорогой, стоитъ на ней заставой цѣлый разбойничій станъ. А поѣзжайте вы дорожкой окольной, хоть и надо ѣхать по ней цѣлые полтора года.

— Стыдно мнѣ,—говоритъ Буслаевъ,—ѣздить окольными дорожками, поѣдемъ прямымъ путемъ!

Доѣхали они до заставы; испугались разбойники, увидавъ Васильеву дружину.

— Бѣда намъ пришла: вѣдь это самъ Василій Буслаевичъ жалуетъ къ намъ со своей дружиной!

Приняли ихъ разбойники очень радушно, хлѣбъ-соль поднесли да дары богатые, дали имъ и надежнаго человѣка, который проводилъ-бы ихъ до Іерусалима. Пріѣхалъ Василій въ Святой Градъ, отслужилъ панихиду по отцѣ своемъ, Буслаѣ, поклонился Гробу Господню, а потомъ пошли всѣ купаться въ Іорданѣ. И позабылъ Василій завѣтъ своей матушки, выкупался въ святой рѣкѣ нагимъ тѣломъ.

На Ѳаворъ-горѣ увидѣлъ Василій съ дружиной соборную церковь съ двѣнадцатью

Сталъ Василій задомъ черезъ камень перескакивать...

престолами, а стоитъ она на томъ мѣстѣ, гдѣ преобразился самъ Спаситель. Недалеко отъ церкви на обратномъ пути увидѣли они на землѣ въ пыли кость богатырскую. Сталъ Василій толкать ногой кость, шелковой плеткой ее похлестывать.

— Чья это тутъ кость валяется?—татарина-басурманина или христіанина-богомольца?

И слышитъ Василій—говоритъ ему кость человѣчьимъ голосомъ:

— Что толкаешь меня ногами, добрый молодецъ? — вѣдь я при жизни былъ добрымъ христіаниномъ, принялъ смерть напрасную... гдѣ теперь лежу—тамъ и ты сложишь свою головушку, не доѣдешь и до церкви соборной.

Не испугался Василій.

— Не вѣрю я ни въ чохъ, ни въ сонъ.

Повернулъ Василій къ соборной церкви, а передъ церковью лежитъ бѣлый камень, на немъ надпись: „Кто перескочитъ черезъ этотъ камень три раза, тотъ попадетъ въ соборную церковь, а кто не перескочитъ—тому и въ церкви не бывать!“

И вся дружинушка Васильева перескочила черезъ камень; сталъ Василій самъ перескакивать: два раза перескочилъ черезъ камень, а на третій захотѣлось ему свою удаль попытать, показать себя.

— Не только передомъ—я и задомъ перескочу черезъ камень.

Сталъ Василій задомъ черезъ камень перескакивать и задѣлъ за камень правой ногою, головой о камень ударился, тутъ ему и конецъ пришелъ: чувствуетъ Василій, что смерть его близка, созвалъ свою дружину и говоритъ ей:

— Поѣзжайте домой, добрые молодцы, свезите поклонъ моей родимой матушкѣ; скажите ей, что прошу я ее помолиться за мою грѣшную душу, скажите ей: сосватался сынъ ея любимый на Ѳаворъ-горѣ, женился на бѣломъ горючемъ камнѣ.

Умеръ Василій, тутъ-же на горѣ и схоронила его дружинушка; поѣхали они домой невеселые... а Авдотья

Васильевна вышла встрѣчать милаго сына, яснаго сокола.

— Нѣтъ съ нами твоего сына, Авдотья Васильевна! сосватался онъ на Ѳаворъ-горѣ, женился на горючемъ бѣломъ камнѣ.

Горько заплакала Авдотья Васильевна.

— Какъ буду жить теперь безъ милаго сына Васильюшки? не милъ мнѣ бѣлый свѣтъ!

Роздала она свое имѣніе по церквамъ да убогимъ людямъ, а сама ушла въ монастырь замаливать грѣхи любезнаго сына, Васильюшки; проводила ее дружина Васильева съ хлѣбомъ-солью; низко поклонились добрые молодцы Авдотьѣ Васильевнѣ, благодарили ее за ея къ нимъ милость да ласку, просили ее помолиться и за ихъ грѣшныя душеньки.

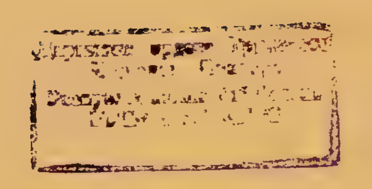
XXVII.

Отчего перевелись витязи на Руси?

Однажды на закатѣ солнца выѣхало на Сафатъ-рѣку семеро русскихъ богатырей, названныхъ братьевъ; былъ тутъ и Илья Муромецъ, и Добрыня, и Алеша Поповичъ.

Видятъ богатыри передъ собою широкое чистое поле, а среди поля выросъ развѣсистый дубъ, дуплистый, старый; около дуба сходятся три дороги: первая ведетъ къ Новгороду, вторая къ старому Кіеву, а третья къ синему морю,—послѣдняя дорога широкая, прямая, только нельзя по ней ѣздить: уже три года какъ залегла она, заняли ее разбойники-татары.

Остановились подъ дубомъ русскіе витязи, разложили тутъ шатеръ полотняный, коней пустили на зеленый лугъ, а сами легли отдыхать. Поутру проснулся Добрыня съ зарею, чистой росой умылся, Господу Богу помолился и оглянулся кругомъ. Видитъ Добрыня—за Сафатъ-рѣкою стоитъ бѣлый полотняный шатеръ: залегъ въ немъ злой татаринъ, не даетъ проѣзду конному, не даетъ дороги пѣшему.

Осѣдлалъ Добрыня своего добраго коня, положилъ потнички на потнички, войлочки на войлочки, а сверхъ всего на коврикъ надѣлъ черкасское сѣдельце, взялъ свое оружіе, сѣлъ на коня и ударилъ своего бурушку по крутымъ бедрамъ; конь отъ земли отдѣлился, перескочилъ на другой берегъ Сафатъ-рѣки. Кричитъ Добрыня татарину:

— Выходи, злой татаринъ, со мной на честный бой!

Не два вѣтра въ полѣ слетались, не двѣ тучки въ небѣ сходились: сходились, слетались два удалые витязя, сломались въ этой сшибкѣ ихъ острыя копья, въ куски разсыпались булатные мечи.

Сошли тогда витязи съ коней, стали биться рукопашнымъ боемъ; размахнулся Добрыня правой рукою, поскользнулась у него правая нога, упалъ Добрыня на сырую землю, и разрубилъ татаринъ грудь его бѣлую, вынулъ изъ нея молодецкое, богатырское сердце.

Всталъ и Алеша, росой умылся, Богу помолился, вышелъ изъ шатра—видитъ стоитъ у шатра конь Добрыни, стоитъ невеселъ, копытомъ землю роетъ, очи потупилъ, тоскуетъ по хозяинѣ.

Поскакалъ тогда Алеша къ татарскому шатру, видитъ онъ—лежитъ Добрыня въ чистомъ полѣ убитый; очи ясныя закатились, опустились руки сильныя, на груди запеклась богатырская кровь.

Кричитъ Алеша:

— Злой татаринъ-бусурманинъ! выходи со мною на честный бой!

Отвѣчаетъ татаринъ:

— Худо тебѣ, Алеша, бороться со мною, изъ твоего рода всѣ въ бою не крѣпки,—не устоишь и ты!

— А ты, молодецъ, не хвались раньше времени, хвались потомъ, какъ одолѣешь меня въ бою.

Но въ бою одолѣлъ Алеша татарина; уже заноситъ мечъ свой, чтобы срубить ему голову, какъ, откуда ни возьмись, прилетаетъ черный воронъ и говоритъ Алешѣ:

— Послушайся меня, добрый молодецъ, не убивай татарина; слетаю я за синее море, принесу тебѣ мертвой и живой воды. Вспрыснешь ты Добрыню мертвой водой—сростется его бѣлое тѣло, вспрыснешь живой—очнется добрый молодецъ.

Послушался Алеша ворона. Принесъ воронъ живой и мертвой воды, и ожилъ Добрыня, а татарина богатыри отпустили на волю.

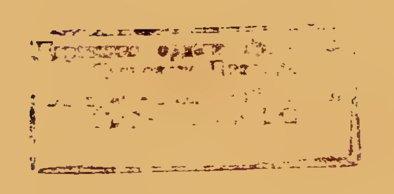
Вотъ проснулся Илья Муромецъ, росой умылся, Богу помолился, оглянулся кругомъ, видитъ старый казакъ—на томъ берегу Сафатъ-рѣки собралась несмѣтная татарская сила, столько силы, что ни на конѣ ея не объѣхать, сѣрымъ волкомъ не обѣжать, чернымъ ворономъ не облетѣть.

Закричалъ Илья громкимъ голосомъ, собралъ своихъ названныхъ братьевъ; сбѣжались витязи, сѣли на добрыхъ коней, всѣ врубились въ силу татарскую. Долго бились витязи и одолѣли татарскую силу: кого конемъ потоптали, кого мечомъ порубили, и разгорѣлось въ богатыряхъ молодецкое ихъ сердце, расходились могучія руки; стали они похваляться:

— Одолѣли мы татарскую силу; руки у насъ еще не притомились, кони не утоптались!

И сказалъ тутъ Алеша безразсудное слово:

— Не только съ татарской силой мы можемъ справиться, но справились-бы и съ нездѣшней силою, если-бъ вышла противъ насъ такая сила.

Не успѣлъ Алеша кончить своей рѣчи, а сила небесная тутъ какъ тутъ: явилось двое воиновъ; лица у нихъ свѣтлыя, какъ день.

И говорятъ воины русскимъ витязямъ:

— Давайте, помѣряемтесь съ вами силою, не смотрите на то, что насъ двое, а васъ семеро.

Не угадали витязи, кто явился передъ ними—какъ ударилъ Алеша одного воина съ размаха по головѣ, разрубилъ его на двое и видитъ дивное диво: вмѣсто одного—передъ нимъ двое воиновъ; разрубилъ онъ обоихъ — и стало воиновъ четверо.

Кинулся въ битву Добрыня; порубилъ воиновъ и видитъ чудное чудо: изъ каждаго воина стало два.

Прискакалъ Илья Муромецъ, ринулись въ битву и другіе богатыри: чѣмъ больше рубятъ, тѣмъ больше прибываетъ у противниковъ ихъ силы; утомились тутъ у богатырей могучія руки, притоптались добрые кони.

Страхъ взялъ богатырей; въ первый разъ бросились они бѣжать отъ врага... Побѣжали укрыться въ каменныя горы, въ темныя пещеры. Только—неслыханное дѣло! Какъ подбѣжитъ къ горѣ богатырь—такъ и окаменѣетъ; и всѣ до одного превратились могучіе богатыри въ бѣлые горючіе камушки.

И перевелись съ тѣхъ поръ витязи на святой Руси, только не замолкла, не потемнѣла ихъ слава, и поютъ понынѣ дѣды внукамъ славныя пѣсни объ ихъ великихъ подвигахъ, о вѣрной ихъ службѣ Солнышку-князю и всему народу христіанскому.

XXVIII.

Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ.

Сидитъ царь Азвякъ Тавруловичъ у себя въ Большой Ордѣ на золотомъ стулѣ, алымъ бархатомъ крытомъ, судъ держитъ, расправу творитъ, костылемъ своимъ по виновнымъ помахиваетъ, послушныхъ слугъ своихъ награждаетъ.

И подарилъ Азвякъ тремъ своимъ шурьямъ по русскому городу: Василья посадилъ княжить на Плесу, Гордѣю пожаловалъ Вологду, а Ахрамея послалъ въ Кострому.

Только одному своему любимому шурину Щелкану не далъ Азвякъ никакого города, такъ какъ Щелканъ не случился въ эту пору въ Ордѣ: ѣздилъ онъ за синія моря, въ литовскія страны собирать съ народа жестокія дани: бралъ онъ съ князей по сту рублей, съ бояръ по

пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублей. У котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ, у кого дитяти нѣтъ, жену въ плѣнъ увезетъ, у кого жены нѣтъ—того самого

Узналъ Щелканъ про ханскіе подарки и говоритъ Азвяку.

навѣкъ въ Орду увезетъ, измучаютъ его татары непосильными вѣковѣчными работами.

Воротился Щелканъ домой съ богатыми данями: конь подъ нимъ въ сто рублей, сѣдло въ тысячу, уздѣ и цѣны нѣтъ, потому что она—жалованье царское.

Узналъ Щелканъ про ханскіе подарки и говоритъ Азвяку:

— Царь Азвякъ Тавруловичъ, слышалъ я, что раздарилъ ты своимъ шурьямъ стольные русскіе города, дай и мнѣ Тверь старую, богатую, отдай мнѣ подъ начало двухъ тверскихъ князей, двухъ удалыхъ Борисовичей.

Отвѣчаетъ Азвякъ:

— Хорошо, любимый мой шуринъ! я тебя пожалую богатой Тверью, только не даромъ, а вотъ, если ты заколешь своего любимаго сына, наполнишь большую чашу его младенческой кровью и выпьешь ее,—тогда пожалую тебя Тверью.

И Щелканъ закололъ своего сына и выпилъ чашу его крови.

Поѣхалъ Щелканъ въ Тверь, сталъ судьею надъ народомъ, надъ двумя удалыми Борисовичами. Былъ онъ судьею неправымъ, надо всѣми боярами насмѣялся, измучилъ народъ поборами. Не въ мочь стало тверитянамъ отъ такого судьи, собрались старые посадскіе люди, поговорили между собою, сложили на Щелкана жалобу и пошли къ удалымъ Борисовичамъ съ просьбою:

— Вступитесь за насъ, наши добрые князья!

Собрали князья богатыя дани: серебра, золота, скатнаго жемчуга, пошли къ Щелкану съ поклономъ просить его:

— Будь намъ судьей справедливымъ и милостивымъ.

Зазнался Щелканъ, зачванился, принялъ Борисовичей не какъ князей знатнаго, славнаго рода, а какъ своихъ послѣднихъ слугъ.

Разгорѣлось сердце у молодыхъ, удалыхъ князей, не вытерпѣли они кровной обиды, бросились на Щелкана:

одинъ ухватилъ его за волосы, а другой за ноги—да и разорвали его пополамъ.

Такъ умеръ Щелканъ позорной смертью, никто за него не вступился, никто не наказалъ удалыхъ Борисовичей за смерть злого Щелкана.

XXIX.

Пѣсня о Грозномъ царѣ.

То не солнце красное засіяло на синемъ небѣ—воцарился въ Москвѣ Грозный царь, Иванъ Васильевичъ.

Созвалъ однажды Иванъ Васильевичъ на почестный пиръ своихъ князей и бояръ и могучихъ опричниковъ; хорошо угостились гости, языки у нихъ поразвязались, порасхвастались они, кто чѣмъ: кто хвалится селами съ приселками, кто городами съ пригородами, умный хвастаетъ родомъ-племенемъ, глупый—женой красавицей...

Вставилъ и Иванъ Васильевичъ въ рѣчь гостей грозное свое слово:

— Есть и мнѣ чѣмъ похвалиться: царскую свою власть вынесъ я изъ Царьграда, на себя надѣлъ я царскую порфиру, взялъ въ руки царскій посохъ—всякую измѣну повырву я съ корнемъ по всей Руси!

Не солнышко проплываетъ красное, не скатный жемчугъ разсыпается—ходитъ по царской палатѣ молодой Иванъ-царевичъ, услыхавъ родительскія слова, посмѣивается:

— Государь мой батюшка! не вывести тебѣ измѣны изъ каменной Москвы, сидитъ съ тобой измѣна за однимъ столомъ, однимъ ты хлѣбомъ съ ней дѣлишься, одно и то же съ тобой она платье цвѣтное носитъ.

Разгорѣлось сердце Грознаго царя: не труба золотая вострубила—раздался его грозный голосъ:

— Подай сюда измѣну—прикажу срубить ей голову!

— Государь! вижу, сказалъ я неразумное слово,— отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ,—какъ назову измѣну? жаль мнѣ твоего измѣнника, а на себя покажу—казнишь ты меня лютой казнью. Дѣлать нечего, назову твоего ослушника, родного моего братца Ѳеодора Ивановича. Когда брали мы съ тобой стольный городъ Москву, ѣхалъ ты, господинъ, съ краю, а я съ другого, Ѳеодоръ Ивановичъ былъ посрединѣ; мы съ тобой ѣхавши казнили людей да вѣшали, а братъ Ѳеодоръ посылалъ впередъ пословъ, чтобы могли во-время скрыться виновные; всѣ они по домамъ попрятались, въ чистое поле поразбѣжались и схоронили отъ тебя измѣну.

Не помнитъ себя отъ гнѣва Иванъ Васильевичъ:

— Идите сюда, палачи немилостивые, возьмите Ѳеодора Ивановича за бѣлыя руки, сведите его въ чистое поле, на дальнее болото, отрубите ему голову за его измѣнныя дѣла.

Поразбѣжались всѣ палачи, попрятались, остался одинъ Малюта Скуратовъ.

— Казнилъ я немало царей-царевичей, казнилъ безъ счету королей-королевичей, не миновать и Ѳеодору Ивановичу моей тяжелой руки.

Взялъ поганый Малюта царевича за бѣлыя руки и повелъ на казнь.

Какъ услышала объ этомъ царица Авдотья Романовна — свѣта бѣлаго не взвидѣла, обула сапожки на босу ногу, накинула соболью шубку на одно плечо, побѣжала въ хоромы своего родного братца Никиты Романовича:

— Не знаешь ты, не вѣдаешь, свѣтъ Никита Романовичъ, какая на насъ пришла бѣда, какая великая печаль: повелъ поганый Малюта казнить твоего родного племянничка! Упадаетъ звѣзда поднебесная, угасаетъ свѣча воску яраго!

Испугался Никита Романовичъ, бросился вонъ изъ хоромъ, вскочилъ на коня неосѣдланнаго, невзнузданнаго, кричитъ громкимъ голосомъ:

— Не по плечу ты себѣ дѣло взялъ, воръ, Малюта Скуратовъ, не казни царевича—самому тебѣ вѣдь головы не сносить!

Не слушаетъ Малюта: уже взялъ онъ царевича за русые кудри, наклонилъ его голову на липовую плаху, уже ножъ надъ ней заноситъ.

Какъ взмахнетъ мечомъ Никита Романовичъ, отнесъ Малютѣ голову по самыя плечи, а царевича скрылъ въ своемъ домѣ.

Отдавъ во гнѣвѣ безразсудный приказъ казнить царевича, призадумался Грозный царь, закручинился. Какъ пришла пора ѣхать къ вечернѣ, надѣлъ онъ на себя смирное черное платье, велѣлъ заложить вороныхъ лошадей въ черную карету—ѣхать въ Божію церковь.

Только видитъ Иванъ Васильевичъ—на встрѣчу ему ѣдетъ шуринъ его, Никита Романовичъ, на лошадяхъ

Взялъ поганый Малюта царевича за бѣлыя руки и повелъ на казнь.

рыжихъ, самъ въ цвѣтномъ платьѣ; встрѣтившись съ царемъ, поклонъ ему низкій отдаетъ.

— Здравствуй, Государь Иванъ Васильевичъ, со всей

твоей семьей, съ любимой женой Авдотьей Романовной, съ любезными дѣтками царевичами: Иваномъ Ивановичемъ да Θеодоромъ Ивановичемъ!

— Любимый шуринъ мой, Никита Романовичъ, не вѣдаешь ты надъ собою невзгодушки! Нѣтъ уже въ живыхъ любимаго твоего племянника Θеодора Ивановича—срубилъ ему Малюта голову въ дальнемъ полѣ.

Но Никита Романовичъ и во второй и въ третій разъ повторилъ свои слова; разгнѣвался царь:

— Видно ты надо мной шутки шутить надумалъ не во время. Вотъ отойдетъ заутреня, и тебѣ прикажу срубить буйную голову!—и заплакалъ царь:—Казнилъ я воровъ и разбойниковъ—за каждаго находилъ заступника, а какъ приказалъ я казнить милаго сына—не нашлось никого, кто-бы за него заступился!

Говоритъ Никита Романовичъ:

— Простишь-ли теперь, Государь, ослушника?

— Что толковать пустое,—молвилъ Грозный,—и простилъ-бы, да прощать-то некого!

— Послушай-же меня, Грозный царь, не далъ я вору Малютѣ срубить голову царевичу—самому Малютѣ срубилъ я голову.

Обрадовался Грозный царь, бросился къ шурину, взялъ его за бѣлыя руки, поцѣловалъ въ сахарныя уста.

— Чѣмъ мнѣ тебя пожаловать, мой любезный шуринъ, за твое ко мнѣ радѣнье: дать-ли тебѣ селъ съ приселками, городовъ съ пригородами, или золотой казны?

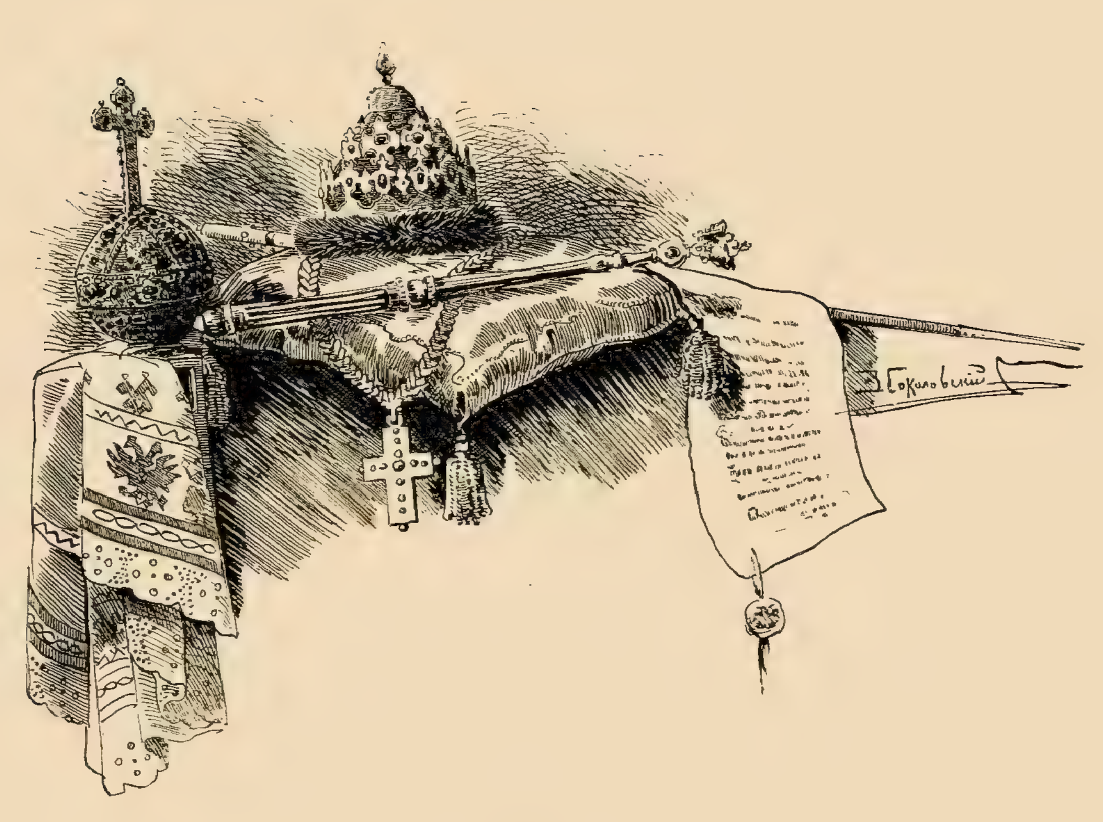
— Ничего мнѣ не надо, царь-государь,—есть у меня и села съ приселками и золотая казна, пожалуй мнѣ лучше Никитину вотчину, чтобы всякій виновный, всякій заслужившій твою немилость могъ укрыться въ ту вотчину отъ твоего великаго гнѣва, заслужить твое прощенье!

Исполнилъ царь просьбу праведнаго боярина, пожа-

ловалъ ему Никитину вотчину, и спасались въ ней люди отъ великаго царскаго гнѣва.

Тутъ Никитѣ Романовичу и славу поютъ—честь воздаютъ за его добро, за милости, за правдивыя дѣла, угодныя Богу.

XXX.

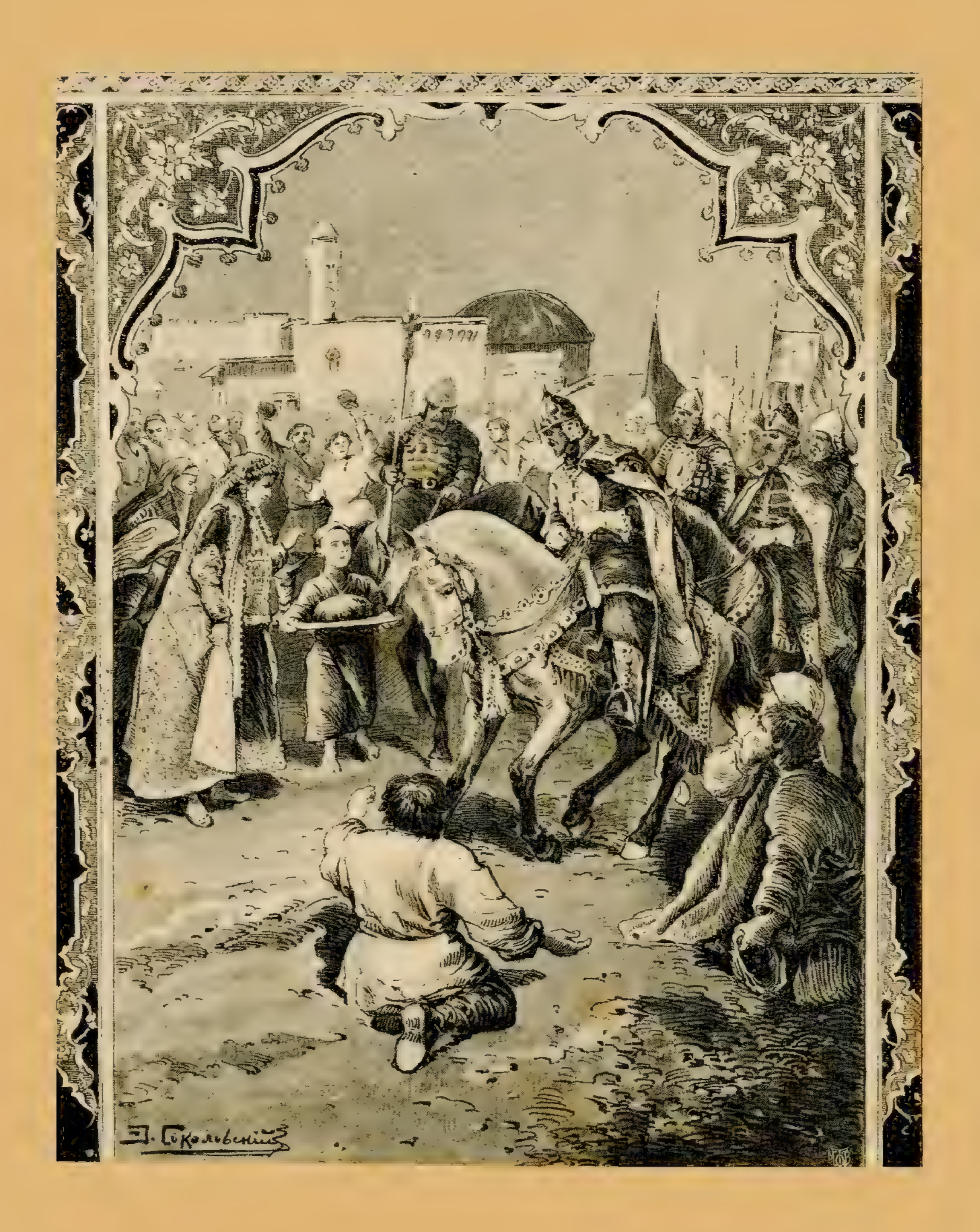
Пѣсня о взятіи Казани.

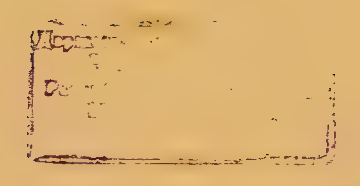
Плохо спалось однажды молодой царицѣ Еленѣ въ бѣлокаменныхъ палатахъ своего Казанскаго царства.

Говоритъ она мужу своему, царю Симеону:

— Видѣла я во снѣ, что изъ Москвы сизый орелъ налетѣлъ на насъ, грозная туча надвинулась на наше царство.

А въ то время изъ Москвы собрался идти на Казань великій князь московскій со своими грозными полками, со старыми воинами-казаками.

Э. Соколовскій

Не доходя пятнадцати верстъ до Казани—сдѣлали они подкопы на Булакъ-рѣкѣ, на другой рѣкѣ Казанкѣ; зарыли въ землю пороховыя черныя бочки подъ самое Казанское царство и зажгли свѣчу воска яраго, чтобы поджечь порохъ.

А на стѣнѣ Казани-города похаживаютъ татары, посмѣиваются надъ грознымъ царемъ:

— Не взять тебѣ Казани ни во сто лѣтъ, ни въ тысячу.

Разгнѣвался тутъ царь на своихъ слугъ-канонеровъ, началъ ихъ казнить за измѣну, за то, что не сумѣли они устроить подкопы, взорвать городскія стѣны. Испугались канонеры, другъ за дружку попрятались, только одинъ изъ нихъ, молодой воинъ, сказалъ царю:

— Великій Государь, не вели ты казнить насъ, вѣрныхъ твоихъ слугъ: вѣдь на полѣ больше воздуху—горитъ на полѣ свѣча быстрѣе, а въ землѣ горитъ медленнѣй—оттого и нѣтъ еще взрыва.

Призадумался тутъ Иванъ Васильевичъ, понялъ, что правду говоритъ его слуга, и сталъ терпѣливо дожидаться взрыва.

Догорѣла въ землѣ свѣча, зажгла порохъ, растреснулась высокая гора, распались на куски бѣлокаменныя палаты царя Казани и взошелъ въ городъ царь Иванъ Васильевичъ.

И догадалась тутъ царица Елена встрѣтить Грознаго царя съ хлѣбомъ-солью, встрѣтила она царя радостно, низко ему поклонилась.

Понравилась царю покорность Елены и помиловалъ онъ царицу, привелъ ее въ христіанскую вѣру, а царя Симеона приказалъ казнить за его гордость, снялъ съ него корону и порфиру и надѣлъ ихъ на себя, взялъ въ руки царскій скипетръ и сдѣлался царемъ на Москвѣ, и сама Москва тогда-же основалась и покрылась великой славой.

XXXI.

Садко, богатый гость.

Великъ и богатъ славный городъ, государь Великій Новгородъ: не окинешь глазомъ его широкихъ концовъ, не перечтешь его посадовъ и пригородовъ.

Весело живутъ въ немъ богатые гости—новгородскіе купцы: то и дѣло задаютъ пиры на весь міръ въ своихъ свѣтлыхъ расписныхъ хоромахъ; сидятъ гости за столами бѣлодубовыми, ѣдятъ яства сахарныя, пьютъ напитки медвяные, гусляровъ-пѣвцовъ искусныхъ слушаютъ, потѣшаются.

Во всемъ Новгородѣ нѣтъ гусляра искуснѣе Садка; наперерывъ зовутъ его играть на барскіе и купеческіе пиры; тѣмъ только Садко и промышляетъ и живетъ себѣ припѣваючи, на судьбу не жалуется.

Только пришли и на Садка черные дни: и день и два и три никто не зоветъ его играть на пирѣ. Соскучился Садко бродить безъ дѣла, пошелъ къ Ильменю-озеру, сѣлъ на горючъ-бѣлый камень и началъ пѣсни напѣвать, на гусляхъ подыгрывать.

Видитъ Садко: всколыхнулось озеро, заходили по немъ волны; удивился и испугался Садко и ушелъ домой въ Новгородъ.

И опять цѣлыхъ три дня не зовутъ Садка играть на пиры и опять пошелъ онъ отъ скуки къ Ильменю и заигралъ на гусляхъ. Всколебалось, расшумѣлось широкое озеро—изъ воды показался грозный царь морской и повелъ къ Садкѣ такую рѣчь:

— Полюбилась мнѣ, Садко, искусная игра твоя. Чѣмъ мнѣ тебя пожаловать за нее? Могъ-бы я дать тебѣ и серебра и золота—да лучше научу тебя, какъ разбогатѣть. Поди ты на пиръ къ новгородскимъ купцамъ и побейся съ ними о великій закладъ, что есть въ Ильменѣ-озерѣ рыбки о золотыхъ перьяхъ. Поставь ты на закладъ свою буйную голову, а купцы пусть поставятъ лавки товара краснаго; сплети себѣ шелковый неводъ и приходи къ Ильменю ловить рыбокъ: брошу я тебѣ въ сѣти трехъ златоперыхъ рыбокъ—выиграешь ты закладъ и разбогатѣешь.

Вернулся Садко домой и видитъ—какъ-разъ пришли за нимъ звать его играть на богатомъ пирѣ. Долго игралъ Садко, тѣшилъ гостей сладкими пѣснями; напоили его хозяева крѣпкими медами, заморскими винами, угостили сахарными яствами, и разошелся Садко подъ конецъ пира, расхвастался:

— Знаете-ли вы, честные гости, какое въ Ильменѣ-озерѣ есть диво-дивное, чудо-чудное—есть въ Ильменѣ рыбки въ золотыхъ перьяхъ.

— Небылицы ты, гусляръ, разсказываешь,—говорятъ купцы.

— Хотите побиться со мною о великій закладъ, что наловлю въ Ильменѣ рыбокъ о золотыхъ перьяхъ: ставлю на закладъ свою буйную голову, а вы поставьте свои лавки товара краснаго!

Согласились купцы: три богатыхъ купца поставили на закладъ по три лавки краснаго товара и пошли всѣ къ Ильменю закидывать шелковые невода. Видятъ небывалое чудо: разъ закинулъ Садко неводъ и вытащилъ золотую рыбку и второй разъ закинулъ—вытащилъ еще рыбку, также и въ третій разъ.

Нажилъ себѣ Садко девять лавокъ краснаго товара, сталъ торговать, барыши получать; поставилъ себѣ палаты бѣлокаменныя, все въ палатахъ у Садка по-небесному: въ небѣ солнце—и въ埋 теремѣ солнце, въ небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ и частыя звѣздочки около разсыпаны.

Однажды Садко позвалъ къ себѣ на пиръ честной всѣхъ новгородскихъ жителей: знатныхъ бояръ, торговыхъ людей, самого посадника съ тысяцкимъ. Угостились гости хорошо, языки у нихъ поразвязались, кто чѣмъ порасхвастался: кто золотой казной, кто удачей-счастьемъ, кто родомъ-племенемъ... Одинъ Садко сидитъ, молчитъ, ничѣмъ не хвастаетъ.

Удивляются на него гости: „Что-же ты, Садко, ничѣмъ не хвастаешь?“

— Что хвастать попусту,—говоритъ Садко:—вы и сами знаете, что казны золотой у меня безъ счета; платье мое цвѣтное не изнашивается, дружина моя храбрая не старѣется; если захочу, то могу скупить всѣ товары

новгородскіе худые и хорошіе, всѣхъ по міру пущу: торговать будетъ Новгороду нечѣмъ.

— Ну, это ты напрасно похвалился—готовы мы о закладъ биться,—говорятъ гости,—что нѐ закупить тебѣ всѣхъ новгородскихъ товаровъ,—а на закладъ ставимъ тридцать тысячъ.

— Что хвастать попусту,—говоритъ Садко...

Побились они о закладъ.

Поутру поднялся Садко съ зарею, разбудилъ свою дружину, далъ ей казны безъ счету и разослалъ добрыхъ молодцовъ по всѣмъ улицамъ скупать товары, а самъ пошелъ въ гостиный дворъ.

На первый разъ скупилъ Садко всѣ новгородскіе

товары; но на утро навезли отовсюду новыхъ. И эти забралъ Садко. На третье утро пошелъ онъ въ гостиный дворъ—опять навезено товаровъ видимо-невидимо.

Призадумался Садко:

„Не закупить мнѣ всѣхъ товаровъ въ Новгородѣ: скуплю товары московскіе, привезутъ товары заморскіе—приходится сознаться, что Новгородъ богаче меня.

И отдалъ Садко купцамъ проигранный закладъ.

Построилъ Садко на свою безсчетную золотую казну тридцать богатыхъ кораблей, серебромъ и золотомъ разукрашенныхъ, нагрузилъ ихъ разными новгородскими товарами, поѣхалъ по Волхову въ Ладожское озеро, а оттуда на Неву-рѣку и выѣхалъ въ синее море. Распродалъ Садко за моремъ всѣ свои товары, нажилъ несмѣтные барыши, везетъ домой сорокъ бочекъ, нагруженныхъ краснымъ золотомъ, да три сорока—чистымъ серебромъ. Ѣдетъ Садко по морю, а въ морѣ бушуетъ непогодушка, разыгралась великая буря, бьютъ волны о корму корабля, палубу заливаютъ, рвутъ паруса, ломаютъ крѣпкія мачты.

Говоритъ Садко дружинѣ:

— Видно, разсердился на насъ морской царь за то, что ѣздимъ мы по морю цѣлый вѣкъ—никогда царю морскому дани не плачивали. Возьмите-ка вы самую большую бочку чистаго серебра, спустите ее въ синее море.

Не унимается буря. Недоволенъ данью морской царь. Опустили тогда въ воду большую бочку краснаго золота—а все бушуетъ непогода, разыгрывается—тонутъ богатые корабли.

— Видно, живой жертвы требуетъ морской царь,—говоритъ Садко,—не миновать одному изъ насъ лютой смерти. Давайте, бросимъ жребій, кому изъ насъ идти на дно морское. Сдѣлайте себѣ жеребья ивовые, а я свой сдѣлаю на золотѣ: на каждомъ надпишемъ имена свои

и пустимъ жеребья въ волны; чей пойдетъ ко дну—тому отправляться къ царю морскому.

И выплыли наверхъ всѣ жеребья, кромѣ жеребья Садка, идетъ онъ ко дну. Опечалился Садко.

— Неправильно, братцы, мы кинули жребій: вѣдь мой-то всѣхъ тяжелѣе, оттого и ко дну идетъ. Сдѣлайте себѣ жеребья изъ краснаго золота, а я себѣ сдѣлаю ивовый, посмотримъ, что будетъ.

Сказано—сдѣлано—только опять тонетъ Садкинъ жребій, идетъ ко дну, и сколько ни пыталъ Садко судьбу свою, все ему самому выходитъ въ морское царство отправляться...

— Требуетъ самого меня царь морской,—промолвилъ Садко,—и дѣлать тутъ нечего... несите мнѣ мою чернильницу, перо лебединое, гербовую бумагу—напишу я свое завѣщанье.

И раздѣлилъ Садко свое имущество на четыре части: одну часть отписалъ на Божія церкви, а вторую—на нищую братью, третью-же оставилъ роднымъ, а четвертую распредѣлилъ храброй своей дружинѣ.

— Теперь,—говоритъ Садко,—принесите мнѣ мои гусельки яровчатыя, поиграю я, потѣшусь, въ послѣдній разъ: не видать мнѣ больше свѣта бѣлаго, не играть мнѣ на моихъ золотыхъ гуселькахъ.

И опустили Садка въ синее море, привязали его на дощечку дубовую, чтобы не такъ страшно было ему носиться по волнамъ, захватилъ онъ съ собою и свои яровчатыя гусельки: жалко ему было разставаться съ ними.

Долго носили Садка морскія волны, долго его съ волны на волну перекидывало, закрылъ онъ глаза со страху, да тутъ-же и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Очнулся Садко—понять не можетъ, что съ нимъ такое приключилось: видитъ себя на самомъ днѣ морскомъ; кругомъ него вода зеленая, всякой рыбы и гадовъ

морскихъ видимо-невидимо; едва сквозь воду свѣтитъ красное солнышко, какъ въ туманѣ едва видна заря алая да небо чистое. На днѣ моря видитъ Садко передъ собой бѣлокаменныя палаты. Вошелъ Садко въ теремъ: сидитъ въ немъ царь морской—косматое страшное чудище, въ бородѣ запутались морскія травы.

— Здравствуй, добрый молодецъ,—говоритъ морской царь своему гостю,—долго ты по морю ѣзживалъ, дани мнѣ не плачивалъ, за то и хотѣлъ я тебя самого повидать. Хорошо играешь ты на золотыхъ гуселькахъ! Хочу я твою игру послушать: потѣшь меня, позабавь хорошенько, сыграй мнѣ свои сладкія пѣсни.

Заигралъ Садко на гуселькахъ, развеселилось косматое чудище, пошло плясать—всколыхнуло все море.

Играетъ Садко день, второй,—пляшетъ морской царь. Гуляютъ по морю великія волны, все море пескомъ со дна замутилось, всѣ корабли въ щепки поразбились, гибнутъ люди толпами, гибнетъ и все ихъ имущество, наступили невиданныя, неслыханныя бѣды. Стали люди молиться Николѣ Можайскому, чтобы спасъ ихъ угодникъ Божій отъ такой невзгоды.

Играетъ Садко и слышитъ—кто-то тронулъ его тихонько за правое плечо. Обернулся Садко—стоитъ за нимъ сѣдой старикъ, величавый и строгій съ виду.

— Будетъ тебѣ играть, добрый молодецъ, въ гусли,—говоритъ онъ Садкѣ,—уймись, и такъ много бѣдъ натворилъ ты своей игрою.

— Я не виноватъ, Божій человѣкъ, — возразилъ Садко,—играю не по своей волѣ, по приказу морского царя—не смѣю ослушаться.

— Повырви струны,—сказалъ ему святой,—поотломай гвозди, скажи царю, что нѣтъ у тебя съ собою другихъ струнъ—играть больше не на чемъ. Да слушай, что еще скажу тебѣ: станетъ предлагать тебѣ царь мор-

ской, чтобы ты въ синемъ морѣ женился на душѣ-дѣвицѣ и покажетъ тебѣ всѣхъ морскихъ красавицъ; всѣ пройдутъ передъ тобою, и пропусти ты мимо первыхъ триста прекрасныхъ дѣвицъ, не выбирай себѣ изъ нихъ жены; пройдетъ и еще триста, а позади всѣхъ пойдетъ дѣвушка-Чернавушка, непригожая, невидная: возьми ее за себя замужъ и вернешься въ Новгородъ, а вернувшись, построй церковь Николѣ Можайскому.

Изломалъ Садко гусельки, а царь морской упрашиваетъ его:

— Поиграй еще, Садко,—больно развеселила меня твоя игра!

— Радъ-бы играть, да изломались струны, а другихъ я не взялъ съ собою въ море!

Успокоился царь, отдохнулъ; говоритъ Садкѣ:

— Не хочешь-ли здѣсь у меня жениться, добрый молодецъ?

И сталъ царь показывать Садкѣ невѣстъ: одна другой прекраснѣй проходятъ красныя дѣвицы. Но взялъ Садко за себя по совѣту Николы-чудотворца самую некрасивую и невидную дѣвушку-Чернавушку. За то, какъ на утро послѣ свадебнаго пира проснулся Садко,—увидѣлъ онъ себя въ Новгородѣ на берегу рѣки Чернавы, смотритъ, а по Волхову бѣгутъ его кораблики, одинъ другого краше, одинъ другого богаче.

Горько плакала жена Садка, не видя такъ долго любимаго мужа, кручинилась по немъ его дружинушка.

А подъѣхавъ къ Волхову, видятъ добрые молодцы—живъ и невредимъ Садко!

— Какъ это ты тутъ очутился?—спрашиваютъ они его.

Разсказалъ имъ Садко все, что съ нимъ приключилось. И стала упрашивать его молодая жена, чтобы не ѣздилъ онъ больше торговать за море.

Возвратясь домой, состроилъ Садко въ Новгородѣ богатую церковь святому Николѣ Можайскому, своему заступнику и покровителю. Какъ жаръ горѣли ея золотыя маковки, весь иконостасъ сіялъ драгоцѣнными камнями.

И сталъ Садко жить себѣ поживать лучше прежняго—бросилъ съ тѣхъ поръ ходить въ синее море.

XXXII.

Повѣсть о горѣ-злосчастьѣ.

Зародилось горюшко отъ сырой земли, вышло изъ-подъ сѣраго камушка, изъ-подъ ракитова кустика, въ шелковые лапотки горе обулось, въ рогожу горе нарядилось, лыкомъ подпоясалось, пришло горе къ доброму молодцу.

Ѣдетъ добрый молодецъ въ дальнія страны, людей посмотрѣть, себя показать; снаряжаютъ его отецъ съ матерью въ дальній путь, наказываютъ доброму молодцу:

— Дитя наше любимое, какъ будешь на чужой сторонѣ, не ходи въ царевъ кабакъ, а какъ будешь на людяхъ—не садись на большее мѣсто, выберешь мѣсто похуже—на лучшее тебя сами хозяева попросятъ, а какъ сядешь на большее мѣсто—станутъ надъ тобой смѣяться добрые люди.

Не послушалъ добрый молодецъ родительскаго наказа, зашелъ по дорогѣ въ царевъ кабакъ, крестится молодецъ по писаному, поклонъ отдаетъ по ученому; выходитъ къ нему хозяинъ, наливаетъ чару зелена вина, говоритъ ласковыя рѣчи:

— Выпей, молодецъ, добрую чару, развесели свою душу.

Взялъ молодецъ чару: отъ края до края чара огнемъ кипитъ, посреди чары дымъ стоитъ. Выпилъ молодецъ чару и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся—глядь: нѣтъ на немъ дорогой шубы, сапожекъ сафьяновыхъ, шапки чернаго соболя, пропали и денежки его, оставили ему воры одну старую рогожу прикрыть грѣшное тѣло.

Закручинился тутъ добрый молодецъ, а горе на подмогу изъ-за печки выскакиваетъ, пляшетъ горюшко по горницѣ, само приговариваетъ:

— Не кручинься, добрый молодецъ; въ горѣ жить—некручинну быть!

Научило его горе надѣть кафтанъ изъ рогожи, лыкомъ подпоясаться, да такъ и идти на пиръ.

Увидѣли на пиру добраго молодца—не знаютъ хозяева, что съ нимъ дѣлать: по одежѣ—надо-бы посадить его на малое мѣсто, тамъ-бы и кусочекъ ему какой нибудь перепалъ изъ милости, а по роду-племени надо бы посадить его на мѣсто большое—такъ другимъ гостямъ обидно покажется... и посадили его на среднее мѣсто; тутъ поѣлъ и попилъ добрый молодецъ до сыта, послѣ пира тутъ же и выспался.

На утро говорятъ ему добрые люди:

— Послушай-ка добрыхъ совѣтовъ: наймись служить къ богатому купцу на двѣнадцать лѣтъ: наживешь и шубу бархатную и сапожки сафьяновые и денегъ пятьдесятъ рублей.

Выходитъ къ нему хозяинъ, наливаетъ чару...

Послушался добрый молодецъ, прослужилъ у купца двѣнадцать лѣтъ, воротилъ назадъ все, что порастерялъ.

Опять совѣтуютъ молодцу добрые люди:

— Не ходи, молодецъ, въ царевъ кабакъ, не пируй

не гуляй, женись лучше—выбери себѣ по сердцу красную дѣвицу, будешь жить-поживать, отъ горя навѣкъ избавишься.

А горе молодцу свое толкуетъ:

— Эхъ, не живи чужимъ разумомъ—не женись, не продавай своей волюшки, пойдемъ лучше разопьемъ добрую чару вина, потѣшимъ молодецкую душу.

И послушался опять горя добрый молодецъ, прогулялъ все свое имущество, нажилъ себѣ неизбываемой бѣды, и связалось съ нимъ горе съ той поры на цѣлый вѣкъ: некуда молодцу отъ горя укрыться; молодецъ отъ горя въ чистое поле, а горе за нимъ тенета несетъ—стой, не уйдешь, добрый молодецъ! молодецъ отъ горя въ быструю рѣчку, а горе за нимъ невода тащитъ; молодецъ отъ горя въ постель укрывается, а горе въ ногахъ сидитъ:

— Не на часъ я къ тебѣ горе привязалось—на цѣлый вѣкъ!

Молодецъ отъ горя въ сырую землю, въ гробовыя доски, а горе за нимъ вслѣдъ лопату несетъ, телѣжку везетъ.

Положили молодца въ сырую землю—сидитъ горе на могилкѣ, присказываетъ:

— Хорошъ ты былъ, добрый молодецъ, ладно мы съ тобой вѣкъ прожили, а пойду по свѣту, найду и другого—получше тебя!

XXXIII.

Ермакъ Тимофѣевичъ.

Въ славныхъ степяхъ саратовскихъ, пониже города Саратова, повыше Камышина, собрались въ кругъ вольные казаки, съ атаманомъ своимъ Ермакомъ Тимофѣевичемъ. Стали они раздумывать великую, глубокую думушку. Говоритъ Ермакъ:

— Проходитъ красное лѣто, наступаетъ суровая зимушка, гдѣ будемъ зимовать? Не мало мы нашутили недобрыхъ шутокъ, не мало пограбили богатыхъ кораблей, пословъ царскихъ перебили, какой будемъ отвѣтъ держать? Будемъ жить на Волгѣ—прослывемъ цѣлый вѣкъ ворами-разбойниками; уйти на Уралъ—переходъ слиш-

комъ долог; подъ Казанью стоять—не рука: стоитъ подъ Казанью Грозный царь Иванъ Васильевичъ съ ратной силой; всѣхъ насъ, товарищи, переловятъ царскіе слуги, засадятъ въ глубокіе погреба въ наказаніе за наши разбои и дурныя дѣла. Уйдемъ-ка зимовать къ славнымъ купцамъ Строгановымъ, возьмемъ съ собой хлѣба про запасъ, захватимъ и казну свою, а какъ наступитъ весна—пойдемъ походомъ на татаръ: заслужимъ своими подвигами себѣ прощенье у царя Ивана Васильевича.

Стали казаки по веснѣ строить себѣ лодочки-коломенки, ставить уключины еловыя, строгать сосновыя весла.

— Поѣдемъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой,—говоритъ Ермакъ,—проберемся къ бусурманскому сибирскому царству; возьмемъ въ плѣнъ царя Кучума—вымолимъ себѣ милость Ивана Васильевича, Грознаго царя.

Долог и труденъ былъ переходъ: шли казаки вверхъ по Чусовой рѣкѣ, а оттуда по Серебряной, а потомъ пришлось по землѣ имъ тащить на себѣ лодки—утомились казаки, оставили лодки по дорогѣ.

Добрались казаки и до рѣки Баранчи—и опять начали рубить себѣ сосновые боты, сколачивать наскоро новыя лодки. У Медвѣдя-камня жила дружина Ермака съ весны и до Троицы; поплыли они потомъ по Турѣ-рѣкѣ и на Епанчѣ остановились до Петрова дня; тутъ понадѣлали они соломенныхъ людей, нарядили ихъ въ цвѣтное платье; было у Ермака всего триста человѣкъ дружины, а тутъ стало болѣе тысячи.

Поплыли казаки все впередъ и впередъ до татарскихъ селеній; взяли съ собою въ плѣнъ татарскаго князька, чтобы дорогу имъ указывалъ.

Собрали казаки еще разъ думу и порѣшили, чтобы ѣхалъ Ермакъ вверхъ по рѣкѣ къ самому устью, а сами остались внизу. И загорѣлся тутъ подъ горой великій

бой между казаками и татарами: какъ дождь сѣятся татарскія стрѣлы, и выставили казаки впередъ своихъ соломенныхъ дружинниковъ; видятъ татары, что сколько

Поплыли казаки все впередъ и впередъ.

ни стрѣляютъ они—живы и цѣлы казаки. Диву дались татары.

А Ермакъ Тимофѣевичъ былъ уже на рѣкѣ Сибири, дошелъ до малаго устья, взялъ въ плѣнъ самого царя сибирскаго и послалъ сказать татарамъ:

— Сдавайтесь, уже царь вашъ у меня въ рукахъ.

Смирились татары, пришли къ Ермаку съ поклономъ, принесли дары: куницъ и соболей, и жилъ Ермакъ въ Сибири до самой зимы, а зимой послалъ въ Москву бѣлокаменную своего вѣрнаго есаула и казаковъ съ богатыми подарками къ Грозному царю.

Тихонечко подвигался есаулъ Кольцо къ Москвѣ, пришелъ въ Москву въ день святой Пасхи; поднялся онъ съ товарищами на Красное крыльцо, упалъ на колѣни передъ Грознымъ царемъ.

— Надежа, православный царь! не вели казнить, позволь рѣчь держать: принесли мы тебѣ повинную голову; кланяется тебѣ атаманъ Ермакъ Тимофѣевичъ богатымъ сибирскимъ царствомъ, что добыли для тебя казаки, вѣрные твои слуги—прости-же намъ наши великія вины передъ тобою!..

Ласково принялъ Иванъ Васильевичъ пословъ Ермака:

— Спасибо лихому казаку, Ермаку Тимофѣевичу, за его вѣрную службу; отпускаю я ему и товарищамъ его ихъ прежнія вины!..

Но не пришлось Ермаку попасть обратно на Тихій Донъ, гдѣ-бы можно было жить старому казаку: напали темной ночью на его малый станъ измѣнники-татаровья, перебили всѣхъ его товарищей, а самъ Ермакъ, спасаясь отъ нихъ, прыгнулъ въ Иртышъ-рѣку и нашелъ могилу себѣ на днѣ его.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

